

Содержание

Тема 1. Что такое философия?	3
Тема 2. Генезис (происхождение) философии	
Периодизация философии	11
Философия когда-то возникает	11
Философия — переход от мифа к логосу	12
Три парадигмы в истории философии	12
Философия — выявление трансцендентальных условий	14
Другие подходы к периодизации философии	22
Генезис (возникновение) философии — три концепции	23
Специфика мифологического мышления	24
Тема 3. Философия античности. Онтология	26
Превращенные формы	28
Специфика античности	30
Принцип Парменида	33
Эпоха космоцентризма	34
Милетская школа	35
Общая проблематика античной философии	36
Чему научила милетская школа?	39
Три составляющие: первома́терия, фюзис, архэ	40
Фюзис vs технэ	42
Математический подход	54
Старшие физики	57
Учение о Бытии Парменида	63

Тема 1. Что такое философия?

Лекция 3 (18.09.2007)

Сегодня я бы хотел, чтобы все присутствующие написали небольшую контрольную работу минут на 10 в конце первой полупары, а на следующей полупаре я дам правильный ответ на поставленный вопрос. Вопрос следующий: есть феномен видения, например, стола или дома. Этот феномен мы можем зафиксировать с помощью фразы: «Я вижу дом». Вопрос заключается в следующем: какие *трансцендентальные условия* необходимы для того, чтобы этот феномен был возможен, т.е. что необходимо нам предположить, чтобы мы могли видеть предметы? Ваша задача заключается в том, чтобы выявить, по возможности, полный набор такого рода условий. Например, что необходимо чтобы были возможны лекции по философии на мехмате? Лектор должен быть, аудитория, учебная часть... Нужно попробовать выделить то, без чего **точно** не может быть этот феномен видения дома.

Продолжим тему: что такое философия. Итак, мы выяснили:

1. Философия предполагает некоторую работу с абсолютами.

Важно, что эти **абсолюты нам не даны в физическом мире**. Их бессмысленно искать в физическом мире. С этим связана сложность философской работы: философ говорит о чем-то, но если попросить его показать, о чем он говорит, то он не сможет показать. Есть, например, абсолютная любовь или абсолютная дружба? Они, как бы, не существуют, как некоторые предметы. В каком смысле существуют эти абсолюты? **Они существуют как условия предметов**. Восхождения к этим абсолютам и составляет *трансцендентальный метод в философии*.

Простой пример. Мы видим, что в мире существуют красивые вещи. Философ задается вопросом: если существуют красивые вещи, то должна быть причина и должно быть основание для этих красивых вещей. Значит, в качестве такого условия мы должны постулировать существование красоты самой по себе. Можно ли найти красоту саму по себе в мире? Конечно — нет, но мы можем найти ее проявления. Философские абсолюты, скорее, даны в виде некоторых символов. Символы мы находим в мире, мы находим проявления всех философских концептов.

Эти условия называются трансцендентальными условиями, они имеют необходимый характер, без которых мы не могли бы помыслить тот или иной феномен.

2. Философия базируется, по словам Аристотеля, на стремлении человека к знанию. Что значит стремление человека к знанию? Это означает попытку найти причину или основание. **Философия изначально нацелена, как и любая другая наука, на поиск причин, оснований**. Причины, которые ищет философия, отличаются от причин, которые пытались найти в предшествующей философии среде — мифологии. Иногда философию определяют как переход от мифа к логосу. Мифология отвечала на вопрос о причинах при помощи божеств, которые являлись основанием для всего происходящего.

Аристотель (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского

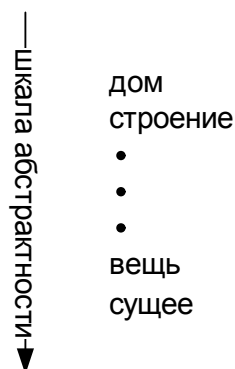
Пример из мифологии — поэма Гомера «Илиада» (8 в. до н.э.). Почему Одиссей не может вернуться домой? Потому что он разгневал бога Посейдона, т.е. все, что происходит в мире, для мифологического сознания объясняется при помощи божеств. Философия пытается найти причины для происходящего принципиально другого плана, они являются логичными причинами или первопричинами. Философия, как знание, основана на максиме

Гомер (12–8 вв. до н.э.) — древнегреческий поэт-сказитель

«Всё происходящее имеет какую-то причину».

Если мы отказываемся от этой максимы, то, как сказал бы Аристотель, у нас не возникло бы ни какого знания. Любое знание — это поиск причин. **Специфика философии состоит в том, что она в этом поиске причин пытается дойти до самых первых причин, до самых глубинных причин.**

Я вам попробую продемонстрировать эту специфику философии на очень простом примере. Философский акт не есть что-то специальное, он встречается на каждом шагу. Другое дело, что вы не всегда понимаете, что здесь можно совершить философский акт, можно философствовать. Например, возьмем дом. Что собой представляет дом? Мы хотели бы это узнать. Стандартный ответ — мы должны дать определение, например, дом — это жилище или строение, предназначенное для жилья. В данном случае можно заметить, что для того чтобы определить дом (нечто конкретное) мы должны использовать что-то более абстрактное (мы дом определяем через строение). Более точно, мы определяем вид через род (через более общее). Для того чтобы понять что такое дом, мы даем такое определение, при этом у нас возникает другой вопрос: что такое строение? Вообще говоря, откуда мы знаем, что такое строение? Для этого мы должны перейти на следующий уровень общего или абстрактного. Это можно изобразить следующим образом:

Если пропустить несколько ступеней, то мы могли бы сказать, что нам нужно знать — что собой представляет вещь. Дом — это вещь и строение — вещь. Ну все! Все что нас окружает является вещами. Мы дошли

до некоторой первопричины. Откуда мы знаем что такое вещь? (Вопрос к аудитории — молчание) Все является вещами? Как только мы такими вопросами задались — мы близки к нормальной философии. Философия пытается ставить первичные вопросы, которыми человеку в нормальном состоянии сознания и в голову не приходит задаваться. Я дам два ответа, которые будут характеризовать две философские проблемы (линии).

- a. Если продолжить описанный переход от конкретного к общему, то мы могли бы сказать, что **вещь — это сущее или существующее**. Мы дошли до **основного философского вопроса: что собой представляет сущее само по себе?** Дальше по этой шкале двигаться мы не можем, мы дошли до самого предельного случая. Мы должны определить сущее с помощью какой-то другой процедуры. Поэтому Аристотель определяет философию (или метафизику) как **исследование сущего самого по себе**, поскольку это является первопричиной для всего происходящего. Что бы мы ни взялись определять, линия определений, в конце концов, приведет нас к сущему.
- b. **Вещь мы, наверно, могли бы определить с помощью соотнесения вещи и слова.** Слова обозначают какие-то вещи. Есть физическая (вещная) реальность и есть словесная (знаковая) реальность. Есть нормальный мир (существующий) и есть язык, который предназначен для структурирования реальности. Августин Блаженный задался вопросом: в чем разница между вещью и словом? Августин заметил, что это различие не так прозрачно. Он рассуждал в терминах вещь и знак. Например, мы видим дым, мы понимаем, что дым — знак костра. В данном случае дым выступает и как вещь и как знак. Оказывается, все в мире имеет двойкий статус существования — это и вещь и слово. Вещь может выступать как вещь сама по себе, а может выступать как знак чего-то. Например, сейчас звенит звонок, он для нас выступает знаком, что надо заканчивать лекцию. Можно ли найти в мире то, что является только вещью (абсолютные вещи)? Вещи, которые никогда ни для чего не могут быть знаками?

Августин Блаженный
(354–430) — христианский
богослов и политик

Первая линия (a) — **классический философский ход**: когда мы дойдем до вещи мы должны поставить вопрос что является причиной (основанием) вещи, тогда мы выходим на основную философскую проблематику — проблематику сущего. Здесь же присутствует интересный момент (b), что на самом деле мы не знаем еще и чем вещь отличается от слова или от знака. Никто не придумал, какая вещь может быть только вещью? Августин является христианским мыслителем, для него единственной абсолютной вещью является Бог, а все остальное наполовину вещь наполовину слово. Самая реальная реальность — это Бог. Можно ли дать ответ в какой-то другой (нехристианской) традиции? Я не знаю. Вы можете попробовать дать ответ на этот вопрос. Это будет подход к решению проблемы нахождения абсолютной вещи.

Вопрос. Может быть абсолютная вещь та, которую мы не можем

воспринять нашими органами чувств, организмом человека?

Ответ. Хайдеггер написал статью «Что зовется мышлением?» (1952) в ней он проводит один из тезисов, что наука не мыслит, а философия — мыслит. После дает емкую характеристику философии: философ — это тот, кто задает трудные вопросы. Всем остальным это все понятно, приходит философ и начинает задавать вопросы и оказывается, что само собой разумеющееся не совсем понятно. Философ задает вопросы, которые не приходят в голову в нормальном состоянии сознания. Чтобы пробудить мысль философ иногда постулирует парадоксальные вещи, непривычные с обычной точки зрения. Мне достаточно близко, по своим философским взглядам, такое направление современной философии, как феноменология. Один из крупных представителей феноменологии — Морис Мерло-Понти, у него есть работа «Феноменология восприятия» (1945). Он ставит парадоксальный вопрос: «Можем ли мы слышать нашими глазами? Глаз слышит? А ухо видит?».

Хайдеггер, Мартин (1889–1976) — немецкий философ, ученик Гуссерля

Мерло-Понти, Морис (1908–1961) — французский философ

Отзыв аудитории: «Это зависит от того, как трактовать понятие видеть, например, звук можно представить как волны разной частоты, нанесем на бумагу и увидим».

Мы же говорим о некоторой феноменологии! Мы говорим не о том, что можно визуализировать звук, я спрашиваю: глаз как орган видения воспринимает звуковые колебания? Конечно! Вопрос возник о восприятии. Конечно, глаз воспринимает звук. Другое дело, что он не специализирован, он не может хорошо фиксировать звук. Вообще говоря, любой орган чувств воспринимает всё, как-то он реагирует.

3. Философия связана с удивлением. Если бы меня попросили дать максимально компактное определение философии, то я бы сказал следующее:

Философия — это удивление, выраженное в концептах.

Философ должен сначала удивиться, но не остановиться на этом этапе удивления, а должен постараться сформулировать некоторую концепцию (теорию), которая объясняет это удивление. Что такое удивление? Я вам прочитаю небольшое стихотворение Даниила Хармса, чтобы вы поняли, что такое удивление и как его можно было бы достичь. Стихотворение называется «Что это было?»:

Хармс, Даниил Иванович (1905–1942) — русский, советский писатель и поэт

Я шел зимою вдоль болота в галошах, шляпе и в очках,
Вдруг по реке пронесся кто-то на металлических крючках.
Я побежал скорее к речке, а он бегом пустился в лес.
К ногам приделал две дощечки, присел, подпрыгнул и исчез.
И долго я стоял у речки. И долго думал, сняв очки,
Какие странные дощечки и непонятные крючки.

Почему я прочитал вам это стихотворение? Вообще говоря, мы в нашей обыденной жизни воспринимаем многое не непосредственно. Хармс описал некоторое непосредственное восприятие — он не знает, что есть

коньки и есть лыжи, он что увидел то и описал. Мы в своем нормальном состоянии к этому непосредственному восприятию добавляем какие-то знания, которые мы получили от родителей, из книг. Задача философии вернуться в состояние непосредственного восприятия и попробовать заново это восприятие объяснить по-своему, потому что, возможно, что те объяснения, которые уже были даны — несовершенны.

Порой для философа очень важно прийти в это состояние удивления (состояние незнания). Это по-разному реализуется, например, Декарт говорит, что надо практиковать метод радикального сомнения — надо попробовать во всем усомниться — только тогда мы можем начать философствовать. Гуссерль в трактате «Феноменология» (1939) говорит, что мы должны использовать процедуру, которую он называет эпохе. Эпохе, в первом приближении, это процедура воздержания от суждений — не торопиться говорить. Когда мы начинаем быстро говорить, у нас сразу вылезают непродуманные нами какие-то чужие мнения и тогда, может быть, заниматься философией уже нельзя.

Декарт, Рене (1596–1650) — французский математик, физик, физиолог и философ
Гуссерль, Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, основатель феноменологии

Вторая часть определения: философия — это удивление, выраженное в концептах, т.е. в словах. Основная проблема философии и любого познания, которую я уже упомянул, **проблема несовпадения вещи и слова**. Первое, что мы могли бы сказать, слово — гораздо богаче, чем вещь. Когда мы смотрим на мел и говорим: «это — мел», понятно, что мы сказали больше. Под это слово попадает не только этот мел, но и любой другой кусок мела. Под это слово (под это восприятие) попадает не только текущее (настоящее) восприятие, но и то, что мы воспринимали вчера и то, что мы будем воспринимать завтра. Любое слово — больше чем вещь. И в этом смысле, любое слово представляет собой нечто метафизическое, т.е. мы смотрим-то на эту вещь, но высказываем в слове гораздо больше, чем видим. Исток философии как раз и заключен в том, что она работает со словом. **Как только мы используем слова, то мы вольно или невольно выходим за пределы нашей физики**. Второе, что я бы хотел бы сказать, с другой стороны, конечно же, вещь гораздо больше (богаче), чем слово. Мы пытаемся выразить в слове, например, восприятие стола, но нам это не удастся. Итак, мы видим двоякое напряжение. Для философии важно, что слово превышает восприятие, поэтому мы можем заниматься философией, т.к. у нас есть инструмент, называемый языком или словами. Хармс говорит, что исток философии лежит в нашем языке, наш язык философичен (метафизичен). Он нас заставляет совершать такого рода операции, когда мы от восприятия чего-то отдельного и конкретного переходим к поиску первопричин.

проблема несовпадения вещи и слова

На моей учебной странице (в самом начале) есть несколько текстов (3–4) на тему что такое философия. Получается так, что практически каждый год я обращаюсь к этой теме и даю некоторое, отличное от прежних, понимание философии. Наиболее важно, что помимо этого, вы должны познакомиться с пониманием вопроса «что такое философия» какого-нибудь крупного философа. А мы переходим к следующей теме.

Людвиг Витгенштейн (1889–1951)

Логико-философский трактат (1921)

«Замысел книги — провести границу выражения мысли. Такая граница может быть проведена только в языке».

«Повседневный язык — часть человеческого устройства, он не менее сложен, чем это устройство. Люди не в состоянии непосредственно извлечь из него логику языка. Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли».
[4.002]

«Вся философия — это «критика языка». [4.0031]

«Предложение — картина действительности: ибо, если я понимаю предложение, то знаю изображаемую им возможную ситуацию». [4.021]

«Предложение представляет существование или не существование событий». [4.1]

«Совокупность истинных предложений — наука в ее полном охвате».
[4.11]

Истинность предложений устанавливается при сопоставлении их с действительностью.

«Философия не является одной из естественных наук. (Слово «философия» должно обозначать что-то стоящее выше или ниже, но не наряду с естественными науками.)» [4.111]

«Цель философии — логическое прояснение мыслей. Философия есть не учение, а деятельность. Философская работа по существу состоит из прояснений. Результатом философии являются не «философские предложения» (в отличие от естественных наук), но прояснение предложений. Философия должна делать ясными и четко различать мысли, которые являются как бы туманными и спутанными». [4.112]

Философия — деятельность по прояснению мыслей и проблем.

Философия не обобщает данные отдельных наук. «Дарвиновская теория имеет к философии ничуть не большее отношение, чем любая другая естественнонаучная гипотеза». [4.1122]

«Философия ограничивает спорную территорию науки». [4.113]

«Философия должна разграничить мыслимое и тем самым немислимое. Она должна ограничить немислимое изнутри, ограничив мыслимое». [4.114]

«Она указывает на невыразимое тем, что ясно показывает выразимое».
[4.115]

«Математика есть логический подход. Предложения математики суть уравнения и, следовательно, псевдопредложения». [6.2]

«Математические предложения не выражают никакой мысли». [6.21]

«Специфическим признаком логических предложений является то, что их истинность может быть распознана по одному лишь их символу». [6.113]

Для установления истинности логических предложений не требуется сопоставления их с действительностью.

«Мы чувствуем, что, если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы не были бы затронуты этим. Тогда, конечно, уж не осталось бы вопросов, но это и было бы определенным ответом». [6.52]

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать». [7]

Философские исследования (1953)

«Оно [философское исследование] принуждает нас странствовать по обширному полю мысли, пересекая его вдоль и поперек в самых разных направлениях».

«Нам кажется, что логике присуща особая глубина — универсальное значение. Представляется, что она лежит в основе всех наук». [89]

«Что человек знает, когда никто его об этом не спрашивает, и не знает, когда должен объяснить это кому-то, — и есть то, о чем нужно напоминать себе». [89]

«Нам представляется, будто мы должны проникнуть вглубь явлений, однако наше исследование направлено не на явления, а можно сказать, на возможности явлений. То есть мы напоминаем себе о типе высказывания, повествующего о явлениях». [90]

«Поэтому наше исследование является грамматическим». [90]

«С точки зрения логики, предложение, слово должны быть чем-то чистым, четко очерченным. И тут мы ломаем голову над сущностью подлинного знака». [105]

«При этом, как бы витая в облаках, с трудом понимаешь, что надлежит оставаться в сфере предметов повседневного мышления, а не сбиваться с пути, воображая, будто требуется описывать крайне тонкие вещи, которые, оказывается, не поддаются описанию с помощью имеющихся у нас средств. Чувствуешь себя так, словно тебе выпала задача своими пальцами восстановить разорванную паутину». [106]

«Кристалльная чистота логики оказывается для нас недостижимой». [107]

«Нашим изысканиям не обязательно быть научными». [109]

«Нам следует отказаться от всякого объяснения и заменить его только описанием», способным прояснять философские проблемы. [109]

«Проблемам, возникающим из-за неверного толкования наших языковых форм, присуща глубина». [111]

«Оно [философское исследование] разрушает воздушные замки, расчищая почву языка, на которой они возведены». [118]

«Главный источник нашего недопонимания в том, что мы не обзираем употребления наших слов». [122]

«Философия просто все предъявляет нам, ничего не объясняя и не делая выводов. — Так как все открыто взору, не надо ничего объяснять». [126]

«Если попытаться сформулировать в философии тезисы, никогда бы не удалось довести дело до дискуссии о них, так как все согласилось бы с ними». [128]

«Наиболее важные для нас аспекты вещей утаены их простотой и повседневностью». [129]

Что такое философия? (по Витгенштейну)

План ответа:

1. Философия не является наукой, философские исследования не обязаны быть научными.
2. Философия — деятельность по прояснению мыслей и проблем.
3. Философское исследование — «странствие по обширному полю мысли»
4. Философская проблема имеет вид: «Я не знаю как из этого выбраться», «Я в тупике».
5. Философия призвана «показать мухе выход из мухоловки», дать сознанию ясность
6. Повседневный язык, как средство выражения мысли
7. Язык — линза через которую мы смотрим на мир. В нормальном состоянии мы ее не замечаем, однако, бывает что мы переносим фокус своего зрения на эту «линзу»
8. Необходимость исследования языка и методов его анализа
9. Многие философские проблемы возникают из-за неверного использования языка
10. Источник проблем — в непонимании употребления наших слов. Необходимо избегать ловушек языка
11. Философия — «критика языка»
12. «Философия есть борьба против околовывания нашего интеллекта средствами нашего языка»
13. Философия должна давать лишь описания, призванные прояснить философские проблемы, она не должна делать выводов.
14. Философия не должна изобретать что-то новое, ее задача разобраться с тем что есть на данный момент.
15. Работа в философии — работа над самим собой, над своим пониманием
16. Все важное открыто нам, наша задача лишь это заметить

Тема 2. Генезис (происхождение) философии

Периодизация философии

Мы могли бы представить историю философии как деятельность по выявлению трансцендентальных условий. После перерыва я расскажу, какие трансцендентальные условия были выявлены, например, при объяснении фразы «Я вижу дом». Прежде чем воспроизводить ответ, который мы находим в истории философии я хотел бы, чтобы вы предложили свои варианты.

Философия когда-то возникает

Философия не то, что было на протяжении всей культурной истории человечества, а это нечто, что возникает в определенное время. Считается, что философия возникла в 6–7 в.в. до н.э. Что было до философии? Всю эпоху до философии можно назвать *эпохой мифологического мышления*. Если принять за дату возникновения человека 40 000 лет до н.э., то большую часть времени существовало мифологическое мышление. Что собой представляло это мышление, мы сейчас не сможем ответить. Потому что человечество перешло на новую ступень развития. По косвенным данным мы можем сказать о мифологическом мышлении, но не более.

Особенность философии состоит в том, что **она имеет явно авторский характер**. Мифология безлична, у мифа нет автора. Философия — это конкретные люди, авторы, концепции.

Философия возникает одновременно в трех регионах: Европа (Греция), Индия и Китай. Это удивительный факт. В то время связи между регионами не было. Следовательно, были какие-то общие причины. В греческой философии первым мыслителем был Фалес, в Индии — Будда, в Китае — Конфуций. В более узком смысле слова, философия как таковая возникает в Греции, а то, что возникает в Индии и Китае не является точной философией, там есть размышления, которые очень похожи и относящиеся к одному типу.

Главным вопросом греческой философии является вопрос о мире (что собой представляет мир). Преимущественный вопрос индийской философии — вопрос о человеческом «Я» (такого рода размышления — нечто среднее между философией и религией). Структурирующим вопросом для китайской мысли (в лице Конфуция) выступает проблема социума (как возможно построить идеальное (устойчивое) общество) — эта проблема стоит до сих пор. Мы будем заниматься, прежде всего, европейской (греческой) философией.

Скажу несколько слов о китайской философии. При ответе на вопрос «Как возможен социум?», мы должны выявить некоторые необходимые (трансцендентальные) условия — это и есть поиск первопричин. Ячейкой общества является семья. Семья — устойчивое образование. Если мы попробуем понять, почему семья — устойчивое образование и попробуем эти принципы перенести на построение общества, то, возможно, мы достигнем устойчивого общества. В семье должен быть глава семьи. Принцип построения семьи — принцип строгой иерархии Конфуций кладет в основу построения общества. Если рождается два брата, то всегда есть младший

и старший. Младший должен подчиняться старшему. Старший брат должен подчиняться отцу. Если мы выстроим такую иерархию, то полученная структура будет устойчивой. Во главе государства должен стоять император, а все остальные должны представлять строгую иерархию и должны относиться к императору как к родному отцу, должны его уважать. Император должен любить свой народ. Над императором должно быть небо, а под всеми — земля. Социум расположен между небом и землей. История показала устойчивость этой модели. Китай до сих пор живет в рамках этой модели. Можно с этим трансцендентальным условием не согласиться. На Западе предложили другую модель, основанную на лозунге французской революции «свобода–равенство–братство». Если вы подумаете над этими терминами, то они оказываются внутренне противоречивыми. Свобода предполагает неравенство. Равенство отрицает свободу.

Философия — переход от мифа к логосу

Можно провести сопоставление модели генезиса философии с библейскими мотивами. Состояние мифологического человека — это райское состояние. Философия начинается, когда происходит акт грехопадения. Для философии важно, что человек вкушает древо познания. Как только человек вкусил, он начал понимать, что ничего не знает. Чтобы ликвидировать свое незнание нужно развивать какие-то логосные процедуры. Мифологическое мышление характеризуется связкой: миф представляет собой теорию (разновидность мировоззрения), практикой для мифологического общества выступает магия (магическая практика). Для философии характерно теоретическое осмысление, а в качестве практики выступает наука, основанная на каких-то теоретических конструкциях (на каком-то логосе). Нужно иметь в виду, что магия по своей эффективности не уступает науке. Можно заниматься научной практикой (чем мы с вами занимаемся) — достигать каких-то результатов, а можно достичь того же самого с помощью магических процедур. Вы можете относиться к этому с усмешкой. Но если эта эпоха логосного знания когда-то началась, то она может и закончиться. Более того, в конце 20 века многие мыслители считают, что мы находимся на пределе логосного мышления, и мы должны перейти в какое-то третье состояние. Возможно, что люди в этом третьем состоянии будут относиться к науке так же, как мы относимся к магии.

Вопрос. Разве магия — это не наука без понимания?

Ответ. Понимание обеспечивается мифологией. В мифологической эпохе работает связка «миф–магия». В нашей эпохе — «философия–наука».

Три парадигмы в истории философии

В рамках европейской философии я бы выделил три периода (три парадигмы философии):

1. **Античная парадигма философии.** Основным предметом философских рассуждений здесь выступает понятие «Мир». Главный вопрос античной философии: «Что собой представляет Мир, как он устроен?». Эта античная парадигма включает в себя эпоху средневековья. Что-то принципиально новое в философии происходит в новое время, поэтому оно и называется новым.

2. **Классическая парадигма** (парадигма нового времени) философии. Эту новизну можно фиксировать двояким образом. Во-первых, в центре внимания нового времени оказывается не «Мир», а мы с вами, наша субъективность. Предметом философии нового времени выступает концепт «Я». Исходное понятие — «Мир» расщепляется на три понятия (три идеи разума): «Мир», «Бог», «Я». Третий период в истории философии происходит где-то в середине-конце 19 века.
3. **Современная парадигма** философии. Особенность состоит в том, что мы возвращаемся к исследованию «Мира». Переход к современной парадигме ознаменован двумя событиями. Первое — тезис Ницше (конец 19 века): «Бог умер», как объяснить что такое «Мир» не прибегая к божеству. Второе — тезис Мишеля Фуко (60-е годы): «Смерть человека (или субъекта)». Классический субъект новоевропейской философии исчезает. Например, 20 век характеризуется всевозможными социальными устройствами, когда жизнь человека уже ни во что не ставится. Обесценивается человеческая жизнь. Может быть, мы уже пережили эту эпоху...

Эти парадигмы можно продемонстрировать на фразе «Я вижу дом». Первая парадигма — античная философия занимается исследованием трансцендентальных условий, связанных с существованием дома. Она занимается исследованием объектов. В общем случае, что необходимо чтобы был возможен феномен видения дома? Прежде всего, должен быть объект. Должна быть объективная сторона, чтобы мы могли что-то видеть. Античность занимается онтологией — учением о бытии (или о Мире).

Второй тип вопрошания, характерный для новоевропейской философии (я думаю, что большую часть условий вы выявили связанные с новоевропейской философией), для того чтобы был возможен феномен видения дома должен быть субъект, который дом воспринимает. Новое время характеризуется тем, что философы пытаются разобраться в устройстве субъекта. Субъект для нового времени — это человек, который может познавать. Производится попытка разобраться в том, как устроено познание, как устроен наш познающий аппарат.

Чтобы стала понятна специфика третьего этапа — современной философии, я покажу, чем современная философия отличается от античной и от классической. Я воспользуюсь современным философским учением Эдмунда Гуссерля «Феноменология». Гуссерль говорит, что на самом деле мы должны заниматься изучением феноменов. Когда мы будем изучать феномены, окажется, что на самом деле нет ни субъекта, ни объекта. Предметом изучения философии являются феномены. У нас есть феномен видения дома. Давайте попробуем ответить на вопрос, как этот феномен возможен. Можно было бы попробовать изучать этот феномен, не делая слишком поспешных заключений, что для этого должен быть субъект и должен быть объект. При отсутствии субъекта и объекта сейчас что-то же происходит. Сейчас происходит феномен, который мы называем лекцией. Воспринимаем мы его или нет, а он есть. Попытка современного философствования состоит в том, чтобы преодолеть субъектно-объектное различие. Попытка сделать философствования не опираясь на субъект и объект. Вторым примером является Витгенштейн, который сказал, что «на самом деле есть

лишь факт». Мы должны понять, что видение дома является лишь фактом, и тогда мы должны ответить на вопрос: как возможен этот факт?

Философия — выявление трансцендентальных условий

Теперь давайте попробуем зафиксировать несколько вех в истории философии. Как я уже сказал, история философии может быть рассмотрена как последовательная кропотливая деятельность по выявлению трансцендентальных условий все более тонких и тонких. Философия начинается с простых вещей. Мы должны задать первое условие — оно грубое, оно настолько для вас само собой разумеющееся, что вы этому не придаете значения. Тем не менее, это была культурная революция в сознании людей. С чего начинается философия? Философия начинается с того, что мы должны постулировать наличие некоторого сущего. Что необходимо для того чтобы мы могли воспринимать дом? Должно что-то быть. Если бы этого чего-то не было бы, то и феномен восприятия дома был бы не возможен. Конечно, можно сказать, что мы воспринимаем не просто что-то, а мы воспринимаем дом, что-то более конкретное. **Первая философская категория — это категория материи.** Это то, что мы находим в размышлениях милетской школы. Для того чтобы мы могли воспринимать, должна быть материя из чего все состоит.

Милетская школа (6 в. до н.э.) представлена Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом

Вторая категория — это категория бытия вводится **Парменидом**. В чем отличие парменидовского бытия от милетской материи я сейчас не буду уточнять. Можно было бы сказать так: для того чтобы мы могли воспринимать этот дом мало постулировать того, что этот дом состоит из материи. Потому что, вполне возможно, что что-то состоит из материи, но это что-то начинает распадаться. Для того чтобы мы могли воспринимать дом, для того чтобы дом мог существовать должно быть что-то удерживающее эту материю в определенных рамках. В каком-то смысле, категория бытия выступает для Парменида, как некоторая **первоформа**. Почему мел не распадается на две части? Потому что его что-то держит. Современная физика сказала бы, что есть определенные силы, которые его удерживают. Античность еще сил не знала, она сформулировала это в общей форме: должны быть некоторые формы, которые эту материю держат и не дают распасться. Мы пока выяснили, что для того чтобы можно было воспринимать дом должно что-то быть, причем это что-то должно быть оформлено, но мы еще не дошли до объяснения того, почему мы видим именно дом.

Парменид (ок. 540 до н.э.) — досократик, учитель Зенона

Третий интеллектуальный прорыв (третье трансцендентальное условие) совершает **Платон**. Платон фиксирует наличие некоторого **мира идей**. Он берет парменидовскую форму и говорит, что на самом деле существует не одна форма, а существует большое количество форм или идей. Почему мы видим дом? Потому что это что-то состоящее из материи, оформлено как некоторое единство, причастное к идее дома. Почему у меня в руке находится мел? Откуда, вообще говоря, я знаю, что это мел? Платон на это вопрос отвечает примерно так: это является мелом потому, что это причастно к идее мела. Это материя. Материя оформлена какой-то первоформой (она едина). Каждая конкретная вещь причастна к своей идее. Можно задаться вопросом: объяснил ли Платон видение каких-то конкретных предметов? Ведь мы в факте восприятия видим не просто дом вообще и не просто вещь вообще, а мы видим конкретный дом и какую-то конкретную вещь. Полу-

Платон (428 — 348 до н.э.) — ученик Сократа, учитель Аристотеля

чается, что объяснение Платона до этой конкретности не доходит. Конечно, вещи причастны к каким-то идеям, но в рамках этого подхода мы пока не можем отличить один дом от другого. Нужно попытаться найти концептуальные средства, чтобы зафиксировать неповторимую индивидуальность вещей.

Эту задачу в античности решает **Аристотель**. Для того чтобы задать индивидуальность вещей Аристотель формулирует «Учение о четырех причинах» (см. «Метафизика»). Аристотель совершает первую попытку такого описания Мира, чтобы можно было описывать вещь во всей ее полноте, во всей ее конкретности. Каждая вещь, условно говоря, проходит свой жизненный путь. Этот жизненный путь характеризуется неповторимой индивидуальностью. Если мы возьмем человеческую жизнь, то она задается датами рождения и смерти. Сама по себе вещь состоит из материи и формы — это первые две причины. Третья причина фиксирует точку возникновения вещи. Аристотель говорит, что каждая вещь когда-то возникла, поэтому должна быть причина ее возникновения («то, откуда»). Аристотель называет эту причину движущей (началом всех начал является Бог). Четвертая причина — это конечное состояние вещи («то, ради чего»), т.е. целевая причина (высшей целью является Благо). Утверждается, что этих четырех причин: материальная, формальная, движущая и целевая, достаточно для задания индивидуальности вещи.

Лекция 4 (25.09.2007)

Я хотел бы, чтобы вы прочитали тексты древнегреческого философа Анаксагора. До нас дошло не так много фрагментов, но по ним можно сформулировать его физическую концепцию. На своей учебной странице я выложу материал. Главное в этом материале не столько текст, сколько интерпретация фрагментов Анаксагора. Ваша задача — попробовать разобраться в том, как себе мыслил Мир Анаксагор. Известный тезис Анаксагора

Анаксагор (500 — 428 до н.э.)

Мир состоит из гомеомерий

Нужно разобраться, что такое гомеомерии. Анаксагор был мудрецом, он теоретически предсказал падение метеорита. Попробуйте понять всю глубину мысли Анаксагора. Почему метеорит упал на землю? Как вы думаете? Как это объясняют современные физики? Метеорит притягивается. Для того чтобы притягиваться должны быть силы притяжения. Греки о силах ничего не знали. Они не могли сказать, что метеорит упал на землю, потому что он притягивается к земле. Анаксагор без концепции силы в другой аксиоматике объяснить, что могут падать метеориты. Когда через несколько лет упал метеорит, Анаксагора признали мудрецом. Пригласили его в Афины, попросили написать хорошие законы, но потом тоже объявили безбожником. Анаксагор решил не разделять судьбу Сократа и предпочел отбыть в свой родной город. Его физическая концепция очень интересна, о ней я буду рассказывать. Ваша задача самостоятельно разобраться в ней. Может быть, на контрольной будет вопрос: «Чем концепция Анаксагора отличается от концепции Демокрита?» **Концепция Демокрита** это то, что сейчас составляет концепцию современной физики:

Демокрит (460 — 370 до н.э.)

Мир состоит из атомов

Анаксагор предлагает нечто другое, отличающееся от атомов, — гомеомерии. Кто же из них прав — Анаксагор или Демокрит?

Еще одной значимой фигурой для 20 века является Людвиг **Витгенштейн**. После прошлой лекции ко мне подошел молодой человек и сказал, что Вы не правильно читаете курс философии, его нужно читать как, например, курс мат. анализа. Ему не понравилось, что я излагаю седую древность, нужно взять современное понимание философии (современную аксиоматику) и прочесть. Я уже говорил, что философия чем-то отличается от науки и от математики. Курс философии так же, как курс мат. анализа прочитать нельзя. По крайней мере, я так не умею. Может быть, на следующий год я попробую подготовить что-нибудь другое. Чтобы объяснить свое неумение читать по-другому, я вам зачитаю Витгенштейна: «иногда люди говорят, что они не в состоянии судить о том или этом, поскольку не изучают философию. Это сбивающая с толку бессмыслица, ибо наперед предполагается, будто философия есть некая наука. О ней говорят, скажем, как о медицине. Между тем, можно утверждать, что никогда не занимающийся философским исследованием, подобно большинству математиков, не обладает должной сноровкой для такого исследования». Для Витгенштейна, философия скорее некая сноровка. «Как человек не привыкший собирать в лесу ягоды и травы, не находит их. Потому что его глаз не наметан и он не знает, где прежде всего их следует искать. Так и философия, не искусный человек проходит мимо тех мест, где скрыты трудности». Для

Витгенштейна, философия — это особый взгляд на мир: человек без споровки не замечает философских проблем. Таким образом, философия — это практика философствования, но она включает в себя способность замечать философские проблемы. Моя задача — попробовать научить вас философскому взгляду. Вас надо научить, находясь в лесу, замечать грибы и ягоды. Витгенштейн говорит о том, чем философия занимается: «Философию вновь и вновь упрекают в том, что она, по сути, не движется вперед, что те же самые философские проблемы, которые занимали еще греков, продолжают занимать и нас». По сути, Витгенштейн говорит, что нельзя все отвергнуть и читать какой-то современный курс. Философия своими корнями уходит в Древнюю Грецию. Почему, говорит Витгенштейн, мы не можем с философией поступать по-другому? Потому что люди не понимают сути философской работы. Причина кроется в том, что наш язык остается тем же самым и вновь и вновь склоняет нас к постановке тех же самых вопросов. Мы уже говорили, что философия сильным образом связана с философией нашего языка. Что нас склоняет к философии? Почему мы занимаемся тем же самым, что и греки? Потому что наш язык так устроен. Витгенштейн обращает внимание, коль скоро сохраняется глагол «быть», (философия, как учение о бытии связана с тем, что в нашем языке есть незаметный глагол «быть» — глагол-связка) то мы должны обратить внимание на то, что этот глагол «быть» функционирует особым образом, и он по своему функционированию отличается от глагола «есть» и «пить». Вполне возможно, что в нашем языке есть какие-то слова, какие-то термины, на которые мы не обращаем внимания, но которые являются ходом к философствованию. Мы по привычке не отличаем эти слова от других. «Коль скоро имеются прилагательные «тождественный», «истинный», «ложный», «возможный», пока они остаются в нашем языке, **мы будем заниматься философией, т.е. будем пытаться понять, какой смысл несут эти слова.**

Чтобы это зафиксировать, приведу еще один пример. У нас есть термин «знание». Мы можем сказать, что у нас имеются какие-то знания. Выражение «иметь знание» отличается от выражения «иметь какую-то вещь». Вы имеете знание в том же самом смысле, в каком вы имеете какие-то вещи? Это продолжение мысли Витгенштейна: есть разные глаголы — похожие, но глагол «быть» он имеет особый статус, особый стиль функционирования. Например, чем отличается наше знание от обычных вещей? Если бы у меня было 100 рублей, и я бы вам их отдал, то 100 рублей у меня бы уже не было. У меня есть некоторое количество знаний. Я вам их отдаю — лекцию читаю. Как вы думаете, эти знания у меня исчезают, уменьшаются? Прочитав лекцию, я еще и сам начинаю больше понимать.

Итак, какие слова, по Витгенштейну, в нашем языке связаны с философской работой? Глагол «быть», прилагательные «тождественный», «истинный», «ложный», «возможный». Когда мы говорим о потоке времени, о протяженности пространства. Это все, говорит Витгенштейн, заставляет нас заниматься философией. Мы не достигаем какого-то прогресса, мы занимаемся теми же самыми проблемами, что и греки. Может быть мы точнее подходим к этим проблемам, но мы не должны забывать, что уже какая-то работа по осмыслению этих понятий была проделана. Далее, Витгенштейн продолжает, «я считаю: к смыслу «сущего» философы ныне не ближе, чем Платон. Какое странное положение вещей. Сколь поразительно вообще, что Платон смог зайти так далеко! Или же что мы не умели пойти дальше!» [75]

Если мы пытаемся осмыслить «бытие» или «быть» («сущее»), то Платон здесь достиг определенных вершин, а мы даже не смогли достичь уровня Платона. Возможно, чтобы двинуться дальше, нам нужно найти ошибки у Платона. Вернемся к основной теме лекции.

Философия представляет собой деятельность по выявлению трансцендентальных условий (рабочее определение). Соотношение между условиями может быть представлено таким образом, что сначала мы выявляем более простые условия (более бросающиеся в глаза), следующее трансцендентальные условия (я аргументирую — почему нельзя обойтись без истории философии) предполагают, что есть предыдущие. По мере развития философии выявляются более тонкие трансцендентальные условия. В этом смысле историю философии можно представить как **единый процесс** по выявлению все более и более тонких трансцендентальных условий, т.е. есть единый философский процесс (единая философская направленность (вектор)).

Мы рассматриваем простой феномен «Я вижу дом». Можно выделить три типа вопрошания (три периода, три парадигмы в истории философии): античная парадигма, новоевропейская парадигма и современная парадигма. Как и любая схема, эта схема слишком груба и многих тонких моментов она не учитывает, но она предназначена для задания общего обзора истории философии. Античность пытается выявить трансцендентальные условия, связанные с субъективной составляющей. Чтобы видеть дом, дом в каком-то смысле должен быть. Это слишком общий ответ. Античность может быть сведена к выявлению четырех трансцендентальных условий:

1. Дом должен из чего-то состоять. Это так называемая категория материи.
2. Дом должен быть. Этот шаг связан с именем Парменида.
3. Дом должен не просто быть, а дом должен быть домом. В ваших работах вы выражаете эту мысль так: мы должны уметь отличать дом от других вещей. Что для этого нужно? Нужно чтобы сам дом как-то отличался от других вещей. Платон решает эту проблему, сказав, что каждая вещь причастна к той или иной идее. Если вещь причастна к какой-то идее, то эта причастность задает ее отличие от вещей и других классов. Ну, хорошо, мы научились различать вещи разных типов, но мы воспринимаем конкретный дом, поэтому мы должны постулировать еще более тонкие моменты, связанные с большей конкретизацией.
4. Учение Аристотеля о 4 причинах. По Аристотелю, каждая вещь имеет 4 типа оснований. Набор этих оснований задает уникальность вещи.

Я бы хотел сказать о нескольких работах, которые мне понравились и которые иллюстрируют то, о чем я говорю. «Чтобы видеть дом мы должны понимать что мы видим и должны понимать что мы видим». Платоновские идеи отвечают на вопрос: что мы видим? Когда мы смотрим на какую-то вещь, мы видим какую-то «чтойность». Мы сразу понимаем что это такое.

Еще одна работа. В ней переоткрытие Парменида. «Наличие самого дома не достаточно. Необходимо чтобы дом был открыт для нашего взора».

Представьте себе, что здесь гораздо больше студентов. Но мы можем увидеть только лишь тех, кто открывается моему взору. Мы видим только лишь то, что открывается нашему взору. Если бы дом не захотел нам открыться, то мы бы его не увидели. Это важная вещь! Существовать («бытие») это не просто быть материальным и не просто из чего-то состоять, а «бытие» это то, что открывается для нас. Например, в физике есть понятие «черная дыра». А «черные дыры» существуют? Если бы «черная дыра» была бы идеально черной, то мы могли бы ее заметить? «Черная дыра» это то, что все в себя затягивает и ничего оттуда не исходит. У нас нет возможности увидеть «черную дыру». Сейчас физики ввели много странных понятий — «темная энергия», «темная материя» — этого никто не видит, но физики говорят, что это есть. Парменид был реалистом, он сказал бы так: существует лишь то, что нам открывается, то, что мы можем увидеть. А если там и стоит еще пять студентов, но их не видно и они никак не открываются нашему взору, то мы должны сказать, что их нет. Я не знаю поняли вы или нет эту мысль, но мы будем говорить еще о Пармениде и я попробую ее еще растолковать.

Еще одна оригинальная работа. Понятно, что дом должен из чего-то состоять, дом должен открываться нам, дом должен открываться нам как дом, т.е. должен быть причастен к идее дома. А вот сейчас мы доходим до Аристотеля. «У дома должен быть мастер — тот, кто его сделал». Вы согласны? Раз мы дом видим, значит кто-то его сделал. У каждой вещи должен быть мастер. Так? Кто является мастером для природных объектов? Бог. Третья аристотелевская причина — движущая причина указывает на то, что каждая вещь родилась. Раз вещь родилась, то должна быть движущая причина, которая породила эту вещь.

Вопрос. Если все создал Бог, то кто создал Бога?

Ответ. Хорошо, что вы поняли, что в конечном итоге все от Бога. Мы договорились о том, что когда мы доходим в философском вопрошании до какой-то первопричины, например, мы говорим, что Бог является первопричиной всего, то мы должны понимать, что статус существования первопричины (или абсолюта) отличается от статуса существования всего того, что находится здесь. Возможно, что наши мирские вопросы к такого рода абсолютам не применимы. Почему? Казалось бы, что мы можем ставить вопросы бесконечно (типа кто Бога создал? и т.д.). Аристотель на это возражает: «мы не можем заниматься бесконечными вопрошаниями, т.к. мы сами — **конечны**. Мы рано или поздно должны остановиться в своем вопрошании. Мы дошли до первопричин (какого-то основания) и считаем, что этого достаточно». Давайте я отвечу на этот вопрос чуть более конкретно. Аристотель говорит, что у каждой вещи в мире есть некоторая причина. Почему, например, мел движется? По Аристотелю, каждая вещь движется потому что есть двигатель. Двигателем этого мела является моя рука. Рука движется, значит, у нее тоже есть свой двигатель. Почему движется моя рука? Мел движется не по своей воле, а его рука движет. Моя рука движется по моей воле. Двигателем моей руки выступает моя воля или мое желание. Желание, ведь, тоже возникает. Значит, нужно поставить вопрос о том, что является двигателем этого желания? Если мы продолжим весь этот ряд, то мы можем найти ближайшую движущую причину, следующую и т.д. В конце-концов, по Аристотелю, мы дойдем до предела. Перводвигателем всего является Бог. Например, он является причиной или двигателем

моих желаний. А можем ли мы поставить вопрос о том, что является двигателем Бога? Мы можем сказать, что такие вопросы ставить бессмысленно, но можно предложить следующую конструкцию. Плотин говорит, что Бог является центром всего. Обычный двигатель подталкивает тела, а Бог движет другим способом — все тела стремятся к нему как к своей цели. При этом, мы можем сказать, что такого рода двигатель остается неподвижным и нет смысла искать для него двигатель. Бог — центр, все остальное к нему стремится, а он неподвижен.

Вопрос. Хорошо, мы определились куда все движется — к Богу. Но, откуда все движется?

Ответ. К Богу. Аристотель вводит 4-е причины. Они сливаются в первопричине. Бог — некий абсолют, в котором сливается все многообразие. Аристотель говорит, что по отношению к конкретной вещи можно поставить вопросы 4-х типов. Отвечая на эти 4-е типа вопросов, мы получаем 4-е типа ответов и они задают индивидуальность вещи. После того как сформулированы эти 4-е причины (4-е типа вопросов), можно задать следующий вопрос: достаточно ли этих вопросов для задания индивидуальности вещи или нужны еще вопросы? Эту линию продолжает в средние века мыслитель Дунс Скот. Вещи из чего-то состоят, например, мел состоит из какого-то вещества. Этот мел, чтобы быть мелом, должен быть причастен к идее мела (это его форма). Но все таки эта вещь является индивидуальной и неповторимой. Мы отличаем друг от друга два куска мела. Они состоят из одного и того же, они имеют одну и ту же форму (в философском смысле слова, т.е. они оба являются мелом), но они друг от друга отличаются. Возможно, что у них одна и та же движущая причина — один и тот же мастер. Возможно, они и стремятся к одному и тому же — предназначение мела вы знаете. **Дунс Скот**, сказал, значит, учение о 4-х причинах не решает проблему индивидуальности. Есть еще одна инстанция, отвечающая за индивидуальность вещи. Дунс Скот назвал ее «этостью». У каждой вещи есть что-то, что придает ей неповторимый, уникальный характер.

Вопрос. Почему нельзя задать индивидуальность вещи координатой?

Ответ. Координаты задают вещь внешним образом. Они фиксируют неповторимость местоположения. Например, если Вы перейдете в другое место, то Вы же не потеряете своей индивидуальности. Вы же отличаетесь от своего соседа не только своим местоположением.

Вопрос. Имеется в виду положение в конкретный момент времени. Если он в один и тот же момент времени перейдет в другое место, то это будет нечто другое.

Ответ. Вы изначально предполагаете некоторую неповторимость, которую вы фиксируете личным местоимением. Возможна ситуация, что при переходе в другое место вещь становится другой, но вы предполагаете, что она остается той же самой! Проблема «этости» связана с проблемой «самотождественности». И вообще это рождает целый комплекс философских проблем!

Теперь я хочу чтобы вы написали небольшую работу. Каждый пусть выберет какую-то вещь и покажите, чем для нее является каждая из четырех причин (материальная, формальная, движущая, целевая). Например, я возьму телефон. Материальная причина — то из чего он состоит, например, пластмасса и все остальное. Я состою из человечины :). Формальная причина отвечает на вопрос что это? Это — телефон. Третья причина —

движущая. У каждой вещи должен быть ремесленник, который эту вещь сделал. Для этого телефона движущей причиной является фабрика siemens. Моей движущей причиной являются мои родители. Движущая причина — это то, что порождает вещь. Мы берем материю и форму и нам нужно эту материю и форму соединить. Для этого нужен мастер. Четвертая причина — целевая, т.е. предназначение вещи. Например, предназначение телефона состоит в том чтобы по нему звонить или чтобы он оказался в данный момент в моей руке.

На этих **пяти** трансцендентальных условиях (учение о 4-х причинах + «этость») развитие философской мысли не остановилось. Следующий принципиальный шаг был сделан в **новое время**. Любое видение осуществляется субъектом. Точно также, как Парменид вводит объективное бытие (т.е. вещь должна открываться) точно также **Декарт** вводит субъективное бытие. Декарт впервые заметил, что способ существования нашего «Я» (лат. cogito) принципиально отличается от способа существования вещей. Примерно также как и Парменид, Декарт довольно смутно мыслит свое субъективное бытие. Следующий шаг делает **Кант**. Работа Канта в чем-то аналогична работе Платона. Платон предложил разбить объективное бытие на какие-то классы. Платоновские идеи — видообразующие признаки для бытия. Кант делает аналогичную работу в области субъективного бытия или декартовского cogito. Кант подмечает, что наша субъективность неоднородна. Ставится вопрос о структуре нашей субъективности, т.е. как устроен наш внутренний мир. Кант вводит свое учение об априорных формах. Субъективное бытие разделено на априорные формы. В частности, в число априорных форм, по Канту, входит пространство и время. Это открытие в философии получило название коперниканский переворот. Коперниканский переворот Канта состоит в том, что Аристотель трактовал пространство и время как то, что относится к объективной стороне восприятия (сам дом пространственен), Кант говорит, что пространство и время скорее являются способами нашего восприятия. Мы видим дом как какое-то тело. Телесность есть пространственное оформление дома. Пространство и время, говорит Кант, может быть не имеет объективного статуса. Приведу аналогию, которая принадлежит Бертрану Расселу. Допустим, говорит **Рассел**, на нас с вами надеты синие очки. Соответственно, когда мы смотрим на мир, весь мир мы воспринимаем в синем цвете. Следует ли отсюда, говорит Рассел, что сами предметы являются синими? Конечно, нет. Синева это скорее особенность наших очков, чем характеристика самих предметов. По Канту, на нас как бы одеты пространственные очки, поэтому мы все предметы воспринимаем в пространственной характеристике, а поскольку на нас надеты временные очки, то мы все воспринимаем изменяющимся во времени. Но, принадлежит ли пространство и время объективному миру для Канта не очевидно. По Канту, есть набор априорных форм, которые структурируют наше восприятие, наш внутренний мир, — они даны раз и навсегда. Следующий существенный шаг делает **Гегель**, который сформулировал следующий тезис, что вполне возможно, набор априорных форм исторически (или культурно) изменчив. В зависимости от культуры набор меняется. Представитель каждой культуры (исторического периода) видит мир по-своему. Для Канта априорные формы не меняются, а для Гегеля эти формы имеют подвижный характер. Гегелевская система получила название — диалектика. Далее есть еще интересные мыслители, например,

Карл Маркс, но мне важно зафиксировать третий тип трансцендентальных условий с которым можно было бы связать современную философию.

В **современной философии** я бы выделил две ключевые фигуры — Гуссерль и Витгенштейн. **Гуссерль** говорит, что мы описываем свое восприятие в структуре «субъект–объект». Может быть это «субъектно–объектное» различие не является первичным, а есть нечто более глубокое. Гуссерль замечает, что изначально нам дан не «Я вижу дом», а мире есть феномен видения дома. При этом, мы не говорим о том, кто видит дом и что дом существует. Есть некоторый феномен. Например, сейчас есть феномен лекции. Наше предметное мышление (термин Ясперса) это структурирует следующим образом. Если есть феномен лекции, то должен быть лектор (некоторое активное начало) и слушатель (пассивное начало). Гуссерль подчеркивает, что первичной данностью является то, что находится до этого «субъектно–объектного» различия. Гуссерль формулирует свою феноменологию, т.е. мир — это феномены. Мы должны попробовать создать учение о феноменах. Стихотворение Хармса — попытка пробиться к первичному (феноменальному) видению. Гуссерль говорит, что у нас слишком много культурных априорных форм, которые заслоняют от нас то, как видится мир сам по себе. Нам нужно изъять культурные напутствования и тогда, возможно, мы окажемся перед первичной феноменальностью. Например, говорит Гуссерль, мы воспринимаем движение солнца по небосводу. Гуссерль спрашивает, это на самом деле солнце движется по небосводу или нет? Солнце вообще движется? Гуссерль подчеркивает, что, вполне возможно, какая-то научная теория нам скажет, что солнце неподвижно, а земля вращается вокруг солнца, но нас интересует, лишь факт восприятия. Мы воспринимаем солнце движущимся и от этой феноменальной данности нам никуда не уйти. Более того, это не какая-то иллюзия — мы на этой феноменальной данности строим свое ориентирование: в час дня солнце находится там-то, в пять — там-то. Мы должны считаться со способом восприятия человека.

Витгенштейн делает еще один шаг, выявляет новое трансцендентальное условие. Витгенштейн является основателем, возможно самого распространенного в англоязычной среде, направления — аналитическая философия. Нам дан не столько феномен, сколько его описание. Любое описание мы делаем в языке. Значит, во многом наше видение будет определяться структурой языка, поэтому, основная задача философии, по Витгенштейну, анализ языка. Нам необходимо выяснить, какие априорные формы привносят язык. Мы все воспринимаем через призму нашего языка. Разобравшись в нашем языке, наверное, мы поймем как все устроено на самом деле. После Витгенштейна я бы мог поставить точку. Вполне возможно, что есть еще какие-то более тонкие моменты в трансцендентальных условиях, но в истории философской мысли они пока не выявлены. Итак, я вам кратко представил историю философии от Фалеса до Витгенштейна, как последовательную деятельность по выявлению трансцендентальных условий.

Другие подходы к периодизации философии

Отмечу какие существуют еще подходы к периодизации философского знания. Первый подход — более исторический: есть ряд эпох, в каждую эпоху философия занималась тем-то и тем-то. Например, есть фи-

лософия античности, философия средних веков и т.д. Большинство учебников написано по такой схеме. Еще один подход предложен одним из аналитических философов — Майклом Дамметом (Michael Dummett). Даммет выделяет тоже три эпохи в истории философского знания:

- 1) сначала предметом философии выступали вещи сами по себе, нужно ответить на вопрос — что такое вещь? [вещь]
- 2) далее (в новое время): нам даны не сами по себе вещи, а нам даны идеи о вещах. Мы имеем дело, прежде всего, с содержанием нашего сознания, поэтому, первичное, что мы можем анализировать — это не сами вещи, а идеи (мысли) о вещах. Нужно сосредоточиться на анализе внутреннего мира. [идеи о вещах]
- 3) третий период, который выделяет Даммет, специфичен и связан с тем, что он представляет аналитическую философию. Даммет вводит еще одну вложенность. На самом деле, говорит Даммет (или Витгенштейн), нам и идеи о вещах не даны сами по себе. На дано языковое выражение идей о вещах. Поэтому мы должны заниматься исследованием языка. [языковое выражение идей о вещах]

Генезис (возникновение) философии

Существует **три основных концепции** происхождения философии:

1. **Марксистского толка.** Люди стали хорошо жить, у них появилось время философствовать, поэтому они и стали философствовать. На мой взгляд эта концепция не очень убедительна в том смысле, что она не выражает главного — время-то есть, но многие не философствуют. Значит, не в этом дело, не в этом причина.
2. Философия — это некоторый **обобщенный взгляд на мир**, т.е. вначале была какая-то практика и потом возникла необходимость в общем (абстрактном) понимании мира, которое сложилось в математике, физике. Философия — обобщение наук. Меня эта концепция тоже не привлекает. В этом случае философия выступает как некоторый энциклопедический словарь. Философия скорее не является такого рода обобщением, а стоит вначале любого научного знания. В качестве контраргумента, я сошлюсь на известное высказывание Гераклита, которое потом повторяет Кант:

многознанием уму не научают,

т.е. философия имеет дело с умом, а отнюдь не с многознанием. Механическое заучивание многого знания не превращают человека в философа. Скорее, человек становится эрудитом и у него теряется способность к самостоятельному мышлению.

3. Наиболее продуманная концепция: философия представляет собой некоторый **культурный переход** в истории развития человечества от мифа к логосу, т.е. возникновение философии — своеобразная культурная революция, которая собой фиксирует принципиальное изменение

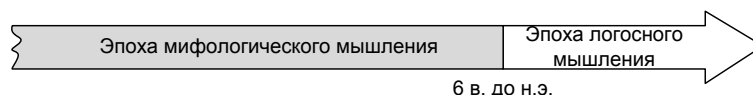
человеческого менталитета, его отношения к миру. В течение долгого времени человечество воспринимало мир мифологически, это восприятие мира мы могли бы связать с мифологическим мышлением. Философия прерывает мифологическую традицию. Философия пытается объяснить мир по-другому. Как сказал Аристотель:

люди стремятся к знанию.

Философия пытается объяснить мир более рациональным способом, построить теоретические конструкции, логосные, логичные.

Специфика мифологического мышления

Остановимся на этом переходе более подробно.

Что собой представляло человечество, как оно воспринимало мир, сейчас мы можем строить лишь гипотезы. Можем строить гипотезы, т.к. есть племена, которые находятся в первобытном состоянии. Эпоха мифологического мышления длится 30–40 тыс. лет. Наша эпоха — 2,5 тыс. лет. Об этой эпохе мы можем судить лишь по косвенным данным. Оправданно можно сказать, что мифологический человек принципиально по-другому воспринимал мир. Мы уже не сможем воспроизвести мировосприятие первобытного человека. Если вы хотите познакомиться с попытками реконструкции мифологического мышления, то я могу рекомендовать работу «Первобытное мышление» (*La Mentalité primitive*, 1922) французского исследователя (философа и антрополога) Люсьена Леви-Брюля (1857–1939). Я говорил, что миф связан с магией — это заслуга Леви-Брюля. Еще одна интересная работа «Первобытное мышление» другого французского автора — философа из другой школы — Клода Леви-Стросса (р. 1908). Леви-Стросс говорит, что в основании мышления лежат какие-то структуры. Первобытное мышление принципиально отличается от современного своими своеобразными структурами. Например, говорит Леви-Стросс, есть заблуждение, что первобытный человек был каким-то не развитым, а мы, перейдя к философскому мышлению, перешли на следующую ступень. Для опровержения этого заблуждения он приводит известный факт из жизни первобытных племен. Как бы мы описали некоторую ситуацию? Мы эту ситуацию описываем так «злой мужчина побил бедного ребенка». Как на самом деле? Есть языки, где казалось бы тоже самое фиксируется совершенно по-другому. Фиксируется так, как нам и не снилось — в такой степени общности и абстрактности. На самом деле «злоба побил бедность». В мире есть злоба и бедность, конечно, здесь присутствует мужчина, но это не основное. Получается совершенно другое восприятие мира. В этом мире нет мужчин, детей, вещей, но есть злоба, бедность, инициатива, умность, вспыльчивость. Мир описывается так. Поэтому нельзя говорить о первобытном мышлении, как о чем-то низкосортном. Миф и логос — это два разных типа мышления. Как было на самом деле нам проверить уже не удастся, но по крайней мере мы должны к этому

относится с уважением. Если подумать, то основные достижения человечества были сделаны в более раннюю эпоху.

Еще один интересный текст принадлежит румынскому писателю Мирче Элиаде (1907–1986). Он фиксирует различие между мифологическим и современным мышлением как различие между священным и мирским. Первобытный человек воспринимал мир, как нечто священное, пронизанное божественными силами. Для него не было пустого пространства, где могли бы находиться вещи. Для него каждый шаг нужно было делать с осторожностью, потому что можно было куда-нибудь провалиться или, наоборот, получить какой-нибудь приз. Тезис Элиаде:

эпоха священного сменилась на эпоху мирского.

Что мы могли бы сказать об особенностях первобытного мышления? Я бы вам рекомендовал посмотреть работы (тексты) Гомера. Эти тексты явно написаны до появления философии. Они, судя по всему, не придумываются Гомером, а он их просто фиксирует, как давнюю мифологическую традицию. При внимательном чтении поэм Гомера, мы кое-что можем понять об особенностях мифологического мышления. Какая структура мира предстает нам в работах Гомера? В этом мире есть центральная область — область богов. Все пронизано божественностью. Выделяются две области: область природы и область внутреннего мира человека. Вспомните, почему Одиссей не может попасть домой? Мы бы это объяснили тем, что шторм на море — стихийное бедствие. Как это объясняет Гомер? Шторм на море потому что есть соответствующая воля бога: Одиссей разгневал Посейдона. Чтобы попасть домой, мы бы сказали, что нужно построить хороший корабль. А для Гомера, нужно добиться прощения или как-то обмануть Посейдона. В мире действуют божественные силы. Если внимательно почитать поэмы Гомера, то вы заметите, что никакого внутреннего мира человека там нет. Там нет такого рода вещей, чтобы человек разговаривал сам с собой на предмет того, какой поступок совершить. Внутренний мир тоже представляет собой проявление божественных сил. Мы говорим, что человек впал в ярость. Гомер это описывает так: к человеку явился бог войны и говорит, что нужно вытащить меч и реализовать свою ярость. А потом, мы могли бы сказать, что мы передумали — не сейчас. Гомер говорит, что является богиня мудрости Афина и говорит, что сейчас не время, и человек вкладывает меч в свои ножны. Для древних греков, боги живут наряду с людьми в виде божественных сил, например, злобы и бедности. В поэмах Гомера какие-то проявления мифологического мышления мы бы могли найти. Мифология задает вопрос «кто создал мир?». Философия задает вопрос безлично «что представляет собой мир сам по себе?». Логос — это смена типа вопрошания: от вопроса «кто?» мы переходим к вопросу «что?». В этом знаменательна фигура Фалеса, который сказал, что нас не интересует кто мир создал, но если мир таков, то он состоит из воды. Вода Фалеса объясняет все особенности нашего времени.

Лекция 5 (02.10.2007)

В начале ноября мы проведем итоговую контрольную работу. Сейчас я скажу, что будет на эту контрольную вынесено.

1. Диалог Платона «Апология Сократа»
2. Вопрос по Анаксагору.
3. Будет вопрос на тему что такое философия? Предполагается, что каждый из вас должен посмотреть одну из книг и изложить концепцию понимания философии, например, Жюль Делёза (1925–1995) — книга «Что такое философия?».
4. Вопрос по Платону и Аристотелю.
5. Вопрос по семинарским занятиям.

В качестве учебного пособия к контрольной работе я рекомендую учебное пособие П.П. Гайдено «История античной философии в ее связи с наукой». В этой книге выделено три научно-исследовательские программы античности — атомистическая программа (программа Демокрита), программа платоно–пифагорейская (я ее соотношу с именем Платона), аристотелевская программа. Эта книга поможет вам подготовиться к вопросу о сути философии Платона и Аристотеля. К ноябрю в своих лекциях я тоже буду говорить о Платоне и Аристотеле.

Тема 3. Философия античности. Онтология

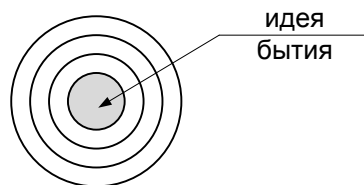
Мы заканчиваем вводную (обзорную) часть. Теперь наша познакомится с тем, что было сделано философией. Мы будем работать с античностью, но эта работа для меня не является самоцелью. Для меня более важно познакомить вас с основными идеями раздела философского знания, который получил название **онтология**. Мы начнем с античности, а потом сделаем резкий скачок к философии 20 века. Я попробую показать, как античная проблематика (онтологическая) продолжается в 20 веке. Почему в 20 веке? Потому что у нас есть период в истории философии под названием нового времени, там эта онтологическая проблематика сменяется принципиально новой проблематикой — гносиологической. Мы будем двигаться не по истории философии (хотя это тоже есть), а по философской проблематике. Наша задача познакомиться с основными идеями онтологии.

Давайте я подведу короткий итог того, о чем мы говорили раньше. Итак, что собой представляет философия? Можно было бы выделить **три модуса философии**.

1. **Философия на обыденном уровне.** Это то, что мы соотносим с мудростью человека. Можно не заниматься профессионально философией, но быть философом, быть мудрым. Кого мы считаем мудрым? Например, людей более старшего возраста. В чем состоит их мудрость? Они больше прожили, у них больше опыта. Но, даже на таком обыденном понимании мудрость состоит в том, что человек занимает некоторую позицию мета-уровня. Мудрость состоит в том, что

человек смотрит на происходящее несколько со стороны. Он попытался выйти из своего обычного состояния. Такой мудрости научить человека трудно. Например, что дает жизненный опыт? Мы начинаем оценивать события в более глобальном масштабе. Обычное наше состояние заключается в том, что мы погружены в текущую действительность, локальные события, дела. Мудрость — некоторый взгляд со стороны. Такой мудрости способствует не только жизненный опыт, но и, например, история. Чтобы дать ответ на вопрос, что происходит в стране? Нужно, например, сопоставить то, что происходит в нашей стране с тем, что происходило когда-то ранее. Об этом модусе мы говорить не будем, но мы его предполагаем.

2. **Школьная философия.** Мы в основном будем заниматься школьной философией. Термин «школьная философия» принадлежит Канту. Кант вводит два понятия философии. Он говорит, что есть школьная философия и философия по мировому понятию. Школьная философия — знакомство с техникой философствования. Знакомство с работой с концептами. По Канту, философия не сводится только лишь к школьной философии. Но, для того чтобы мы могли заниматься настоящей философией, т.е. философией по мировому понятию мы должны пройти некоторую школу, освоить некоторую технику.
3. **Философия по мировому понятию,** по Канту, занимается главным вопросом «как быть человечеству?», «какое общество (государство) необходимо строить?». По Канту, чтобы ответить грамотно на этот вопрос, мы должны пройти этап школьной философии. Вопрос слишком сложный. Я бы дополнил эту философию еще одним вопросом — вопросом о смысле жизни. По сути, Кант ставит вопрос тоже о смысле, но о смысле не индивидуальной жизни, а о смысле жизни человечества. Мы этими вопросами заниматься не будем, либо в самом конце очень коротко.

Моя задача — подготовить вас к размышлениям («Зачем я живу?», «Каков смысл происходящего на земле?»). Философская проблематика не такая уж обширная и в ней не так много основополагающих идей. Наиболее важные философские идеи были мной перечислены в трансцендентальных условиях. Другое дело, философские идеи отличаются от научных знаний. Философские идеи образуют иерархию вложенности знаний. Для того чтобы разобраться, например, в том о чем сейчас говорят философы, мы должны пройти некоторый путь по истории философии, поскольку размышления современных философов будут не понятны без понятия того, на что они опираются. В этом смысле самая первая идея, с которой мы и начнем, это **идея бытия**. Античность представляет собой развитие проблематики,

связанной с идеей бытия. Помните, что сказал по этому поводу Витгенштейн? Платон продвинулся в понимании бытия настолько глубоко, что этого даже не снилось нам, современным людям. основополагающие вехи в осмыслении бытия были сделаны в античности, например, Платоном и Аристотелем. Цель предстоящего курса — разобраться что такое бытие.

Превращенные формы

Давайте я еще отмечу, как эти основополагающие философские идеи структурированы. Для понимания их специфики введем понятие превращенной формы. Это понятие принадлежит Карлу Марксу (1818–1883), но я его буду трактовать в духе Мераба Мамардашвили (1930–1990). Каждая философская идея, каждое философское достижение представляет собой некоторую превращенную форму. **Превращенная форма** — это нечто лежащее между истинной и ложью, т.е. мы пытаемся ответить на какие-то основополагающие вопросы, как мы говорили философия пытается дойти до первопричин, до первооснований. Мы даем определенные ответы. Эти ответы, которые были даны, они не являются ложными, но они не являются и истинной в последней инстанции. Вполне возможно, что эти ответы представляют собой превращенные формы. Это значит, что мы от одной превращенной формы можем перейти к другой — более тонкой постановке вопроса. История философии показывает, что происходит переход от одной превращенной формы к другой.

Небольшой пример, чтобы стало понятным как вводится это понятие. Маркс сказал, что в экономической теории ученые, как правило, постулируют превращенные формы. Например, как можно было бы описать экономический мир. Например, есть форма $[D \rightarrow D']$: имея деньги, мы можем получить другие деньги — «деньги штрих». Работает эта форма? Конечно, если мы с вами имеем деньги, то мы можем их отнести их в банк и через какое-то время получить некоторый прирост. Описывает ли эта форма (формула) некоторое событие происходящее в экономической жизни? Да, конечно. Почему эта форма превращенная? Она является слишком упрощенной. Любая превращенная форма описывает не до конца. Если мы наблюдаем ситуацию экономического или финансового кризиса, то эта форма перестает работать. Отнесете деньги в банк и вообще ничего не получите. Маркс сказал, что в этой формуле не учитывается, что само денежное обращение предполагает еще и производство товаров. Более точной формулой, описывающей экономический процесс, является $[D \rightarrow \text{Товар} \rightarrow D']$. Это одно из основных достижений Маркса. За счет учета товарного производства, мы должны объяснить прирост денег. Прирост денег происходит же не в банке, а на производстве. Что является причиной прироста денег или прибавочной стоимости, по Марксу? Марксистский ответ: в товарном производстве есть особый товар — рабочая сила. Когда вас нанимают на работу, вы превращаетесь в товар. Рабочая сила является товаром потому, что она оценивается, как и любой товар в денежном выражении. Особенность рабочей силы состоит в том, что она обеспечивает прибавочную стоимость. Вам платят за рабочую силу, а вы производите гораздо больше. Прирост, который произведен с помощью рабочей силы потом выражается в денежном выражении. Поэтому политические или идеологические взгляды Маркса сводились к тому, что если главное в этой формуле принадлежит рабочей

силе, то рабочая сила (пролетариат) должен быть господствующим классом. Если мы соглашаемся с тем, что при объяснении мы переходим от одной превращенной формы к другой, то мы должны сказать, что анализ Маркса тоже является превращенной формой. Маркс тоже не все учел при объяснении экономических процессов. Например, он не учел роль организатора товарного производства — работодатель. Работодатель не только присваивает прибыль от рабочей силы, но тоже проявляет некоторую активность, поэтому его роль, наверное, тоже большая. В истории нашей страны мы это и наблюдаем. Как только мы попытались ликвидировать класс капиталистов, рабочая сила освободилась, но производительность труда упала. Последующая постмарксистская экономическая теория предавала большее значение организующему фактору в процессе производства. В последнее время, на первый взгляд выходит еще один процесс, который не был учтен экономической теорией — процесс денежного обращения. Нужен маркетинг, нужна реклама и еще многое должно быть. Это следующий этап. При этом, заметьте, предшествующие формы не отрицаются совсем, но делается уточнение. Я вам привел этот пример, чтобы показать в общем, что движение философской мысли развивается по сходной схеме. Предшествующие достижения в философии не отрицаются, они уточняются. Для того чтобы разобраться в том, что такое бытие нам необходимо начинать с самого начала — с первой постановки проблемы. Попытаться выяснить достижения и недостатки.

Чтобы задать общий настрой последующих лекций я вам приведу слова очень интересного современного мыслителя Этьена Жильсона (1884–1978). «Основная проблема метафизики (т.е. философии) заключалась в том, что вместо того чтобы попытаться построить учение о бытии, были построены учения о каких-то его частных модусах», т.е. превращенный характер философии состоит в данном случае в том, что мы пытаемся ухватить бытие, как таковое, но в силу сложности предмета, мы ограничиваем свой анализ анализом какой-то из его частных форм. Движение философской онтологии будет из себя представлять переход от грубых форм к более тонким, которые в большей степени ухватывают бытие. Развивает (конкретизирует) эту мысль Мартин Хайдеггер (1889–1976). Исторически произошло все наоборот, скорее Жильсон, опираясь на Хайдеггера, высказал свой тезис. Но, Хайдеггер замечает, что «все, чем занималась предшествующая мысль, прежде всего античная онтология, заключается в исследовании сущего, а наша задача теперь попробовать пробиться к исследованию бытия самого по себе». С точки зрения Хайдеггера, последующая философия должна заново поставить вопрос о бытии и попробовать поставить этот вопрос в более тонком ключе (модусе). В самом начале, по Хайдеггеру, была совершена небольшая ошибка, но по мере развития философии этот неправильно выбранный модус привел на современном этапе к существенному расхождению. Итак, **мы должны понять что из себя представляют первые рассуждения о бытии.**

Фридрих Энгельс (1820–1895) сказал, что «все возможные онтологические концепции были уже сформулированы в античности». На наше время остается либо, как это сделал Хайдеггер, сказать, что все было неправильно и попытаться начать заново, либо согласиться с тем, что ничего принципиально нового мы сказать не можем — есть пять–шесть основных концепций, но мы можем развивать только одну из них. Задача **познакомится с тем**

что было сделано в некотором критическом модусе, а вдруг какая-то из возможностей онтологической проблематики в античности развита не была.

Специфика античности

Отметим тезис, который может характеризовать античность. Я сформулирую его в двух положениях.

1. Вся философия или вся проблематика античности представляет собой разные **варианты решения проблемы «единого—многого»**. Этот подход несколько схематичен. Этот подход я позаимствовал у А.Ф. Лосева (1893–1988). На уровне подачи учебного материала он вполне оправдан. Мне бы хотелось чтобы вы, может с какими-то огрублениями, поняли принципиальные варианты решения онтологической проблемы и эти варианты решения могут быть рассмотрены как разные варианты решения основного вопроса античности — проблемы «единого—многого». Чтобы стало вам понятно отметим, какие варианты решения возникают:
 - а) например, одним из радикальных вариантов решения проблемы «единого—многого» состоит в следующем, что существует лишь единое, а многое, которое мы наблюдаем — это в каком-то смысле иллюзия (видимость);
 - б) другой радикальный вариант решения — на самом деле существует лишь многое, а никакого единого — нет;
 - в) наконец, есть промежуточные варианты, которые в той или иной степени признают существование единого и существование многого.
2. Это положение не является слишком важным для античной философии, но оно важно для меня потому что я на протяжении последних лет, при чтении курса, я сталкиваюсь с одной и той же проблемой — проблемой того, что студенты принципиально не понимают античную философию. Потому что вы уже смотрите на античную философию с точки зрения проблемы субъективности. **Важное предостережение:** античность не знает субъекта как такового. Античность пытается построить концепцию мира самого по себе. Они не учитывают момент, что концепция строится каким-то человеком, каким-то субъектом. В этом смысле для них человека (субъекта) — нет. Если вы помните, то об этом мы говорили, что античность пытается работать с вещью, а когда мы учитываем проблему субъективности в новое время, мы говорим, что на самом-то деле, у нас есть лишь идеи вещей. Античность принципиально еще не знает подхода нового времени. Она строит концепции объективистского толка не учитывая того, что мы как-то воспринимаем мир, вносим в него свое искажающее влияние. Несколько забегаю вперед, по этому пункту я приведу два момента (я к ним еще вернусь, а сейчас обозначу), чтобы задать вам правильное отношение к античности:

- а) этот момент я беру из работы Мартина Хайдеггера (1889–1976). Хайдеггер ставит вопрос:

Что такое субъект?

Есть два варианта решения этой проблемы:

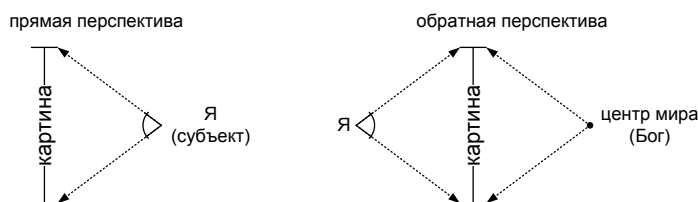
<p>античный вариант, включающий в себя и сред- ние века</p>	<p>вариант нового времени, которое продолжается до 20 века</p>
--	---

Под субъектом **в античной мысли** понимается (мы воспользуемся философией Аристотеля) следующее: любое предложение, согласно Аристотелю, имеет субъектно-предикатную структуру, или в любом предложении, как вас учили в школе, есть подлежащее и есть сказуемое, субъект — подлежащее, то о чем говорится в предложении, это субъект предложения. Субъектом предложения выступает, например, какая-то вещь, например, мел. Этот мел белый. Это никакого отношения к нашему пониманию того, что субъект — это человек, личность, не имеет отношения. Мир состоит из субъектов (из вещей, сущностей), но это принципиально другое понимание. Когда античный мыслитель говорит о вещах он мыслит их субъектно. Никакого человеческого, личностного момента здесь не вкладывается. Хайдеггер Замечает, что **в новое время** Декартом (1596–1650) было осуществлено изменение в понимании субъекта. После этого люди стали понимать под субъектом — человека, а все вещи превратились в объекты.

- б) в работе «Обратная перспектива» (1920) философ Павел Флоренский (1882–1937) говорит, что где-то в истории человечества была рубежная точка. Эту рубежную точку Флоренский связывает с эпохой Возрождения (эпоха, которая непосредственно предшествует эпохе Нового времени). Как нужно понимать предшествующую эпоху? Флоренский это показывает на примере того, что происходит с живописью. Тезис Флоренского:

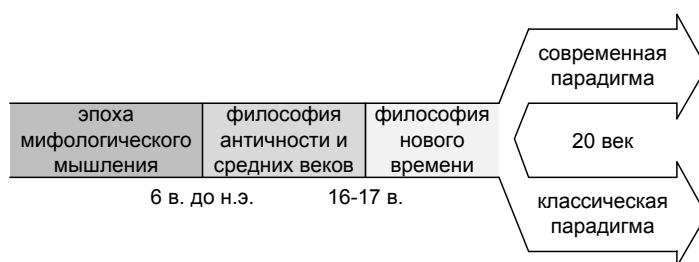
живопись нового времени (привычного для нас) подчинена законам прямой перспективы.

На картинах, начиная с Леонардо да Винчи, параллельные линии, следуя прямой перспективе, изображаются как сходящиеся. Флоренский обращает внимание, что живопись может быть построена на законах обратной перспективы. По законам обратной перспективы, в частности, написаны иконы. Иконопись — реализация обратной перспективы. Чем отличается обратная перспектива от прямой перспективы?

У нас есть некоторая плоскость картины, на ней что-то изображено. Прямая перспектива предполагает, что у нас есть наш нововременный субъект, который на эту картину смотрит. Мы рассматриваем эту картину. Мы относимся к этой картине уже занимающую позицию субъекта. Субъект — центр мира. Чтобы разобраться в законах иконописи нужно центр мира поместить за пределы картины. Таким центром является Бог. Икона — это взгляд Бога. Т.е. не мы смотрим на картину, а картина нам что-то говорит. Конечно, такое понимание обратной перспективы не характеризует античность. Скорее, это характеристика средневекового взгляда на мир. Но, это подчеркивает изменение в культуре, которое произошло в 16–17 веке. Мы сейчас переходим к изучению античности и должны понимать, что, возможно, греки воспринимали мир по-другому. Приписывать грекам наше понимание было бы ошибочным.

Итак, если рассмотреть историю человечества, то можно выделить три эпохи:

эпоху мифологического мышления (как смотрел на мир мифологический человек — для нас большая загадка), эпоху философии античности и средних веков (безсубъектное мировидение) и эпоху, которая начинается с нового времени (16–17 век). Философию 20–21 века можно свести к двум конкурирующим, взаимодополняющим линиям. Единого направления в современной философии нет! Первая линия повернута к языку. Античная философия — это онтология — попытка ответить на вопрос что собой представляет мир сам по себе, Новое время характеризуется эпистемологическим поворотом, т.е. на первое время выходит гносиология (гносио — познание, эпистемология — учение о познании) или эпистемология (эпистемо — знание, эпистемология — учение о знании). Различие между гносиологией и эпистемологией я не буду объяснять — вам это не нужно, примерно это одно и то же, но сейчас более популярным является термин эпистемология. Первая линия современной философии характеризуется поворотом к языку, а вторая линия характеризуется «антропологическим бунтом» или поворотом к человеку. В чем суть этого поворота? Для Нового времени важен был не столько человек, сколько субъект, который может познавать мир. В Новое время возникает наука в узком смысле слова. Для того чтобы возникла наука должен быть субъект познания. Например, первые физические теории возникают у Галилея и Ньютона. Вторая линия современной философии утверждает, что человек гораздо богаче, чем просто субъект познания. Нам нужно разобраться что на самом деле представляет из себя человек. Первая линия противоположна второй, т.к. говорит о том, что никакой загадки в

человеке нет, а его поведение во многом определяется языком. Язык задает сущность человека.

Проблематика античности может быть задана проблемой «единого–многого». Давайте я коротко сформулирую основные отличия античности от предшествующей мифологической традиции. Для мифологической картины мира был характерен божественный взгляд, т.е. мы можем в мире выделить три области онтологические, центральной областью является область божественного, которая выступает причиной природных явлений (все полно богов; почему ветки колышутся? Потому что у дерева есть душа, поэтому оно так захотело. Молнии — гнев Зевса). Таким же образом объясняются и явления внутреннего мира человека. Для мифологии дума или размышление — это разговор не с самим собой, а разговор с божеством. В одной работе утверждается, что первобытные люди, с нашей точки зрения, были шизофрениками, т.е. это люди, у которых было развито правое полушарие, ответственное за какие-то видения. Они это видели и переносили на действительность. Автор этой работы сказал, что религия для мифологического мышления представляет звуковые формы. Первые храмы строились для общения с богами. Боги даны через голос (слух). Человек что-то слышит и выполняет волю бога. **В античности весь этот божественный механизм исключается и делается попытка рассмотреть мир сам по себе не привлекая мифологические представления.** При этом понимании мира выделяются две его составляющие:

- мир явлений для объяснения которого, вводится
- мир сущностей.

Античная философия — метафизика. Для того чтобы объяснить что такое мир, мы должны предположить некоторую метафизическую конструкцию ту, которая будет объяснять происходящее в мире. Античный взгляд на мир — метафизический. **Философия основана на принципе Парменида.**

Принцип Парменида

Этот принцип состоит в том, что за видимым (физическим) мы должны искать какое-то основание и это основание будет иметь метафизический характер. Этот принцип лежит не только в основании философии, но и в основании науки. Суть научного подхода заключается в том, что наука должна выявить законы (закономерности). Можно сформулировать контртезис Парменида: ни один научный закон в реальности не выполняется. Почему? Закон говорит о том, как должно быть. Закон формулируется для каких-то идеальных случаев, а реальность такова. Но, принцип говорит, что физическая реальность подчиняется законам. Наша задача (задача философии) выявить законы, которые являются основанием всего происходящего. Первые философские попытки состоят в том чтобы выявить исходные модели, которым подчиняется происходящее. На феноменальном уровне у нас перед глазами — многое, а мы должны это объяснить с помощью чего-то единого (метафизический уровень). Чтобы объяснить многое мы должны ввести единое. Эта структура, что есть феноменальный уровень и уровень метафизического объяснения, составляет важный компонент философского знания и античного в частности.

Поясню еще принцип Парменида. Античная философия прежде всего начинается с фигуры Фалеса (625–545 вв. до н.э.). У нас есть нечто многое, например, вещи. С учетом того, что греки смотрели на мир по-другому мы должны предположить, что они вещей еще не видели. Они видели что-то, с чем происходит изменение — это для них вещи (квазивещи). Фалес говорит, для того чтобы объяснить то, что происходит на метафизическом уровне мы должны постулировать некоторое метафизическое основание. Первое философское утверждение:

все состоит из воды.

Вода в данном случае выполняет роль единого, того единого из которого состоит многое. Вы скажете, что вода (это единое) вы знаете под именем такой категории (концепта) как материя. У самого Фалеса термина материи не было. Это исходная интуиция. Если отталкиваемся от привычной для вас материи, то это тоже то, что относится к метафизическому уровню. Если вы принимаете принцип, что все состоит из материи, то я могу вас спросить, а материю вы когда-нибудь видели? Нет, конечно. Для чего она нужна? Для того чтобы объяснить некоторые события (феномены) из мира многого.

Эпоха космоцентризма

Основной вопрос античности может быть сформулирован так:

как возможен Космос?

Греки видят Мир как Космос. Если вы помните, я сказал что вопрос «как возможно?» является основным философским вопросом. Философ подходит ко всему и спрашивает, например, как возможен этот стол? Я написал Космос с большой буквы. Почему? В Космос вкладывается определенное содержание. В отдельных учебниках эпоху античной философии иногда называют **космоцентризмом**. Центральным предметом античной философии был Космос. Для того чтобы понять что такое Космос, мы должны его сопоставить (или противопоставить) с состоянием Хаоса. Как возможен Космос, а не Хаос? Мы с вами живем в Космосе или в Хаосе? Если бы мы жили в полном Хаосе, то не было бы и лекции, ничего бы не было. Значит, не в полном Хаосе. У нас есть сто-то космическое. Чем отличается Космос от Хаоса? Космос — это нечто гармоничное, это какой-то порядок, а Хаос — отсутствие порядка. Когда греки спрашивают как возможен Космос? Они прежде всего должны ответить на вопрос — чем обеспечивается порядок в мире? Чем обеспечивается порядок, например, на мехмате? Что является упорядочивающим началом? Учебная часть. Что является упорядочивающим началом учебной части? Декан. Греки попытались найти упорядочивающее начало Космоса. Мы видим, что живем в Космосе. Чтобы космос был возможен, должно быть некоторое упорядочивающее начало. Упорядочивающее начало должно быть антиэнтропийным. Хаос — состояние полной энтропии (неопределенности). Космос это то, что препятствует переходу в хаос. Это начало имеет некоторый метафизический статус.

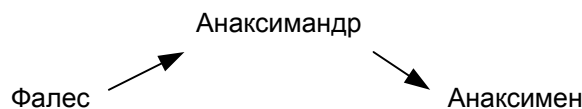
В чем отличие античного и новоевропейского мировосприятия? Можно было бы сказать, что отличие заключается в разной трактовке Космоса. В античности люди трактуют Космос как единый организм. **Греки ощущали себя частью Космоса**, частью единого организма. В Новое время

Космос начинает трактоваться не как организм, а как механизм. При понимании Космоса как организма, можно было бы практиковать научные исследования? Конечно, нет. Вы знаете как называется первый ученый? Естествоиспытатель или естествопытатель. Ученые пытаются природу. Для грека эксперименты над Космосом сравнимы с экспериментами над своей рукой. Нормальный человек пытаться свою руку не будет. При таком понимании естествоиспытания проводить нельзя. Есть еще одна точка зрения. Из чего произошла наука Нового времени? Она произошла из средневековой инквизиции. Сначала стали пытаться людей. Для чего пытаться людей? Для того чтобы человек сказал подлинную правду (подлинную — под мечем). Эту практику решили перенести на всю природу. Не нужно думать что природа что-то скрывает. Она сама откроется. Надо только правильно относиться к природе, например, очистить свою душу. Проблема познания состоит не в том, что природа не говорит. Скорее, она говорит, а мы не так смотрим. Если мы поработаем со своей душой, то истина сама откроется без всякой науки.

Появление науки связано с появлением человека (субъекта). Субъект отделяет себя от мира. Есть я, а есть все остальное. Если я отделил себя от мира, то ко всему остальному я могу относиться как какому-то объекту. Тогда все остальное, как чуждое мне, я должен подвергнуть испытанию, чтобы оттуда добиться подлинной правды.

Милетская школа

Познакомимся с первыми философскими рассуждениями. Как были сформулированы попытки осмысления Космоса. Первая философская школа — **милетская школа**. Перечислим представителей этой школы.

Графическое представление для меня будет важно. Основателем школы был Фалес (625–545 до н.э.). Он говорил, что все состоит из воды. Вы можете прочитать многое о Фалесе, но от Фалеса, на самом деле, до нас дошло только два изречения. Все остальное — рассказы о нем других людей. Его учеником (может быть родственником?) является Анаксимандр (610–546 до н.э.). Анаксимандр сказал, что

все состоит из апейрона.

Третьим представителем милетской школы является Анаксимен (585–525 до н.э.). Позиция Анаксимена заключается в том, что

все состоит из воздуха.

Правда не совсем из воздуха, точнее, из некоторого эфира.

Общая проблематика античной философии

Зададим проблематику. Мне важно чтобы вы сами, может быть, сформулировали космологическую концепцию. Что для этого нужно учесть? На мой взгляд, нужно учесть две серьезные проблемы.

1. Мы наблюдаем «вещи». Главное, что мы наблюдаем, что этих вещей много. Эти вещи друг от друга отличаются. Они не подобны друг другу. Но, мы понимаем, что в чем-то эти вещи подобны. Первая концепция должна **решить проблему «подобия–неподобия»**. Нам нужно объяснить, с одной стороны, сходство этих вещей, подобие. Что свидетельствует о том, что у вещей есть что-то общее? Давайте, хотя бы на уровне нашего языка. Мы все называем вещами. С другой стороны, мы говорим о том, что вещи друг от друга отличаются.
2. **Проблема «изменчивости и неизменности»**. На феноменологическом уровне, не требующем философских размышлений, мы наблюдаем, что в мире происходят какие-то изменения, все меняется. Но, если мы проснемся завтра, то вы себе скажите, сто проснулись именно вы, а ни какой-то другой человек, а когда придете в аудиторию, скажите, что это тот же самый стол, что был вчера. При нашем отношении формировании мировоззрения мы должны учесть, что вообще говоря, все меняется, но не до такой степени, чтобы это переставало быть. Как правило, что-то сохраняется.

Чтобы решить эти проблемы, нам необходимо ввести метафизический уровень. Почему? Физическая составляющая будет связана с тем, что на физическом уровне вещи не подобны (отличаются друг от друга) и они изменчивы. Для того чтобы объяснить феномен их подобия (их неизменности) мы должны предположить, что есть еще что-то, что является основанием для подобия и неизменности. На самом деле можно сформулировать еще несколько проблем.

3. Мы, вообще-то говоря, наблюдаем, что какие-то вещи исчезают. Мы наблюдаем, что в мире происходят энтропийные процессы, но вместе с тем сам Мир не исчезает полностью. Чтобы Мир полностью не исчез **мы должны постулировать какое-то антиэнтропийное начало**. Мы должны постулировать не только, то благодаря чему вещи исчезают, но и то, благодаря чему, вещи появляются.
4. Если принимаем метафизическое и физическое различие, то возникает еще одна проблема. Эта проблема имеет технический или методологический характер. Если мы вводим единое и у нас есть многое, то мы должны ответить на вопрос, **как в нашей теоретической конструкции будет соотноситься единое и многое**. Как они между собой соотносятся? Как единое во многое переходит и обратно? Как единое на многое влияет?

Теперь давайте попробуем оценить учение Фалеса. Фалес говорит, что все состоит из воды. Я надеюсь, что вы понимаете, что в данном случае Фалес вводит первый философский концепт. Фалесовская вода это отнюдь не то, что мы встречаем в физическом мире, а это то, что выполняет роль единого, что имеет некоторый метафизический статус. В данном случае, было бы

странно требовать от Фалеса такой развитой философской техники. Скорее, мышление Фалеса представляет собой метафорическое мышление. Его термин вода — это некоторая метафора, которая фиксирует важные моменты. Какие? То, из чего все состоит — некоторая субстанция (первоматерия, что обеспечивает подобие, неизменность, антиэнтропию) должна быть подвижной. Почему она должна быть подвижной (изменчивой)? Для того чтобы мы могли объяснить, почему вещей много и они разные. Знаете, есть такая детская игра — «море волнуется раз, море волнуется два». Вода волнуется, а потом она принимает разные формы. Различие вещей объясняется тем, что все вещи состоят из воды, но по-разному оформлены. Это не объясняет различие конкретных вещей. Это объясняет различие, например, между состояниями — между твердым и жидким, между жидким и газообразным. Почему Анаксимен вместо фалесовской воды вводит воздух? Он говорит, что судя по всему, чтобы объяснить различие между жидким и твердым, в качестве первосубстанции мы должны постулировать самую разреженную субстанцию, а например, жидкое — это сжатие воздуха, а твердое еще большее сжатие. Конечно, этот тоже метафора, но Анаксимен бы обосновал, что его метафора точнее потому, что фалесовская вода не объясняет механизм различия вещей.

Анаксимадр говорит, что вода — это метафора. На самом-то деле вещи состоят из апейрона. В чем принципиальное отличие апейрона от всего физического? В приставке «а-»! Если вещи являются конечными, то первосубстанцию мы должны мыслить, как нечто бесконечное. Это первый акт логического рассудочного мышления который заключается в том, что первосубстанция должна отличаться от всего физического. Мы должны мыслить первосубстанцию с отрицательным предикатом. Если вещи конечны, то первосубстанция должна быть бесконечна. Если вещи пространственны, то первосубстанция не должна быть пространственной или быть вне времени. Все с отрицанием.

Лекция 6 (09.10.2007)

Мы уже перешли к материалу античной философии. Главная тема античной философии — вопрос о том, что собой представляет бытие (или что собой представляет сущее). Мне бы хотелось чтобы вы посмотрели **диалог Платона «Софист»**. В этом диалоге есть глава под названием «Тяжба о бытии», где Платон разбирает сложившиеся к его времени различные воззрения на бытие. Платон обсуждает, в частности, три категории: все, целое и единое (или одно). Попробуйте продумать, чем эти категории различаются по Платону. Мы говорили, что проблематика бытия для античности — это проблема соотношения «единого—многого». Фактически эту проблему впервые формулирует Платон, и различные варианты решения трактовки бытия он соотносит со своим категориальным различием всего и одного. Чтобы стало понятно. Я рекомендовал вам текст Хосе Ортега-и-Гассета (испанский философ, 1883–1955) «Что такое философия?». Определение философии, которое мы встречаем у Ортега-и-Гассета: «Философия — это познание универсума. Универсум — это все имеющееся». В данном случае Ортега-и-Гассет употребляет платоновский термин «все». Я могу сказать, что Ортега-и-Гассет здесь не очень точен. Наверное, универсум нужно было бы соотносить с платоновской категорией одного или единого. Есть тонкие моменты. Когда мы отвечаем на вопрос что такое бытие, мы отвечаем что это все, что существует, все, что нас окружает. Это будет соотноситься с категорией все. Но, все что нас окружает мы называем миром. Ведь мы теперь говорим не о всем, а мы говорим о чем-то одном или едином. Подумайте, к какой категории относится мир в котором мы живем? Мир относится к категории целого? Я призываю вас задуматься над такого рода различиями.

Сформулирую вопрос, на который я бы хотел получить сегодня ответ. Обратимся к позапрошлой лекции. Когда я говорил о периодизации философского знания, я говорил о том, что в философии 20 века мы можем выделить две линии:

- первая линия связана с поворотом к человеку, так называемый «антропологический бум», впервые встал вопрос о том что такое человек? Эта линия не укладывается в науку. Человек нечто большее. Эту линию можно связать с именем Хайдеггера (1889–1976). Это антициентистская линия (антициентизм — критика абсолютизации роли науки в развитии мировой цивилизации).
- вторая линия связана с поворотом к языку (сциентистская линия). Эту линию мы связываем с фигурой Витгенштейна (1889–1951). В рамках этой линии я бы хотел выделить одну важную тему — концепция или **гипотеза языковой относительности**. Суть этой гипотезы заключается в том, что наше видение мира во многом определяется тем языком на котором мы говорим, через призму которого мы смотрим на мир. Как мы начинаем описывать мир таковым он и становится.

Я бы хотел задать вопрос относительно гипотезы языковой относительности. Помните я вам приводил уже пример. Мы говорили, что злой мужчина побил бедного ребенка. Можно было бы в другой культуре (другом языке) дать другое описание, например, злость побила бедность. Допустим мы

возьмем описание происходящего на привычном для нас языке, например, желтая луна на ночном темном небе. Можно было бы предложить какой-то другой язык описания и как трактовался бы мир в этом другом языке? Какие возможны принципиально другие типы описания? Вопрос слишком общий, но у меня есть хороший ответ на него. Когда вы напишите свои работы, я вам ответ прочитаю.

Мы изучаем античность, первые постановки вопроса о том, что собой представляет бытие (сущее). Первая философская школа — милетская. Есть три главных представителя милетской школы: Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. В чем принципиальная новизна философской постановки вопроса? Вместо того чтобы отвечать на вопрос: Кто создал мир? Т.е. вопрос который был поставлен и решен в предшествующую эпоху — эпоху мифологического мышления. Ну, как на вопрос «Кто [создал мир]?» мы должны бы отвечать? Что мы должны придумать? Мы должны были бы предложить некоторую историю. Например, мир создал тот-то, а того создал еще кто-то. Рассказать такую историю-сказку (сказание). Мифология порождает такие истории-сказки. Здесь существует тонкая грань — как отличить философию от мифологии. Были предшествующие греческие мыслители, например, Гесиод. В его сочинениях уже есть философские моменты, но мы относим его к мифологии. Принципиальное отличие философской постановки вопроса заключается в замене вопроса типа «кто?» на вопрос типа «что [такое мир]?». У нас есть какая-то физическая данность, а вопрос философский предполагает, что мы выходим в метафизику — за пределы видимого (физического). Философия связана с метафизическим вопрошанием.

Чему научила милетская школа?

Если говорить в общем, то чему нас научила милетская школа? Она нас научила простой вещи. Современные люди не могут дать принципиально отличное решение. Ничего другого мы сейчас предложить не можем. Она нас научила отвечать на вопрос:

из чего состоит все?

Для вас это кажется само собой разумеющимся. Мы сказали, что все состоит из материи. Современная физика говорит то же самое. То, что говорит современная физика было задано милетцами. Другой вопрос как мы будем понимать эту материю. Мы сказали, что вполне возможно решение данное милетской школой является некоторой превращенной формой. Мы могли бы уточнить их ответ. Но величие философов милетской школы состоит в том, что они задали такой вопрос, от которого мы уже не можем отказаться. Современная наука — физика задает тот же самый вопрос. И дает, в концептуальном плане, тот же самый ответ. Нам нужно найти первооснову всего, т.е. из чего все состоит. Из чего все состоит? Знаете или нет? Из материи, конечно. Сейчас выделяют еще темную материю. Слышали про новые достижения физики? На самом то деле, первыми физиками была милетская школа. Их так и называли — физики. Здесь есть очень тонкий момент по-поводу их физичности. Неправильный ответ (неправильная характеристика милетской школы) заключается в том, что они были первыми материалистами. Конечно они были материалистами в том смысле,

что они рассуждали о материи. Но они не были материалистами в более специальном смысле этого слова, поскольку они были и материалистами и идеалистами.

Три составляющие: первоматерия, фюзис, архэ

Почему они физики? Мы могли бы дать три категории (три разновидности одного и того же ответа):

- 1) все состоит из какой-то материи, из первоматерии;
- 2) в основании всего содержится некоторый фюзис, фюзис это и есть физика
- 3) в качестве первоматерии должно быть некоторое архэ. Что такое архэ вы знаете. У нас есть слова архаичный. Что такое архаика? Архэ — это первоначало.

Везде есть первоначало, это либо первоматерия, либо фюзис, либо архэ. Их задача заключалась в нахождении первооснования того, что лежит в основании всего существующего. Теперь давайте попробуем разобраться в том, какие смыслы вкладываются в эти три термина. Если мы в общем называем их материалистами, т.е. их ответ — все состоит из материи, то наша с вами задача (я в данном случае реализую подход Жюль Делеза (1925–1995) и Феликса Гваттари (1930–1992)) разобраться в тех смыслах (их может быть несколько), которые вкладываются в тот или иной концепт. Наша задача разобраться в смысловом содержании этого первого концепта и в первом приближении три смысловых содержания как раз и будут соотносится с категорией материи, категорией фюзиса и категорией архэ. Первый смысл я вам уже сказал. Вопрос о материи это вопрос о том, из чего все состоит. Здесь начинается некоторая философская техника и я вынужден использовать философскую терминологию, без этого я не могу обойтись. При ответе на вопрос из чего все состоит мы могли бы выделить некоторой **субстратное начало** и некоторое начало которое получило название **субстанция**. Есть субстрат и есть субстанция. **Субстрат** (в обыденном смысле) это некоторое вещество. Мы, например, говорим, что все состоит из такого-то вещества. Вот это субстратное начало. Помимо этого субстратного начала есть и субстанциональное начало, которое мы могли бы соотнести уже с материей в более узком смысле этого слова. Чем отличается субстрат и субстанция? Субстанция — это такое начало, которого (в каком-то смысле) мы в самой вещи не найдем, но это причина этой вещи. Если мы говорим, что все состоит из субстанции, то это означает, что нам бессмысленно искать ее с помощью каких-то физических экспериментов. Свойства этой субстанции не являются физическими свойствами. Термин «субстанция» впервые начинает использовать Аристотель. Термин субстанция — латинский термин. Аристотель использует термин **подлежащее**. Субстанция — это подлежащее. Приведу аналогию. Субстанция представляет собой некоторой фундамент. В видимом мире мы видим дом. Субстратное начало отвечает на вопрос из чего этот дом состоит? Например, дом — кирпичный. Когда мы говорим, что у этого дома есть какое-то субстанциональное основание, это говорит о том, что в самом доме субстанция не присутствует. Она выступает

как необходимый фундамент для того, чтобы дом был возможен. Субстанция является метафизическим основанием. В вещах мы находим не саму субстанцию, а ее проявления. В этом смысле, фалесовский ответ, что все состоит из воды, представляет собой скорее выделение субстратного начала. Можно было бы сказать, что все вещи или все (воспринимали ли милетцы существующее как вещь — это еще вопрос) для Фалеса является водным (влажным). Если все является влажным, значит, во всем есть вода. Потом можно было бы сделать обобщение — все состоит из воды. Вода присутствует везде. Вода выступает в роли субстрата из чего состоит все остальное.

Давайте я прерву мое рассуждение. Наша следующая тема — сопоставление милетской школы с Демокритом и Анаксагором. Вы должны различать Анаксимандра, Анаксимена и Анаксагора. Милетская школа отвечает на вопрос из чего все состоит. Все состоит из воды. Например, Демокрит на вопрос из чего все состоит ответил бы, что все состоит из атомов. Как вы думаете, какой ответ является более глубоким или более правильным? Из атомов? Точно? А атомы из чего состоят? На самом-то деле все состоит из кварков. А кварки из чего состоят? Как не из чего? Конечно, кварки не делимы, т.е. кварки в этом смысле являются атомами. Атомы и кварки из чего-то же состоят! Они состоят из материи. Я вам подчеркиваю, что и Демокрит и Анаксагор уже учитывают данный прежде ответ. То, что все состоит из материи — это само собой разумеется. Но мы вкладываем другой смысл в вопрос из чего все состоит. Милетцы дают на этот вопрос **качественный ответ** и являются физиками, а Демокрит и Анаксагор, скорее, являются уже математиками и дают ответ в количественном смысле. Они говорят, что все наблюдаемое является сложным. Мы сложное можно поделить на нечто простое. Атомы являются этим простым. Это два варианта одного и того же вопроса из чего все состоит! Милетцев возможно еще не интересует то, что все сложное, они отмечают, что все разнообразное. Они отмечают, что в основании всего лежит что-то одно, одинаковое, единое. Это материя, например, вода. Современные физики ничего более вразумительного, чем фалесовская вода предложить не смогут. В современной физике происходят удивительные вещи — в последние годы начинает возрождаться концепция эфира — что-то похожее на фалесовскую воду. Если вы знаете физические концепции, то энергетический вакуум выступает в роли субстанции, основы из чего все порождается. **Главный смысл фалесовской воды — выделить субстрат.**

Понятно почему мы этот субстрат мыслим как архэ, т.е. это некоторое начало, которое было в самом начале. Сначала — вода, на втором шаге из воды образовались вещи. Фалесовская вода выступает как нечто архаичное. Еще один смысл термина архэ — смысл господства. Архэ это господин, правитель. Почему правитель может быть правителем? Потому что традиция такая.

Я вам подчеркиваю те смыслы, которые присутствуют в фалесовской воде. Главный момент — момент материальности, субстратности. Но, присутствует еще и смысл субстанции, которая будет связана с тем, что было раньше. Момент архэ присутствует, хотя в меньшей степени у Фалеса, в большей степени у Анаксимандра. Еще один важный момент — это то, что я соотнес с термином фюзис. Милетцы считали, что все вещи состоят из некоторого фюзиса. Что такое фюзис? Фюзис мы переводим как природу.

У всех вещей есть природа — природа вещей. Вопрос, над которым они задумались — в чем состоит природа вещей? Природа вещей в том, что они все состоят из воды. Они искали природу. Греческий термин фюзис (physis) отличается от латинского термина натура (natura). И то и то переводится как природа, но греки искали physis natura, т.е. они искали природу природы. Они искали не нечто натуральное, а основание для этого натурального. Фюзис — это то основание, которое делает вещи вещами. Важный момент, который вкладывается в категорию фюзис. Интуитивно фюзис — нечто биологическое. Для греков — все живое в той или иной степени. В качестве парадигмы они выбрали биологическую парадигму. Что представляет собой фюзис в живом? Поскольку есть фюзис, например, в растении, оно растет, мы с вами развиваемся. В фюзисе заключено некоторое самодвижение. Вещь состоит из некоторого начала, которое вместе с тем является движущим началом. Если мы обратимся к Аристотелю, то у милетцев присутствует комплекс «материальное + движущее». Первая аристотелевская причина — материальная, третья — движущая. Они еще не совсем точно разделили материальную и движущую причину. У них материя обеспечивает развитие! Нужно было объяснить почему все в мире меняется — из одного переходит в другое. Начало должно быть причиной этого развития — некоторое фюзисное начало или саморазвивающееся начало. Если обратиться к современной физике, то материи приписывается свойство саморазвития, самодвижения. Это фюзисное начало есть! Что бы это стало понятно, введем еще одно противопоставление.

Фюзис vs технэ

Это противопоставление обсуждает Аристотель в своей «Физике». У него есть третья книга, в которой он различает фюзис и технэ или **природное и техническое**, т.е. то, что сделал человек — искусственное. Он приводит интересный пример. Возьмем деревянное ложе (кровать, лежанку) — это явно техническое, это наше изобретение. Технэ этого изобретения мы называем лежанкой, но, с необходимостью, в любом техническом присутствует природное фюзисное начало. Оно никуда не девается. Оно, возможно, на какое-то время подчинено техническому, но природа такова, что оно должно проявиться. Например, когда может проявиться фюзис деревянной лежанки? Когда эту лежанку воткнули в землю и лежанка могла прорасти. Для греков это проявление фюзиса. У нас с вами есть некоторый фюзис? Как мы это называем? У каждого из нас есть свой характер, от которого никуда не деться. Это наша с вами природа. Этот характер, конечно, проявляется. Какие вы по характеру? Наверное, все умные. А что в вас технического? То, что вы математики. Университет делает из вас математиков, воспитывает технически. А что ваше природное? Возможно, что кто-то из вас не математик, а музыкант или писатель. Вообще говоря, нужно задаться вопросом, что является вашим фюзисом, т.е. кем вы являетесь по природе. Потому что, как говорит Аристотель, возможно некоторое столкновение фюзисного и технического. Например, нудистские пляжи. Как эти люди аргументируют свое поведение? Они говорят, что они по природе таковы, мы не должны считаться со всем техническим и искусственным.

Для милетцев важно было найти фюзисное начало, т.е. то, что дает импульс дальнейшему движению и развитию вещи. **В философском случае,**

в его воде присутствуют все три компонента, но он делает упор скорее на материю и на субстратное начало. Анаксимандр в качестве своего первоначала постулирует апейрон. Его ответ на вопрос — все состоит из апейрона. Что такое апейрон? В фалесовском случае все просто — это вода. Соса-кола из воды сделана, чай из воды, мы с вами из воды. Но сказать, что мы с вами сделаны из апейрона уже язык не поворачивается. Потому что, в первом приближении, анаксимандровский апейрон уже будет являться не субстратом, а, скорее, субстанцией. Анаксимандр мыслит свое архэ как то, что было в самом начале. Анаксимандровский апейрон это первоначальное состояние нашего универсума, нашего мира, нашего космоса. Что потом, по Анаксимандру, происходит с этим апейроном? Из апейрона начинает кое-что выделяться. Из апейрона, говорит Анаксимандр, выделяются противоположности, например, холодное и горячее. Что это означает? Сам по себе апейрон не является, ни холодным ни горячим. Он не является ни тверды, ни мягким. Это то, что предшествует этим противоположностям, т.е. это истинное первоначало. Почему Анаксимандра не удовлетворила фалесовская вода? Потому что это уже не совсем такое первоначало, это первоначало в котором есть какая-то качественная определенность. Вода — это уже нечто водное, влажное. В принципе, как мы могли бы объяснить то, что огонь состоит из воды? Здесь фалесовская метафора воды не совсем работает. Потому что, скорее, вода выступает антагонистом огня. Нельзя сказать, что огонь из воды состоит. Как состоит из воды (из влажного) что-то сухое? Фалес, конечно, предложил хороший ответ (первый ответ), но Анаксимандр сказал, что Фалес не прав, если уж постулировать какое-то первоначало, то оно должно быть бескачественным. Это бескачественное первоначало выступает как некоторый фундамент, как субстанция, а уже на второй фазе возникновения мира мы имеем мир качественных определенностей. Что еще во второй фазе происходит? Появляются качества. Во-вторых, сам апейрон является бесконечным, а появляются на втором этапе некоторые вещи, которые являются конечными. Согласно Анаксимандру, это второе состояние Вселенной (Космоса) оно является не долговечным. Как говорит Анаксимандр, как только появились эти противоположности, они стали сталкиваться между собой в борьбе. Рано или поздно весь этот мир обратит в свое первоначальное состояние — состоянии апейрона. По сути то, что сказал Анаксимандр лежит сейчас в основании современной физической **концепции большого взрыва**. Какво было состояние Вселенной до большого взрыва? Оно было примерно в состоянии апейрона. Это какая-то чистая бесконечная энергия, где пока еще ничего нет. Из этого возникает Мир. Что интересно, в этом мире начинает действовать необходимость или судьба, или закон. Согласно этому закону, все должно вернуться в первоначальное состояние. **В концепции Анаксимандра в большей степени присутствует момент архэ и момент субстанции.** Понятно, что присутствует момент фюзиса, т.к. все движение в мире задает этот апейрон. Он сначала позволяет чтобы из него выделились противоположности, он потом определяет эту глобальную логику — закон или необходимость по которому все эти вещи и противоположности рано или поздно перейдут в состояние апейрона.

Я должен ответить на вопрос, почему я рисую милетских философов таким образом? Первым философом или метафизиком, конечно же, является Анаксимандр. Он совершил некоторый прорыв из области чувств в

область ума. Ему впервые удалось помыслить первоначало не привлекая чувственные зависимости. Первоначало может быть совсем не похожим на то, что мы воспринимаем в чувственном мире. Главный смысл апейрона — это нечто бескачественное и бесконечное (как в пространстве, так и во времени). Первоначало мыслится им как прямое отрицание чувственного мира. Это чисто мыслительная (логическая) конструкция.

Анаксимен не выдерживает этого полета мысли. Он спускается на уровень ниже. Понятно, что он не спускается совсем на уровень Фалеса, его мысль более интеллектуальна. Главный новый момент, который вносит Анаксимен, что мы должны выбрать некоторое начало такое, чтобы мы могли объяснить возникновение всех вещей. Воздух в лучшей степени подходит, чем вода потому, что мы могли бы сказать, что все вещи представляют собой различные степени сжатия воздуха. Если мы не будем воздух сжимать, то получим разнообразные газы. Если воздух немного сожмем, то получим жидкие вещи, если еще сожмем получим твердые вещи. **В анаксименовском воздухе присутствует в большей степени момент фюзисности.** Он объясняет самодвижение вещей, их переход из одного состояния в другое. Анаксимен использовал ходы Фалеса и Анаксимандра.

Еще одна ассоциация для того, чтобы вы поняли, что такое фюзис. Фюзис — нечто родное, общая Родина. Греки попытались найти общее фюзисное начало, которое есть везде.

Еще один аргумент в пользу изучения истории философии. Милетцы сформулировали понятие материи, а мы ничего другого сделать не можем. Мы можем только уточнить, сказать, что милетцы не совсем точно трактовали эту материю, но для того чтобы понять где здесь перспективные моменты, мы должны обратиться к самому начальному этапу мысли — греческой мысли. Возможно, что они что-то не учли, что они учли я постарался вам рассказать. Они не совсем точно стали трактовать материю. Этот недостаток в их трактовке лежит до сих пор как один из недостатков современной физики. Для того чтобы придумать что-то принципиально новое в физике нужно обратиться к греческой мысли и предложить нечто новое на этом уровне. Альтернативу на уровне Фалеса, Анаксимандра или Анаксимена. Собственно говоря, этот путь нам и предлагает Хайдеггер. Хайдеггер утверждает, что принципиальной ошибкой греческой мысли явилось отождествление бытия и сущего. Как говорит Хайдеггер, для того что бы нам в 21 веке создать нормальную философию мы должны вернуться к античности понять, что они не учли.

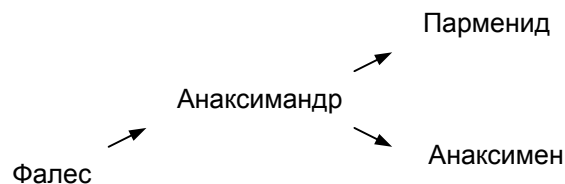
Давайте вернемся еще к Анаксимандру. Я вам сказал **первое очень важное значение Анаксимандра — он впервые попробовал реализовать процедуру чистого мышления**, построил чисто интеллектуальную конструкцию. В отличие от мышления Фалеса, которое, скорее всего, представляло собой метафорическое мышление, т.е. он сказал, что его вода несколько отличается от того, что мы видим, но во многом его понятие о воде сформулировано как некоторая метафора, метафорическое обобщение, а любое метафорическое обобщение является не очень точным. С одной стороны ясно, что Фалес говорил не о физической воде, а скорее всего, он говорил что все состоит из некоторого субстрата, который имеет подвижную форму и может принимать разные формы. Субстрат обладает фюзисными чертами, он развивается и превращается в разные формы, как мы из воды

(или расплавленного металла) можем отливать разные фигурки. Первоначально — нечто бесформенное, способное принимать разные формы. Какую проблему он решает? Он решает проблему «единого–многого». Каким образом? Само начало едино и оно общее для всех. Чем объясняется различие вещей? Различие объясняется тем, что эта единая вода принимает разные формы. Он решил проблему тождества и различия. Первое отличие Анаксимандра в том, что он сделал попытку перевода философских рассуждений на чисто интеллектуальный язык. В двух словах я не могу объяснить что такое апейрон. На самом деле, я вам все сказал, что это такое. Но, если бы я стал объяснять это не вам, а например, детям, они бы вряд ли поняли. Они бы сказали, ну покажи что это такое! А я не могу показать. Мы вводим апейрон как полное отрицание всего чувственного и отказываемся от чувственного. **Второе очень важное достижение Анаксимандра** — одна из специфических черт философии — заключается в том, что **он впервые начинает заниматься категориальным анализом**. Вообще, возможно, одна из основных задач философии, словами Гилберта Райла (1900–1976), «приучить нас не совершать категориальных ошибок».

Пример категориальной ошибки. Представьте, что к вам приехал иностранец и вам нужно показать ему МГУ. Вы привозите его на Ленинские горы и показываем ему физфак, химфак, ГЗ. А он скажет, а где МГУ? Вы мне покажите МГУ! Что вы ему скажите? Можно ли показать МГУ? МГУ существует как некоторый объект? Это простой пример, по Райлу, категориальной ошибки. Нам нужно отличать следующее, что МГУ вроде бы используется как имя конкретного объекта, но таковым оно не является. Задача философии, по Райлу, не совершать такого рода категориальных ошибок. Отсутствие философской грамотности приводит к тому, что мы часто совершаем категориальные ошибки, иногда простые, иногда более сложные. Второй пример категориальной ошибки. Например, есть выражение — каждый человек стремится достичь счастья. А возможно ли достичь счастья? Мы можем достичь Лондона? Да. А счастья? Аристотель решает этот вопрос следующим образом. Мы в своих группах проходим его текст «Категории». Аристотель говорит, что язык является неоднородным образованием и мы должны разбить языковые конструкции на различные категории. Не совершение категориальных ошибок по Райлу, достигается если мы не будем смешивать различные категории по Аристотелю. Когда мы говорим о качестве, мы должны говорить о качестве, а не о количестве. Возможно, что счастье относится к другой категории, чем конкретный объект типа Лондона. Когда мы говорим, что мы хотим достичь счастья, мы должны учитывать это категориальное различие. Мы должны понимать, что нельзя достичь счастья так же, как достичь Лондона. Как нужно трактовать это выражение достижения счастья? Вы счастливы? Вы достигли счастья? (Реакция из аудитории: Да! Лектор: по вашему виду не скажешь!) Достичь значит оказаться там, где вас не было.

Вернемся к Анаксимандру. Какую категориальную ошибку Анаксимандр находит у Фалеса? В этом смысле, развитие философии это попытка фиксация разных смыслов, выделение разных смысловых составляющих, выделение различных тонких категорий. Анаксимандр, я бы сказал, в точном смысле слова вводит понятие субстанции. Понятно, что он не делает прямого упрека Фалесу. Но, если мы сравним два положения — положение Фалеса — все является водным или влажным и все состоит из апейрона, то

анаксимандровский ответ на вопрос заключается в том, что он попытался найти субстанцию. А ошибка Фалеса заключается в том, что он ограничился лишь качественным ответом. Из того что все вещи влажные, это, скорее, категория не субстанции, а категория качества. Он совершил категориальную ошибку, ему нужно было найти основание в виде субстанции или субстрата, а он, в силу метафорического мышления, взял нечто качественное и попробовал из этого сделать субстанцию. Различие между качеством и субстанцией — это, по Платону и Аристотелю, различие в роде, т.е. он не совершил переход в иной род. Философское рассуждение — это рассуждение, которое переходит в другой род, переходит с уровня качества на уровень сущности. Апейрон является сущностью (или субстанцией). Для полной картины. Аристотель в своей «Метафизике» критикует Анаксимандра, причем, с той же позиции — категориального подхода. Критикует так же, как я критикую, с точки зрения Анаксимандра, Фалеса. Аристотель говорит, что Анаксимандр в качестве субстанции стал рассматривать бесконечное. Он говорит, что бесконечное является не субстанцией, а свойством или качеством. Приписывать бесконечному статус субстанции, перейти от бесконечного к бесконечности, это, с точки зрения Аристотеля — неправильный ход. **Анаксимандр свойству придал статус сущности или субстанции.** Если подумать, то в истории мысли это происходит часто. Например, в физике раньше были концепты теплорода. Что такое теплород? Теплоту перевели в категорию субстрата. Что такое теплота? Это же не какая-то особая жидкость присутствие которой делает тела теплыми. На самом деле есть частицы, а теплота — это проявление — движение этих частиц. Теплота — мера движения, мера скорости. Но, сказать, что теплота то, из чего состоят все вещи было бы не правильно. Как вы думаете электроны могут быть теплыми? Мы можем говорить о теплоте газа, но мы не можем говорить о теплоте конкретной частицы. Об энергии можем говорить. Мы рассуждаем о том, что есть некоторый набор понятий, которые используются физиками. Мы находимся в начале формирования этого понятийного аппарата. Я подчеркиваю то, что между этими понятиями есть категориальное различие. Энергия и материя это одно и то же? Энергия и теплота? Мы говорим, что в основании теплоты есть какая-то энергия, но нас интересует не количественное отношения, а качественное или категориальное различие. Теплота вводится как характеристика некоторого ансамбля частиц. Говорить о теплоте отдельной частицы видимо совершить категориальную ошибку. Мы должны следить за тем, какой смысл мы вкладываем в слово, а не употреблять это слово метафорически.

Следующая наша существенная остановка в трактовке Бытия будет связана с именем Парменида. В данном случае я рассматриваю Парменида, как человека который совершил уже первый философский акт, который

уже перешел даже Анаксимандра. Парменид впервые помыслил Бытие как таковое. Прежде чем обсуждать учение о Бытии Парменида нам нужно будет коротко разобраться еще в двух линиях:

- 1) **линия Демокрита и Анаксагора**, которые могут считаться старшими физиками в том смысле, что они еще не вышли за рамки милетской категории фюзиса;
- 2) очень интересная новая линия без которой не понять Парменида — это **линия связанная с воззрениями Пифагора и Гераклита**.

Вершиной творчества первого периода античной философии является Парменид. Как говорит Платон в своем отрывке, именно Парменид является отцом категории Бытия.

Теперь я дам вам 5 минут, чтобы вы смогли ответить на вопрос. Вот есть у нас выражение: желтая луна на ночном темном небе. Можно ли описать это на каком-то совершенно другом языке, т.е. на языке другого типа. Чтобы тогда на этой картине мира было бы? Может и луны не осталось бы, правда? Попробуйте подумать. На следующей лекции я прочитаю хорошие работы и дам вариант ответа на этот вопрос писателя Борхеса.

Лекция 7 (16.10.2007)

Скажу о прошлой контрольной работе. Был задан вопрос о том как можно описать то, что мы видим желтая луна на ночном темном небе на каком-то принципиально другом языке. Один человек угадал правильный ответ. Суть подхода заключается в том, что наш язык является в основном языком существительных или главная центральная роль принадлежит существительным. Поэтому появляется возможность подумать над тем как можно было бы описать то же самое, если бы в какой-то культуре мы бы имели язык прилагательных? Эту идею гипотезы языковой относительности реализует Борхес. Например, можно представить язык в котором вообще нет существительных, а есть одни прилагательные. Мы могли бы описать предметы за счет многочисленного перечисления их признаков. Например, наша фраза звучала бы так: светло-желтое на темном. Более общий ответ: можно задать предметы с помощью характеристик, т.е. с помощью прилагательных. Можно представить язык где ни одного существительного нет. Понятно, что в этом мире не будет привычных для нас предметов. Будет лишь наборы признаков. Возможен третий язык, в котором либо главную роль, либо единственным являются глаголы. В этом случае, говорит Борхес, в мире нет ни неба ни луны, а есть то, что он называет лунарить. Лунарить — это некоторое действие, которое мы фиксируем на языке глаголов. Свет от луны мы называем лунарить. Такие типы предложений в нашем языке тоже встречаются, например, моросит. Еще одна работа. Можно было бы попробовать описать на таком языке, основу которого составляет качество и количество. Мы берем категориальную сетку Аристотеля и выкидываем оттуда сущность, т.е. существительные и у нас остаются качество и количество. Конечно, это будет подобие языка прилагательных, но не полноценный. Вариант в этой работе: одна желтость в темноте. По поводу этой работы у меня возникла своя мысль. Подумайте, можно было бы предложить набор категорий, отличный от аристотелевского. Можно было бы предложить категорию, которая в себе бы объединяла качество и количество. Мы уже привыкли, что качество — это то, что описывается прилагательными, а количество — числительными. Или придумать категорию объединяющую качество и движение (и действие)? Для нас это чудно, мы объединяем не сопоставимое, но такие подходы могут быть. Еще одна работа на тему что такое счастье. Понятно, что счастье не является предметом, который можно достичь, в отличие от Лондона. Мы должны четко определить категориальную принадлежность. Счастье, наверное, это состояние души. Для грамотного философского ответа на этот вопрос я могу порекомендовать работу Аристотеля «Никомахова этика». Это произведение Аристотель посвящает своему сыну Никомаху. Учит его тому, как жить по человечески. Можно познакомиться с какими-то категориями в этической области. Подход Аристотеля заключается в следующем. Счастье даже не некоторое состояние человека, а это качество действия. На самом деле мы стремимся к какой-то другой цели. У нас есть цель. Для того чтобы стремиться мы выполняем какое-то действие. При этом мы можем находиться либо в счастливом состоянии, либо нет. Если точнее определить категориальную принадлежность счастья, то, по Аристотелю, это качество действия, хотя можно считать, что это некоторое состояние человека. Продолжим эту линию. Если счастье — это состояние человека, то от чего за-

висит быть счастливым или нет? Понятно, что все зависит не столько от окружающих факторов, сколько от внутренних факторов. Сам человек, сам по себе может либо быть счастливым, либо нет. Это в его власти. Нужно занять правильное отношение к происходящему. Если продолжим эту линию, то можно говорить о подходе, который реализован в буддизме. Что бы быть счастливым, для буддиста, это нужно изменить свое внутреннее состояние, относится к окружающему и происходящему по-другому. Что с точки зрения буддизма является источником страданий и несчастья? Некоторое привязанность к жизни, желание. Если мы откажемся от стремлений к чему-то внешнему, либо мы, вообще-то говоря, не должны отказываться от самих действий, время от времени хочется есть и что-то хочется, но при реализации своих стремлений для достижения каких-то целей, находится в другом внутреннем состоянии, не слишком сильно к этому действию привязываться. Относится к этому действию или этой цели несколько отрешенно. Тогда мы будем вести правильную жизнь. Я упомянул о буддизме, на самом деле есть ответ и в индийской философии. Вам важно понимать, что буддизм отнюдь не индийская философия. Буддизм зарождается на границе Индии, на севере Индии. Буддизм маргинальное (минимальное) для Индии значение. Если вы хотите понять суть индийской философии в популярном изложении, то есть текст Бхагавадгита, в котором описано йога-действие. Буддизм склоняется к состоянию нирваны, это скорее путь такого бездействия. Как быть если бы хотели бы остаться действующими существами? Нужно практиковать некоторое йога-действие. Оно состоит в некоторой отвязки от внешних привязанностей. Мы должны что-то делать, но не сильно к нему привязываться. Например, попробуйте реализовать этот подход при сдаче экзамена. Вам нужно сдать экзамен, но не нужно на этом сильно заикливаться. Нужно прийти в спокойном состоянии сдать, сдать, не сдать, так не сдать. Иногда это помогает сдать экзамен.

Вопрос для факультативной работы. Одной из культовых фигур для американской культуры является современный философ Уиллард Куайн (1908–2002). «Слово и объект» — основная книга Куайна. Там он приводит пример с «гавагаи». Куайн говорит, что допустим вы попадаете в абсолютно другую культуру, например, к австралийским аборигенам, т.е. вы не знаете как они относятся к миру, какое у них мировоззрение, что они видят. Ваша задача — попробовать понять их язык, научиться их языку. Вы пользуетесь конструкцией «да»/«нет». Что-то спрашиваете, абориген кивает головой и т.п. Случается такая ситуация. Когда вы видите пробегающего кролика и спрашиваете что это? В ответ получаете, что это «гавагаи». Европейец понимает, что слово «гавагаи» соответствует нашему слову кролик. Но, неожиданно когда вы видите пробегающего кролика, например, вечером и спрашиваете — это гавагаи? Туземец качает головой и говорит, нет — это гавагои. Вопрос: чтобы могло означать этот аборигенский термин «гавагаи»? У меня были работы в которых студенты предлагали 12 вариантов. Куайн говорит, что мы трактуем «гавагаи» в привычном для нас языке — языке существительных, т.е. трактуем это слово, как слово обозначающее существующий предмет. Если мы сталкиваемся с другой культурой, то не факт, что у них в категориальном смысле это слово обозначает тоже самое, что мы привыкли понимать.

Продолжим наше знакомство с античной философией. Моя задача сегодня — попробовать вас познакомить со следующим этапом развития антич-

ной философии. На этом этапе свое представление о мире будут формулировать математики. Мы познакомились с тем, какой ответ о мире дают физики, точнее первые физики — представители милетской школы. Физики, потому что они отвечали на вопрос о том, какова природа вещей? Природа понимается в особом смысле. Например, я могу задать вопрос какова природа студентов? У вас есть ваша студенческая природа? Вы к пятому курсу должны представлять какова природа преподавателей. Математический подход я бы связал с двумя фигурами — Пифагора и Гераклита. В последующей традиции этот математический подход к мировоззрению был развит платоновской школой и самим Платоном. Физический подход был развит Аристотелем. Именно так в учебном пособии Гайденко проводится сопоставление двух основных линий философских античности и средних веков: платоновской линии (платоно-пифагорейской) и аристотелевской линии. Вообще говоря, Аристотель относился к математике не очень хорошо. Он говорил о том, что нужно развивать естественные науки, т.е. физику, биологию, психологию, но не математику как таковую. Эти линии в новое время соединил Галлилей. Галлилей возродил платоновский подход в физике. С тех пор мы говорим уже о математической физике. Давайте прежде чем переходить к математикам, мы еще кое-что скажем о физиках.

Первое о чем хотелось бы сказать, то что делается в милетской школе связано с таким категориальным рядом: вещество-материя-энергия. В чем состоит физический подход? Все происходящее из чего-то состоит. Мы можем сказать что это состоит из какого-то вещества, можем дать второй ответ, что это состоит из такой-то материи. Мы можем сказать что это состоит из некоторой энергии. Если вы помните, термин вещество я соотнес с категорией субстрата, а термин материя или термин энергии мы могли бы соотнести с категорией субстанции. Мы могли бы сказать, что все состоит из какой-то энергии и это передает определенный смысл греческого термина фюзис. Потому что это первоначало, о котором они говорят, должно быть энергичным. Энергичность этого первоначала проявляется в том, что это первоначало дает импульс или постоянно приводит к движению, развитию соответствующих образований. Природа такова, что все саморазвивается. Должно быть достаточно этой энергии. Либо, если вы помните, мы говорили о термине архэ. Этот термин **архэ** мы могли бы перевести на латинский язык, как термин **принцип**. Первые философы пытались найти принципы происходящего. Природа происходящего, принцип происходящего в каком смысле это нужно трактовать? Например, вы знаете как работает автомобиль. Знаете принцип работы двигателя внутреннего сгорания. Такого рода принципы хотели выяснить первые мыслители, первые философы, первые физики. Найти принципиальное объяснение происходящего. Эти принципы имеют физическую природу.

Следующие два момента. К недостаткам этого подхода, наверное, следует отнести неразличение в милетской школе двух категорий: категории сущности и категории качества. Я приводил вам пример то, что сделал Фалес сказав, что все вещи состоят из воды. Фалесовскую воду нужно отнести к категории качества, т.е. в фалесовском смысле этого слова все является водным, влажным. Весь кругооборот в природе объясняется движением этой воды, энергетической субстанции. Эта энергетическая субстанция мыслится как текучая жидкость, которая плавно перетекает из одного состояния в другое. Анаксимандровский апейрон можно соотнести с категорией сущно-

сти, но я еще раз подчеркиваю, что четкого разделения между сущностью и качеством нет. Они пытались найти некоторый принцип, но относится он к сущности или к качеству? В силу неразвитости мышления, они совершали категориальную ошибку, т.е. не разделяли сущность и качество. Кое что относящееся к этому различению можно найти у Анаксимандра. Апейрон представляет собой нечто бескачественное, а все, что находится в нашем мире представляет собой противоположности. Из апейрона выделяются противоположности. В Мире противоположности, например, холодное и горячее, твердое и мягкое. В Мире мы находим разделенные состояния: мы находим что-то твердое, что-то мягкое. У Анаксимандра это противопоставление начинает фиксироваться. Сущность это нечто бескачественное. И мы сущности или субстанции не должны приписывать каких-то чувственных качеств, а в нашем Мире мы находим противоположности. Термин «противоположности», который употребляется в греческом языке, мы знаем как дюнамис (dynamis). Это нечто обозначает противоположности, во-вторых, это нечто динамическое, т.е. подвижное, быстро меняющееся, например, холодное очень быстро может перейти в горячее, и еще присутствует момент, который мы в последующем начинаем соотносить с категорией силы. Как таковой категории силы в античности нет, они сил еще не знают. У них есть сила качественная — противоположность. Третий момент для дюнамиса, момент потенциальности, т.е. это не само какое-то качество, а способность к такому-то качеству. Апейрон находится в модусе действительного, актуального состояния, а в нашем мире не совсем все доразвито, мы имеем дело с какой-то полу действительностью. С каким-то динамическим неустойчивым состоянием. Это полустойчивое состояние можно соотнести с популярным сейчас термином виртуальность или виртуальная реальность. Виртуальная реальность — предполагается больше физический смысл, т.е. вы наверное знаете, что в физике есть нормальные частицы и есть виртуальные частицы, которые обеспечивают взаимодействие между телами. Взаимодействие между телами как раз и будет соотносится с этими противоположностями, которые обеспечивают силовые взаимодействия между телами. Таким образом, этот концептуальное различие между сущностью и качеством намечается, но Анаксимандр еще это не фиксирует.

Скажем еще пару слов о виртуальности. Есть достаточно грамотный мыслитель Сергей Хоружий (род. 1941). У него не так давно появилась статья имеющая философское значение «Онтология виртуальности». В ней сделана попытка описания Мира не в состоянии актуальности (первые философы физики описывают актуальное состояние), а в некоторое состояние между Бытием и Небытием, между состоянием виртуальной реальности, не до конца актуализированности. Сам Хоружий виртуальность соотносит с аристотелевским термином энергии. Как вводится термин энергии у Аристотеля? Его одно из основополагающих различий — различие между потенциальным и актуальным. Этому различию посвящена девятая книга аристотелевской «Метафизики». Для Аристотеля, как продолжателя физической традиции, важно помыслить механизм перехода из потенциального в актуальное. Термин энергия вводится как промежуточное состояние между потенциальным и актуальным. Для того чтобы потенциальное актуализировалось должна быть какая-то энергия, энергетика. Например, у вас есть какое-то желание, но вы хотели бы его реализовать. От чего это зависит? Это зависит от вашей энергичности. Если у вас не будет доста-

точной энергии занять пост президента компании, то тогда ваше желание останется не реализованным. Оно останется как потенциальное. Энергия мыслится Аристотелем, как необходимый компонент в промежуточном состоянии между потенциальным и актуальным. Хоружий утверждает, что в основном вся греческая онтология это описание уже свершившегося перехода, когда у нас уже актуальное есть. Когда у нас есть актуальное, то в нашем Мире присутствуют вещи, они полностью актуализированы. Хоружий говорит, что имеет смысл говорить о некотором промежуточном состоянии между потенциальным и актуальным. Это и будет состояние виртуальной реальности. В аристотелевских терминах есть потенциальное, есть энергия, есть актуальное и еще есть четвертое состояние, которое Аристотель называет **состоянием энтелехии**. Энтелехия для Аристотеля — это состояние полной актуализации. Вполне возможно, что этот стол, конечно, является актуальным, но еще не выражает идею стола максимальным образом. Энтелехийное состояние, когда мы достигли своей цели. Например, некоторые из вас участвуют в соревнованиях, но они являются обычными участниками. Они находятся в состоянии актуальности. Кто достигает состояния энтелехии? Тот, кто побеждает. То, что намечает Анаксимандр соотносить с актуальностью с какой-то энергией. Когда эта энергия еще не актуализировалась, например, еще не образовались звезды, планеты, т.е. такое промежуточное состояние, динамическое состояние образования. Это Анаксимандр соотносил со своим термином противоположности.

Третий важный момент. Этот момент связан с различием общее и всеобщее. Первые философы, которые озабочены поиском фюзиса или принципа, ищут всеобщее основание или всеобщий принцип. Чем общее отличается от всеобщего? Общее это то, что мы получаем в результате процедуры абстрагирования. Это то, что позже у Аристотеля или у Порфирия получило развитие в идее древа Порфирия, мы переходим от первой сущности ко второй сущности, от вида к роду и т.д. Мы пытаемся дойти до максимально общего. Точнее, физики милетцы ищут не столько общее, а всеобщее основание. Я вам попробую прояснить это на примере. Например, у нас есть такой ряд вещей треугольник, четырехугольник, пятиугольник и т.д. Что для этого ряда вещей будет общим? Общее образуется так, исключаются некоторые частные видовые различия и то, что остается будет общим в данном ряду. Таким общим будет понятие фигуры. Это треугольная фигура, это четырехугольная фигура и т.д. Что является всеобщим? Эта мысль встречается у Аристотеля. Он эту мысль в своей «Метафизике» не очень развивает. Он называет всеобщее определенно общим или конкретно общим. Ответ очень интересный. Аристотель утверждает, что таким всеобщим будет треугольник. Почему? Потому что мы любую фигуру можем представить себе как набор треугольников. Всеобщее это некоторый порождающий принцип. Нужно найти не какое-то формально общее, а нужно найти некоторый порождающий принцип. Мы из треугольников можем породить любую плоскую фигуру. Мы работали с текстом «Федон». В этом и состоит отличие между третьим и четвертым аргументом, а именно в третьем аргументе ищется общее основание, формальное основание, а в четвертом аргументе, скорее, Платон говорит об эйдосе, т.е. о некотором порождающем принципе. Милетцы ищут такое всеобщее основание. Почему они это называют архэ? Это то, что было вначале. Вначале был треугольник, сложением треугольников мы можем породить какую-угодно сложную фигуру. Найти нужно

начальное состояние. В качестве такого состояния выбирается либо фалесовская вода, либо анаксимандровский апейрон.

Еще одно отступление. Я скажу несколько слов о таком интересном немецком философе, как Гегель (1770–1831). Он многое что написал. Если вы попробуете почитать тексты Гегеля, то вы вряд ли что поймете. Но если вдруг вы захотите разобраться в Гегеле, то я бы вам рекомендовал прочитать его первую работу «Феноменология духа» (1807). В своем лекционном курсе я использую подход Гегеля из его работы «Лекции по истории философии». В чем заключается гегелевский подход? История философии видится им как некоторый непрерывный процесс, каждая стадия этого процесса является уточнением или углублением предшествующей. Нельзя рассматривать различные философские концепции как просто разные концепции, скорее, по Гегелю, они выстраиваются в последовательную линию. Если начинается философия с каких-то физических представлений, то следующим этап философского развития будет математический подход. Как Гегель фиксирует последовательность этапов в своей работе «Феноменология духа»? Гегель пытается дать описание (феноменология — это описание) некоторой духовной практики. Для Гегеля, духовная практика это прежде всего познание, т.е. какие стадии познавательного процесса мы могли бы выделить? Гегель выделяет следующие **стадии познавательного процесса**:

- 1) первой стадии, т.е. когда наше познание только начинается, соответствует категория Бытия. Что мы здесь фиксируем? **Мы фиксируем, что есть что-то, что мы будем изучать.** Мы не знаем что это такое, но мы уже схватили, что это есть. Мы из какой-то бесконечности выделили нечто, что мы будем изучать.
- 2) **этап качества.** На этом этапе, говорит Гегель, мы еще не знаем что это такое, но внутри бытийного круга мы начинаем проводить какие-то разграничительные линии. Например, мы начинаем отличать лес от поля. Мы еще не знаем что такое лес и что такое поле, но мы начинаем проводить такого рода качественное различие. Заслуга Гегеля, на мой взгляд, в том, что он очень четко зафиксировал общую схему любого познавательного процесса. Например, у нас есть такая поговорка: все китайцы на одно лицо. Эта поговорка примерно соответствует этим двум этапам. Мы уже выделяем китайскость. Мы отличаем китайцев от других народов. Но мы еще не научились различать одного китайца от другого китайца. Как вы понимаете, для китайца все славяне на одно лицо. Этап качественного познания в истории философии и будет связан с милетской школой. Они впервые попробовали провести какие-то разграничительные линии. Может быть провели не очень точно, сделали какие-то ошибки между сущностью и качеством. Это первая активная фаза познания.
- 3) **этап количества.** На этом этапе у нас уже есть лес и поле. Мы еще не знаем что такое лес, но мы например можем посчитать количество деревьев в лесу или определить размеры этого леса. Следующая, по Гегелю, стадия познавательного процесса — это попытка к физическим воззрениям добавить чуть-чуть математики.

- 4) заканчивается процесс познания категорией сущности. Эта категория и должна ответить на вопрос что это такое?

Знакомство с следующим этапом философии, связанным с математическим подходом представляет собой, по Гегелю, следующую необходимую ступень философского познания. Эту тему я буду рассказывать вам очень скупо. Во-первых, вы уже и сами математики, поэтому вы и сами все можете придумать, что древние математики не придумали. Моя задача перейти к категории сущности.

Математический подход

Философский математический подход можно связать с именем Пифагора (570–490 до н.э.). Говоря очень общо и, как вы понимаете неправильно, но на первом этапе это допустимо, пифагорейская философия сводится тому, что

все есть число.

Если милетцы сказали, что все есть вода (апейрон), то Пифагор говорит просто, все есть число. Неправильная трактовка, но достаточно распространенная, которую можно встретить в некоторых учебниках, заключается в том, что все состоит из чисел. Пифагор и представители пифагорейской школы никогда бы такой глупости не сказали. Они прекрасно понимают, что все состоит из некоторой материи из некоторой материи или вещества. Они не отвергают предшествующие милетские представления. Они это учитывают. Они учитывают, что выделение материального фактора нужно, но недостаточно для описания всего происходящего в природе или в мире. Пифагорейцы впервые поставили вопрос о том, что помимо материальной причины, материального основания мы должны при объяснении Мира, при объяснении вещей учитывать еще и некоторый формальный момент. Например, нам нужно построить дом. Что для этого мы должны сделать? Мы должны выбрать хороший материал, например, дерево. Без этого дом не построишь. Я надеюсь, что одного дерева для постройки хорошего дома мало. Что мы должны сделать с этим деревом? Важно, что мы дереву должны предать определенную форму, например форму бруса. Эта форма нужна для того, чтобы брусья или доски хорошо друг к другу прилегали. Если мы не придадим нужную форму, то будет полно щелей и дом не будет домом. В данном случае мы обращаем внимание на некоторый формальный момент. Для того чтобы дом был домом, необходимо учесть эти формальные моменты. Общий подход пифагорейцев это не чистая математика, это, скорее, обращение внимания на то, что, как сказал бы Аристотель, формальное основание или формальную причину.

Точная формулировка пифагорейского подхода заключается в том, что все не состоит из чисел, но причастно числу. Идеальный случай для пифагорейцев, когда все находится в состоянии гармонии. Для чего нужны числа? Для того чтобы достичь гармоничного сочетания. Чтобы достичь нужной пропорции. Эта пропорциональность или гармоничность мира задается числом. Пифагорейцы многое заимствуют из предшествующей традиции, прежде всего традиции, которые представлены Анаксимандром. Они его подход развили. Они сказали, что все состоит из противоположностей.

Основной противоположностью, которая имеет числовой характер, противоположность между четом и нечетом. Есть четные числа, а есть нечетные. Но, в отличие от Анаксимандра, они задали набор из этих десяти противоположных пар. Это первая новация. Вторая новация будет отличаться от Анаксимандра. Если Анаксимандр говорил о том, что апейрон выделяет из себя противоположности и мы в мире находим актуализацию этих противоположных качеств. Мы находим что-то холодное, находим что-то горячее. Пифагорейский подход состоит в том, что они говорят, что это все состоит из противоположностей. В каждой вещи есть немножко умного, немножко глупого. Если Анаксимандр мыслил противоположности в своей актуализации: есть теплое и холодное. В любой вещи есть противоположности есть четное и есть нечетное. В какой-то вещи что-то преобладает. В какой-то больше четного, значит четное число. Раз мы двойку можем представить как сумму единиц, то вроде бы присутствует нечетность. Эти противоположности соприсутствуют в вещах. Число как раз и нужно для того чтобы давать соответствующую пропорцию, соотношение между этими противоположностями. Хорошо бы чтобы эта пропорция была бы гармоничной. Тогда эта вещь бытийствует, а если мы пытаемся создать какого-нибудь «уродца», который не удовлетворяет каким-то пропорциям, то такая вещь не имеет право на существование.

Насчет абсолютной глупости. Есть рыбка у которой глаза остались, но она ими не пользуется. Эти глаза — это абсолютная глупость. Наверно нужно согласиться с таким из важных для меня тезисов, что тот мир который мы пытаемся описывать — мир физической реальности. В нем ничего абсолютного быть не может. Там же нет абсолютных максимумов и минимумов, абсолютной любви и ненависти. Абсолюты существуют в другом мире, а в нашем мире есть доля процента, что эти глаза ей могут когда-то пригодиться. Такой возможности исключать нельзя.

Важнейшее достижение пифагорейцев состоит в том, что помимо этих противоположностей (которые можно отнести к развитию милетского подхода), что помимо этого материала должны быть и некоторые формы, должно быть формальное основание, числовые основания, которые участвуют в создании и образовании предметов. Это очень важная мысль. Она не имеет узкого математического значения. ее значение состоит в том, что когда мы имеем дело с какой-то вещью, то эта вещь причастна к двум типам причинности, т.е. мы можем рассматривать развитие этой вещи в материальном смысле (физическом смысле), но в любом таком развитии в меньшей или большей степени присутствует формальное основание и иногда это формальное основание является более важным или более значимым для нас. Для пояснения этого различия я могу сослаться на то, о чем я уже говорил. Помните Аристотель различал фюзис и технэ. Например, мы сделали какой-то прибор — лопату. Для того чтобы использовать эту лопату по своему техническому или культурному значению для нас не столь важен материал из которого она сделана. Для нас важно ее техническая составляющая, ее форма. Важно чтобы она выполняла функцию лопаты. Это формальное, техническое или функциональное значение. Об этом формальном значении (формальной причинности) начинают говорить пифагорейцы. Еще пример приближенный к вашей математической практике. Математики используют такое понятие как машина Тьюринга. О какой машине Тьюринга говорится в математических текстах? Говорится об идеальной машине Тьюринга.

Идеальная машина Тьюринга к какому причинному ряду подчиняется? К материальному или формальному? Понятно, формальному. От чего зависит состояние машины Тьюринга? От состояний в предшествующих ячейках. Это чисто формальная причинность, которая предопределяет развитие машины Тьюринга. Я думаю что вы понимаете, что любая машина Тьюринга должна быть как-то реализована. Она должна быть реализована на каком-то материале (на какой-то физике). Вообще-то говоря, в математике не принимают во внимание то, что при реализации машины Тьюринга в каком-то материале (физической конструкции) возможен некоторый сбой. Математиков больше интересует чтобы программа, написанная для машины Тьюринга или для какой-то другой вычислительной машины была сама по себе хорошо написана, что бы она не приводила к циклам и т.п. При этом есть возможность физического сбоя, т.е. пифагорейцы нашли математику как такую область, где в явном виде господствуют в общем смысле слова формальные закономерности. Они попробовали дать математический взгляд на происходящее, когда не столь важно как это будет реализовано в физическом смысле, а более важно как все происходящее подчинено формальной причинности. Если милетцы выделили понятие первоматерии (первовещества), то пифагорейцы сформулировали понятие первоформы. Любая вещь должна быть еще и оформлена. Эту формальную составляющую вещи они соотнесли со своими числами. Это отнюдь не узко математические числа, это вообще формальные принципы трактовки происходящего.

Давайте я сделаю еще одну ремарку о Гераклите. Я сказал что этот общий математический подход мы могли бы соотнести с двумя фигурами — Пифагора и Гераклита. Почему следует сказать о Гераклите хотя бы несколько слов? Например, как характеризовал Гераклита Сократ? Сократ сказал о нем, что он настолько глубок, что половину из того что он написал я не понимаю. Но то, что я понял это прекрасно поэтому я думаю то, что я не понял не менее прекрасно, но слишком глубоко. Как вы понимаете, Сократ несколько лукавил. Сократ был вообще человеком ироничным. Непонятность Гераклита связана с тем, что он еще выражался не на строгом логическом или философском языке, а он использовал какие-то метафоры или образы, а любая метафора может толковаться многими способами (неоднозначно). Сквозь эту метафоричность проступают достаточно важные вещи. К чему можно было бы свести философские воззрения Гераклита? Неправильная трактовка Гераклита состоит в том, что все состоит из огня и поэтому часто во многих учебниках Гераклита помещают в милетскую школу. Примерно так Фалес сказал, что все состоит из воды, а Гераклит, что все состоит из огня — очень похоже.

Более точная трактовка Гераклита. Гераклит вводит категорию, которую можно назвать огне-логосом. Для Гераклита огонь важен не с физической точки зрения, а он говорит, что в Мире или в Космосе господствует логос, который все себе подчиняет. Первопринципом является не материя. Потому что материя подчиняется логосному началу, некоторому закону, по которому происходит, например, превращение воды. Образ огня очень хорошо подходит. Огонь это постоянная динамика, постоянное движение. В нем нет ничего устойчивого. У нас есть одно состояние, есть другое состояние и есть этот переход. Огонь указывает на динамичность этого перехода. Гераклит подчеркивает, что переходы из 1 в 2, из 2 в 1, отнюдь не случайны, отнюдь не беспорядочны, они подчинены какому-то закону, какому-то ло-

госу. Это напоминает или является вариантом пифагорейского взгляда. В чем отличие Гераклита от пифагорейцев? Если для пифагорейцев исходная интуиция — интуиция гармоничного Космоса, числа обеспечивают порядок, пропорциональность, все небесные тела на своих орбитах, если хорошо настроить струны, в соответствующей пропорции, то они будут издавать приятное звучание, то Гераклит подчеркивает момент борьбы. Гераклитовская картина мира более пессимистичная. В Мире происходят процессы, а логос это лишь фиксация того, что происходит столкновение противоположностей, их борьба. Это не успокоение в гармонии, а извечная борьба. Потому важно для понимания Гераклита то, что все происходящее в мире подчинено логосу. Это неустойчивое образование, это указание на формальный причинный ряд на логосность.

Я хотел чтобы вы написали сегодня контрольную работу, связанную с проработкой диалога Платона «Софист». Отложим это до следующего раза. Вы должны ответить на вопрос, чем отличаются в категориальном смысле три термина все, одно и целое. Милетцы, скорее, еще говорят о всем, о некоторой множественности существующего.

Старшие физики

Очень важная ключевая фигура в развитии античной мысли — фигура Парменида. В рамках гегелевского подхода, Парменид впервые дошел в философском познании до этапа сущности. Он сказал что на самом деле. Мне сейчас хотелось бы сказать несколько слов о Демокрите и Анаксагоре. Во многом понять Анаксагора нельзя без понимания прорыва Парменида. Мы будем трактовать Демокрита и Анаксагора как старших (поздних) физиков. Они возрождают физический подход, но с учетом того, что сделали математики и формалисты. Для первых представлений милетской школы характерно то, что они обсуждают природу простого, т.е. все существующее состоит из чего-то одного, например, из воды. Пифагорейцы, помимо своего формального и математического подхода, впервые вводят в область рассуждения что вещи может быть имеют сложную природу. У пифагорейцев сложность вещей в том, что они состоят из пар противоположностей, но как только вводится пара, а не одно мы намечаем общий поход: мы должны подходить к анализу существующего как чего-то сложного. Эта идею, что нужно анализировать сложное составляет основной предмет внимания старших физиков. Если все (или вещи) являются сложными, значит, они состоят из простых. Делается попытка выяснить что же в вещах будет соответствовать этому простому. Найденное простое и будет некоторым метафизическим основанием. В общем случае мы могли бы воспользоваться концептом Демокрита

все сложное состоит из каких-то атомов.

Сложное является сложным потому, что сложное можно разделить. Когда мы совершаем процедуру деления старшие физики (Демокрит) принимают следующее положение, что процедура деления не является бесконечной и должна на чем-то остановиться. То, на чем она остановилась это и будет атом, как нечто неделимое. Атомы вводятся как простое в силу своей неделимости. Что собой представляет процедура деления? Понятно, что в качестве такой интуиции берется какой-то физический процесс. Демокрит в

качестве физического аналога деления взял процесс разрезания (например, ножом). Если мы можем разделить (разрезать) вещь, то она не является атомом. Почему мы вещи можем разделить? Во-первых, потому что вещи являются сложными и состоят из атомов. Давайте попробуем задаться тем же самым вопросом, но с другой точки зрения. Почему вещи делимы (разрезаемы)? В чем заключается этот процесс деления (разрезания)? Ответ Демокрита: вещи делимы (разрезаемы) потому, что в них присутствует пустота или пустоты. В процессе деления нож находит эти пустоты и таким образом делит вещи. Но, сказать, что вещи состоят из атомов и пустоты, было бы не правильно. Никакой пустоты в вещах нет! В вещах есть только лишь атомы. Я обращаюсь к учебнику Гайденко в нем обращается внимание на то, что в античности были сформулированы три понятия: понятие (концепт) пустоты Демокрита, понятие пространства Платона, понятие места Аристотеля. Задача философского исследования попробовать разобраться в смысловых составляющих. Мы можем зафиксировать следующее, что понятия пустоты, пространства и места являются разными понятиями, у них разный смысл. Современная физика, когда вводит понятие пустоты (или вакуума), смешивает, что-то берет от Демокрита, что-то берет от Платона, что-то от Аристотеля. Давайте попробуем понять что такое демокритовская пустота. В данном случае Демокрит выступает как последователь Парменида, а с именем Парменида мы связываем основной философский тезис

Бытие есть, а Небытия вовсе нет.

Демокритовская пустота не является вводимым Парменидом Небытием. Мы говорим, что вещь состоит из каких-то неделимых образований, атомов. Для того чтобы помыслить атомы как нечто многое у нас должны быть границы этих атомов. Пустота — это нечто пограничное, это то, что отличает один атом от другого. Нельзя мыслить так, что была сначала какая-то главная пустота и в этой пустоте запустили атомы. Такой пустоты, как сказал Парменид, нет. Скорее, если мы вещь мыслим как нечто сложное, то для того чтобы отличить один атом от другого нам и нужна категория пустоты. Категория пустоты выполняет роль границы между атомами. Вещи состоят из атомов, из чего-то многого, поэтому у нас должна быть различающая процедура между этими атомами. Такой различающей процедурой и является пустота.

Второй альтернативный подход предлагает Анаксагор. Анаксагор говорит что

все состоит из гомеомерий.

Первое различие, которое я упоминал, состоит в том, что гомеомерии мыслятся Анаксагором, как бесконечно делимые. Если демокритовские атомы — это предел деления. Кстати, понятно, почему атомы не делимы? В них нет пустоты. Есть еще такой мыслитель Левкипп он считается предшественником Демокрита, но я предполагаю, что Левкипп — это выдуманная фигура, поскольку ничего о нем до нас не дошло, а о Левкиппе все время говорит Демокрит («Как говорил Левкипп...») чтобы предать себе значимости. Различие между Левкиппом и Демокритом состоит в том, что основанием неделимости левкипповских атомов является маленький размер, то демокритовские атомы отнюдь не маленькие, они, как говорит Демокрит, могут

быть размером со Вселенную, но их неделимость объясняется их сплошностью — неложно пролезть туда, там нет пустот. Демокритовские атомы — сверх сплошное (плотное) образование (что-то типа нейтронных звезд). Анаксагор говорит, что все состоит из гомеомерий, которые бесконечно делимы. Но, на мой взгляд наиболее важное отличие между Демокритом и Анаксагором состоит в следующем. Возьмем образование «белый мел», которое мы бы хотели подвергнуть анализу в духе старших физиков, т.е. ответить на вопрос что является основанием для этого сложного составного образования. Демокрит говорит, что мы будем делить мел — мел является сложным, мел состоит из атомов. Но почему бы нам не сказать, что главным в «белом меле» является его белизна — мел состоит из белизны или из твердости. Теперь сложность отнесем не к мелу, а к белизне. Если мы разделим этот кусок мела пополам, то обе части будут белыми и какую бы часть мела мы бы не делили — она всегда будет белой. Гомеомерии это результат деления сложной вещи, но не по субстанции, что делает Демокрит, а по качеству. Здесь заключена следующая интуиция — что бы мы не делили, мы всегда будем иметь дело с мельчайшими «белыми частичками». Мы даже не имеем право сказать частичками, это скорее демокритовская интуиция — привычная для нас. Кусочки, частички отсылают к субстанции. Эти «частички» нечто такое виртуальное. Мел состоит из частичек белизны или из каких-то белых. Чтобы быть более точным, почему бы нам не написать что у нас есть не «белый мел», а «меловая белизна». Тогда мы будем мыслить белизну как субстанцию. Отсюда начинается проясняться мысль Анаксагора. Но, еще одна мысль Анаксагора:

все во всем.

Наверняка, в этой белизне содержится некоторая доля черноты. У нас же не бывает абсолютно белых вещей или абсолютно горячих. Когда мы начнем делить, то окажется, что там сто белых на одну черную. Мы говорим о преобладании, но любая вещь состоит из набора анаксагоровских гомеомерий. В каждой частичке содержится все многообразие Мира, но когда мы доходим до уровня вещей, то мы имеем более менее определенные вещи, которые мы трактуем, например, как «белый мел». Ваша задача попробовать разобраться в концепции Анаксагора. Попробуйте найти ошибки у Анаксагора. Мы же ведем речь об объяснении физического мира. Третий момент, который присутствует у Анаксагора состоит в том, что есть управляющее начало, которое он называет **нус**. Нус распределяет, он не создает вещи, а смешивает гомеомерии в некоторых пропорциях и выпускает их в существование. Нус это логосное или формальное начало. Гомеомерии это материальное начало.

Лекция 8 (23.10.2007)

Давайте я прокомментирую прошлую контрольную работу. Пример «гавагаи» Куайн приводит для того, чтобы продемонстрировать свой тезис «об онтологической относительности». Мы говорили о гипотезе языковой относительности суть которой в том, что разные языки по-разному описывают одно и то же, даже нельзя говорить, что это одно и то же. У Кайна есть более сильный вариант. Он считает, что в различных культурах возможна разная онтология, т.е. разное представление об устройстве Мира. Тезис Куайна говорит о том, что мы можем никогда не понять другую онтологию. Мы будем все время пытаться подставить свою привычную онтологию на место оригинальной. Задача Куайна в этом примере: возможно ли догадаться соответствует ли термин «гавагаи» нашему термину кролик? Вполне возможно, что за счет освоения других грамматических конструкций мы поймем чем отличается «гавагаи» от «гавагой», т.е. это процесс экспериментально-опытного познания. **Вариант Куйна.** Кайн говорит, что у нас очень мало возможностей для того чтобы понять, какое из трех значений используется. Куайн говорит, что указательный жест «это» очень неопределенный. Мы можем этим жестом обозначать очень многое и что вкладывается в этот указательный жест всегда нужно разбираться. Есть такой психолог Лурия Александр Романович, у него есть работа «Язык и сознание». Он приводит пример. Ребенок, который только осваивает язык, издает звук «про» и показывает на игрушечную лошадку. Что это «про» обозначает? Лурия говорит, что это означает и сам предмет и желание ребенка покататься, т.е. слово «про» необязательно будет обозначать лишь сам предмет. На самом-то деле, можно было бы обозначать кролика, а можно было бы обозначать живое существо и мы вообще-то говоря не знаем, есть ли в этой культуре (в этой онтологии) различие. Например, вы можете сообразить различие между конкретным кроликом и некоторым кроликом вообще. В английском языке это различие придается с помощью артикля. Можно было бы представить онтологию в обратную сторону. У них для кроликов общего названия вообще нет. Точно также как мы говорим, что мы-то не называем все живыми существами — нам нужно нечто конкретное: это кролик, это заяц. Например, термином «гавагаи» обозначать любое живое существо, а можно было бы обозначать что-то более конкретное. Известный культурологический пример на эту тему: в языке северных народностей нет единого слова снег (или белый) у них есть разные слова, которые обозначают различные оттенки белого. Нам это представить сложно, но возможна большая конкретизация привычных нам понятий. Мы можем обозначать какую-то конкретную сущность, мы можем обозначать вид, мы можем обозначать род. Мы можем двигаться по древу Порфирия. Мы не знаем с какой степенью общности у нас соотносится термин «гавагаи». Куайновский ответ состоит в том, что одновременно когда мы указываем «это», то мы могли бы задать три основных смысла:

- 1) мы указываем на то, что мы видим, т.е. мы указываем на видимую часть кролика, хотя в нашем слове мы подразумеваем что мы называем кролика вообще. Мы видим кролика со спины или спереди и говорим вот это. Возникает вопрос «гавагаи» обозначает кролика вообще, либо видимую часть. Это видимая часть.

2) второй смысл — это сумма частей, т.е. это не только видимая часть, а это существо состоящее из хвоста, ушей и прочего, но при этом эта сумма частей еще не является целым. Этим термином обозначается сумма частей. В этой связи у меня всегда приходит на ум ассоциация с фильмом «Полосатый рейс». Там показано, как можно к тигру подходить с точки зрения гастрономии. Тигра можно рассматривать как набор гастрономических частей. Термин «гавагаи» можно трактовать: смотри сколько побежало хорошей еды.

3) третий смысл — привычный для нас. Мы термином «гавагаи» обозначаем не просто сумму частей, а мы обозначаем нечто целое — кролик.

С точки зрения Куайна, эти три точки зрения практически неразличимы. Мы можем долго общаться с представителями племени, но не сможем понять между 2) и 3). Мы привыкли объединять множество в нечто целое, а они будут рассматривать это дистрибутивным образом, как множество частей. Второй и третий смысл имеет некоторое отношение к различению между все и целым.

В конце лекции вы напишете контрольную работу. На ней будет два вопроса. Первый вопрос — можно ли согласиться с основным элейским тезисом

все, что мы видим — иллюзия, т.е. мира многого не существует.

Второй вопрос — в чем различие между все, целым и единым.

Я говорил о различии Демокрита и Анаксагора. Оба из них пытаются решить проблему сложного, т.е. сложное состоит из каких-то простых частей. Для решения этой проблемы Демокрит предлагает идею атомов, а Анаксагор — идею гомеомерий. Небольшое замечание. Мы преодолеваем советское наследие в изложении философии. Это советское наследие состоит в том, что выделяются две линии в философии: идеализм и материализм. Эта схема была предложена Энгельсом. Перед Энгельсом стояла задача, обо всем богатстве философского знания рассказать если не совсем неграмотным, то полуграмотным рабочим. Поэтому нужно было придумать очень простую схему. Энгельс предложил следующее: все богатство философского знания мы можем разделить на две линии. Идеализм связан, прежде всего, с именем Платона, а материализм связан с именем Демокрита. Нужно с осторожностью читать учебники по философии советского периода! Является ли Демокрит материалистом? Демокрит ввел свое понятие атомы, атомы — это основа современной физики поэтому Демокрит был материалистом. Это рассуждение в корне неверно. У Демокрита не было технических средств чтобы обнаружить атомы. Демокритовские атомы это некоторая умозрительная конструкция, предназначенная для решения проблемы сложного. Никаких атомов Демокрит в глаза не видел! Более того, демокритовские атомы, я уже говорил, отнюдь не имеют малых размеров. Атом это то, что далее не делится. Это принципиально отличается от современного физического понятия атома. Это не то же самое. Демокритовские атомы это идеальная конструкция (модель) для объяснения окружающей действительности, поэтому Демокрит не менее идеалист, чем Платон. Никакого чистого материализма в истории философии (если не учитывать исключительные случаи) не было. Аргументация против материализма очень простая. Материализм признает такой концепт, как материя, но сам по себе концепт

материи является идеальным. В этом смысле любой материализм является разновидностью идеализма с какими-то оговорками. Материализм минимизирует число принимаемых сущностей, пытается ограничиться лишь одним идеальным концептом — материей. Конечно, это никакого отношения к эмпирическому модусу не имеет. Кстати, именно Демокрит предлагает впервые термин **идея**, который потом у него позаимствовали. Этот термин у него присутствует в связи с процессом познания. По Демокриту, все состоит из атомов, но как мы об этом узнаем? как мы узнаем о том что это стол, а это мел? По Демокриту, каждая вещь испускает так называемые **видики** или **эйдосы** (виды). Эйдосы состоят из мелких атомов, которые обладают хорошей проникающей способностью и эти видики попадают в наши глаза и мы видим. Мы видим потому что есть процесс обмена информацией. Информация от вещей в виде видиков поступает к нам. Эти видики и есть идеи.

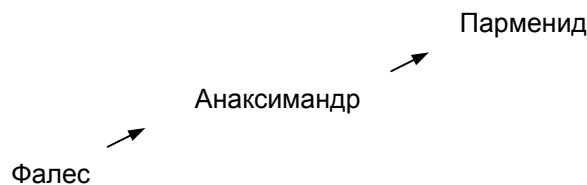
Еще одно интересное различие между Демокритом и Анаксагором — подход к решению проблемы первичных–вторичных качеств. Демокрит известен тем, что он сформулировал **проблему первичных–вторичных качеств**. Что такое первичные–вторичные качества? Вторичные качества это то, что присутствует на уровне мнения. Например, как говорит Демокрит, здоровому человеку мед кажется сладким, а больному — горьким. Вторичные качества — сладость и горечь — это лишь мнение. Мы должны перейти от мнения к знанию. Знание это то, что не зависит от каких-то субъективных особенностей человека, это то, что есть на самом деле. Каков мед на самом деле: сладкий или горький? Демокрит говорит, что на самом деле мед и не сладкий и не горький, а мед состоит из атомов, а атомы не сладкие и не горькие, т.е. в основании лежат некоторые пространственные конфигурации атомов. В чем состоит проблема первичных–вторичных качеств? Вторичные качества это те, с помощью которых нам вещь дается, они имеют субъективную окрашенность. Они не совсем конечно являются иллюзорными, это не обман, но это не первичные (основные) качества, а на самом деле, например, все состоит из атомов. В чем эта проблема состоит для Демокрита? Первичные качества принципиально отличаются от вторичных. Сами по себе атомы не обладают чувственными качествами на уровне феноменального вида, в отличие от Анаксагора, который считает, что гомеомерии подобны частному. Если мы видим мел белым, то частицы, из которых состоит мел тоже должны быть белыми. Для Демокрита, частицы из которых состоит мел не являются белыми!

Я прочитаю вам достаточно интересное пособие, возможно, самого крупного специалиста по философии в нашей стране Александра Львовича Доброхотова (род. 1950) «Проблема Бытия в античности». «Каждый из мыслителей закрепляет за Бытием один из моментов чувственного мира». Я сейчас дополню Доброхотова милетцы внесли то, что каждый предмет должен из чего-то состоять, они внесли момент материальности. «Пифагорейцы обратили внимание на организацию вещества», т.е. у этой материи должна быть какая-то структура, какая-то организация. Для того чтобы выявить эту структуру (или форму) пифагорейцы и вводят свой концепт числа. «Анаксагор обращает внимание на то, что качества, которые есть у вещей, должны быть устойчивыми», т.е. так просто качество белизны от этого мела не отнимешь. «Демокрит обращает внимание на пространственную схему», т.е. подход Демокрита в том, что в основании физики лежит геометрия. Все

физические свойства (которые относятся ко вторичным качествам) могут быть объяснены геометрическим образом. Аристотель, который критикует в своих работах и Демокрита и Платона, их обоих называет математиками. Они пытаются, говорит Аристотель, построить мир из математических концептов, что неверно. «Платон вкладывает свой мир идей». О Платоне поговорим чуть позже.

Учение о Бытии Парменида

Итак, основным предметом сегодняшней лекции является учение о Бытии Парменида. Говоря более точно, Парменид вводит в истории мысли концепт Единое–Сущее–Бытие. Сам Парменид не очень точно различает три разных смысла поэтому мы можем говорить, что это учение Парменида о Бытии, но чуть позже нужно будет понять — то, что Парменид понимает под своим Бытием на самом деле является некоторым триединством и нужно будет провести различие между разными смыслами этого бытия. Первое различие между Бытием и Единым проводит Платон, а второе различие между Сущим и Бытием проводит гораздо позже Хайдеггер. Пока мы не будем углубляться в тонкости, а поймем в чем состоит учение Парменида о Бытии. Можно сказать, что Парменид является отцом (основателем) всей европейской метафизики, т.е. философия в узком смысле этого слова начинается лишь с Парменида. Все, что было до Парменида, т.е. о чем мы говорили до этого, это предфилософия. Может быть, имеет смысл еще раз остановиться на связке развития философской мысли Фалес–Анаксимандр–Парменид.

В чем принципиальное отличие Парменида от Фалеса и Анаксимандра? Фалес и Анаксимандр пытаются работать с чувственным миром, они каким-то образом чувственный мир преодолевают. Фалес преодолевает в меньшей степени, он использует некоторое метафорическое мышление. Анаксимандр преодолевает в большей степени, говоря о том, что основание должно формулироваться с помощью ряда отрицаний, т.е. основание не похоже на предметы чувственного мира, но Анаксимандр тоже не делает главного, в отличие от Парменида. Он не дает позитивную характеристику: а что же представляет собой это метафизическое основание. Он ограничивается отрицаниями: это должно быть что-то безкачественное, неопределенное, бесконечное. Ну а что же это такое? Мы у Анаксимандра это до конца понять не можем. Впервые такую позитивную трактовку дает Парменид. Здесь проявляется самая суть философского (или метафизического) мышления. В чем эта суть состоит? Мы должны взять какую-то мысль и эту мысль до конца продумать. Мы должны в принципе не обращать внимание на чувственный мир. Весь чувственный мир — это лишь область мнения или область иллюзорная, а мы должны перейти в мир истины. Этот истинный мир будет

кардинальным образом отличаться от чувственного. В истинном мире существуют мысли и мы должны взять некоторый концепт и честно продумать его: какое смысловое содержание входит в этот концепт, какие смысловые следствия вытекают из этого концепта. Вам это объяснять гораздо проще, т.к. в своей математической практике вы занимаетесь аналогичными вещами. У вас есть какая-то смысловая конструкция, например, заданная аксиоматикой и вы получаете следствия из этой конструкции не привлекая свои чувственные данные. Вы осуществляете переходы на основании четко заданных формальных или мыслительных правил. Эту процедуру впервые реализовал (осуществил) Парменид.

В чем его главная идея? Если мы обращаем внимание на чувственный мир, т.е. на тот мир, который нам дан в чувствах, то его родовая характеристика — это характеристика изменчивости. Основание, которое стоит за этой изменчивостью. С одной стороны мне тяжело говорить, с другой стороны мне уже проще, когда я употребил термин основание. Какие у вас ассоциации вызывает термин основание? Что-то устойчивое. Устойчивое и самое главное (главная мысль Парменида) нечто тождественное или самотождественное. Давайте попробуем ответить на вопрос — почему таким первым (глубинным) основанием является нечто тождественное? Потому что если бы мы попробовали предложить в качестве такого основания что-то нетождественное (изменчивое), то тогда мы должны были бы ответить на вопрос что является причиной изменения. Когда мы можем прекратить это вопрошание? Когда мы в качестве первопричины дошли до тождественного и уже на вопрос что является причиной изменения мы можем не отвечать, поскольку нет изменения. Главный смысл тождественности потом и вошел в философию как философский термин, который получил название субстанция. Я приведу определение субстанции более позднего мыслителя, которое до сих пор признается самым удачным, это определение субстанции по Спинозе (1632–1677):

субстанция это то, что является причиной самой себя.

Например, является ли данный стол субстанцией? Конечно, нет, поскольку мы понимаем, что для того чтобы этот стол существовал должны быть какие-то другие причины, например, его кто-то должен сделать, а для этого должна быть материя или форма. Найти первопричину это найти такое основание, которое является причиной самого себя. Например, какая геометрическая фигура ассоциируется с такой самозамкнутой структурой? Понятно, что это наподобие окружности, круга или шара. Это нечто замыкающееся на само себя, поскольку это причина самой себя. Собственно говоря, основные смыслы парменидовского Бытия я вам уже задал. Парменидовское Бытие это попытка продумывания основания в свете его основной характеристики, характеристики тождества.

Какие следствия отсюда вытекают? Это основание (субстанция, причина самой себя, самотождественное) является чем-то единым. Этих оснований не может быть много, оно может быть лишь единым, а все остальное (т.е. то, что мы находим в мире чувств) многое. Пармениду нужно обосновать почему по истине существует лишь единое, а не многое. Чувства такого объяснения не дают, более того, говорит Парменид, чувства вас вводят в заблуждение. Чувства говорят о том, что есть вроде бы многое: я есть, стол есть, мел есть, но, по Пармениду, это все иллюзия. Это все находится на

уровне миронения. Эту иллюзию мы должны преодолеть. Мы должны работать с истинным миром. В истинном мире существует лишь единое. Какой аргумент приводит ученик Парменида Зенон против существования мира многого? Если вы посмотрите учебник Гайдено и, вообще, вы, наверное, слышали о Зеноне. Слышали об апориях (парадоксах) Зенона, направленных против движения. Например, Ахиллес и черепаха. Это все Зенон иллюстрирует правоту Парменида, показывая, что в мире многого есть очень много неразрешимых противоречий. Например, в мире многого не понятно как Ахиллес сможет догнать черепаха. За то время пока Ахиллес догоняет черепаха, черепаха со своей маленькой скоростью проходит определенный путь. Помыслим следующий этап, Ахиллес снова догнал черепаха, но за это время черепаха еще какой-то путь проделает. Если мы итерируем это рассуждение, то по этой логике Ахиллес ни когда не догонит черепаха. Как же быть? Здесь и возникает апория, т.е. мы вроде бы видим, что Ахиллес обгоняет черепаха, но в рассуждении, которое мы построили этого быть не может. Возникает некоторая мыслительная трудность, с которой надо разобраться. Эти апории получили бурный отклик. До сих пор математики пытаются эти апории разрешить. На последней конференции по математической логике была предложена еще одна попытка решения этих апорий. Я не буду говорить более подробно, я скажу об основном элейском тезисе, об основной апии, которая опровергает мир многого. Почему мир многого невозможен? Потому что мир многого логически противоречив. Когда мы говорим, что есть многое, например, под многим мы понимаем вещи. Мы говорим, что все вещи подобны друг другу (это то, с чего начинается философская мысль в милетской школе), но вещей-то много, значит, они должны быть не подобны. Вот мы получаем искомое логическое противоречие: мир многого и подобен и не подобен. Такого быть не может! Парменид делает вывод, следовательно, никакого мира многого не существует, а есть лишь единое. Для единого никакого противоречия сформулировать нельзя, поскольку оно является самоподобным, самождественным. Ваша задача на контрольной, попробуйте защитить наш мир многого, т.е. нас с вами, потому что по логике Парменида нас с вами тоже нет, а есть лишь единое.

Введем две аксиомы с помощью которых Парменид вводит свою категорию Бытия. Парменид пытается строгую философскую систему, он пытается продумать свои собственные основания и их эксплицитно выразить, в отличие от предшествующих мыслителей. Для того чтобы задать это Бытие, которое а вам раскрыл по смыслу, как какое-то самождественное, Парменид вводит **два тезиса**

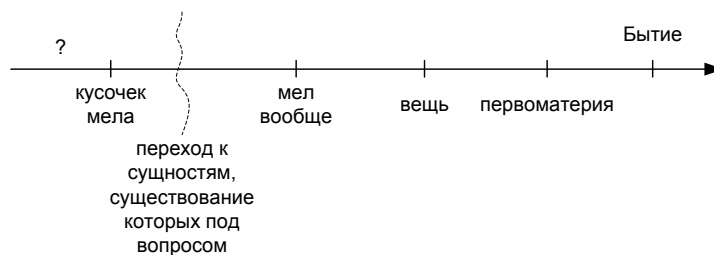
- 1) **Бытие есть, а Небытия вовсе нет** (не просто нет, а он использует усиление — вовсе нет). Казалось бы, тривиальная вещь, но она очень важна, потому что возникает соблазн ввести Небытие, причем этот соблазн возникает даже у современных мыслителей, например, один из больших специалистов по античной философии А.Н. Чаньшев, у него есть хороший учебник по философии, в конце своей жизни написал «Трактат о Небытии». Парменид один раз и навсегда сказал, что все эти разговоры о Небытии оставим, все это от лукавого. Нет никакого Небытия. Он приводит аргументы в пользу этого тезиса.
- 2) **Бытие и мышление суть одно**. Если первый тезис звучит тривиально, то второй тезис более парадоксальный. Для меня он вызвал

некоторые трудности для понимания. Почему этот тезис более парадоксальный? Смотрите, у меня есть мел, я об этом меле начинаю думать. У меня есть сам предмет и у меня есть мысль о предмете. Понятно, что сам предмет и мысль о предмете не совпадают. Парменид же говорит о том, что Бытие и мышление одно и то же. Этот тезис получил название **тезис о тождестве Бытия и мышления**. Мы ввели Бытие как самоидентичное, но оказывается оно не только преодолевает все это многое различие, оно еще и совпадает с мышлением о себе самом. Этот тезис трудно понять.

Коротко приведу два аргумента против существования Небытия. Они, конечно, достаточно просты. От Парменида до нас дошло больше чем от Фалеса (от которого дошло только две фразы: «все состоит из воды» и «все полно богов», «земля покоится на воде»). Парменид написал поэму «О природе». В первой части поэмы излагается физика. В своей физике он выступает как один из прочих физиков, т.е. он говорит о том, что в Мире есть два начала земля и огонь. Пассивное и активное начало, они вступают в конфликт, взаимодействие, и все происходящее в Мире связано с этим противоборством огня и земли. Но потом Парменид говорит, что все рассказанное является сказкой, это все мнения, а теперь я вам скажу истину. Во второй части своей поэмы он формулирует истинное учение, учение о Бытии. Два аргумента в пользу первого тезиса:

- 1) **гносиологический контраргумент** (аргумент против Небытия): если бы Небытие существовало, то это примерно также, как если бы могли слышать неслышащим ухом или видеть невидящим глазом, т.е. существует лишь то, что мы хоть как-то воспринимаем. Небытие по своему смыслу вводится, как то, что не существует, оно не воспринимается. Наверное, есть люди, Парменид называет их двухголовыми, которые могут воспринимать Небытие, т.е. одна — нормальная голова — для восприятия Бытия, в этой голове мы слышим ушами, видим глазами, говорим с помощью своего языка (рта), а другая голова она видимо предназначена для восприятия Небытия. Но мы нормальные, мы же не двухголовые, значит, мы должны принять его тезис.
- 2) **лингвистический контраргумент**. Парменид замечает, что когда мы говорим несущее существует, мы формулируем логическое противоречие. Такая фраза является неправильно построенной.

Что является основанием для того чтобы кто-то мог воспринимать Небытие? Таким основанием является несовпадение мысли и нашего языка. В языке мы можем сказать гораздо больше, чем мы можем помыслить. Кажется бы, что на синтаксическом уровне мы можем построить фразу «несущее существует». Мысль уже, чем язык. Не любую фразу, которую мы можем построить нужно трактовать как что-то осмысленное. Нам необходимо провести критическую работу над нашим языком и отсечь то, что выходит за рамки нашего мышления. Тогда у нас останется только лишь Бытие. Никакого Небытия нет. Нужно предотвратить ошибки, к которым нас склоняет наш язык (действительно, если мы сказали, что есть только лишь Бытие, то почему бы нам не сказать, что есть еще и Небытие? С синтаксической точки зрения это равноценные аргументы). Парменид утверждает, приводя два аргумента, что есть только лишь Бытие.

Второй тезис состоит в том, что Бытие и мышление суть одно. Давайте попробуем разобраться в том, что такое парменидовское Бытие. Одна из возможных трактовок парменидовского Бытия состоит в том, что Бытие представляет собой предел категориального обобщения. Любая метафизика должна найти предельное основание, первопричину. В этом смысле фалесовская вода выступает тоже как предельный случай, но считается, что Парменид нашел самый дальний предел, которое лежит в основании всего остального. Конечно, Парменид не мог говорить про все остальное, т.к. все остальное является иллюзией. Давайте нарисуем онтологическую шкалу, т.е. это шкалу того, что в принципе могло бы существовать. Эту шкалу будем строить по принципу конкретное—общее. Начнем с того, что уж точно на самом деле существует. Например, существует этот кусочек мела, по крайней мере мои пальцы не проваливаются в пустоту. Почему я этот кусок мела не расположил в самой левой части шкалы? Потому что я допускаю возможность, что существует еще что-то более конкретное. Давайте для простоты начнем с этого куска мела. Наша задача построить категориальное обобщение. Что будет следующей сущностью? По сути я воспроизвожу древо Порфирия или аристотелевское учение о первых и вторых сущностях. Что является обобщением? Например, мел вообще. Если существует кусок мела, значит и существует мел вообще. Если бы мы взяли вместо мела — яблоко, то на этом этапе мы бы пришли к яблоку вообще. Я на семинаре уже задавал вопрос, пробовали ли вы яблоко вообще? Каково на вкус это яблоко вообще? А дерево вы видели? Не березу, не клен, а просто дерево? Как же это просто дерево выглядит? Умные говорят, что на самом деле они даже березы-то не видели, т.к. реально существует не береза, а ЭТО. Я рад, что вы понимаете. Начиная с этого пункта мы переходим к сущностям, существование которых находится под вопросом. Тем не менее, наша культура устроена так, что мы считаем, что этот кусок мела существует и мел вообще существует. Есть такой интересный американский проект — «Философия для детей». Американцы пытаются преподавать философию с первого класса школы. На каждый год обучения есть определенный набор адаптированных текстов. Дети осваивают философию тема за темой. В тех школах, где этот проект реализуется общая успеваемость детей повышается, поскольку философия учит думать. Приведу один пример из этого проекта. Перед учениками 5-го класса поставили задачу: мы пойдём в зоопарк, вы должны выбрать себе по животному и потом написать о нем сочинение. Одна девочка решила написать хорошее сочинение. Перед походом в зоопарк, она посоветовалась с родителями, которые посоветовали написать о млекопитающем. Девочка прочитала в энциклопедии о млекопитающих — животных, которые кормят своих детей молоком. Наконец, школьники пошли в зоопарк. Каждый ученик выбрал себе клетку, а девочка стала искать

млекопитающих. Искала, искала и не нашла. Потом она подошла к учительнице и спросила, где здесь млекопитающие? Учитель показывает на клетку с гориллой. Девочка говорит, это разве млекопитающее? Млекопитающее — это доброе, хорошее. Эта проблема называется **проблемой универсалий**. Суть этой проблемы состоит в существовании универсалий. Существуют ли универсалии и в каком смысле они существуют? Впервые эту проблему поставил Порфирий (232–304), после ее повторил Боэций (480–524): существуют ли вторые сущности (рода и виды) и как они существуют? Существует ли млекопитающее — можно ли на него посмотреть? Можно ли увидеть дерево вообще? Мы-то с вами люди умные, поэтому мы дальше пойдем.

Если мы несколько этапов пропустим, то где-то на шкале окажется следующее категориальное обобщение: мы бы сказали, то, что находится в моих руках является вещью. Каким образом мы строим эту шкалу? Если у вас есть этот кусок мела, то есть и другой кусок мела, поэтому мы можем обобщить это в понятие мела вообще. Мел является одной из вещей, поэтому мы все многообразие мелков, столов и проч. тоже обобщаем и говорим, что это вещи. Интересно, что делается дальше на этой шкале. Тезис заключается в том, что парменидовское Бытие выступает предельным случаем этой шкалы категориального обобщения. Что является более общим, чем вещь? Можем мы обобщить вещи одним более точным словом и сказать, что же существует? Представители милетской школы говорили, что на самом деле существует некоторая первоматерия: вещи состоят из воды или апейрона. Это является более правой точкой на шкале. Хорошо, допустим, что мы дошли до категории материи. Почему категория материи является более общей, чем категория вещи? Можно привлечь материал современной физики: помимо вещей, например, еще материальным является энергия. Поэтому материя более общее понятие, чем вещь. Парменид делает следующий шаг. Он говорит, что предельным случаем является Бытие. Попробуем подумать, что мы еще забыли включить? Возможно, нам следует остановиться на категории первоматерии и сказать, что все остальное от лукавого? Сам Парменид говорит о том, что предельная точка Бытия есть, а дальнейшее движение по шкале не требуется. Вопрос в том, где нам поставить предел? Почему Парменид не удовлетворяется решением милетской школы? Что еще мы забыли категориально обобщить? Какой тип реальности у нас оказался еще не включенным? Или все материально? Мы еще не включили мысль! У нас есть еще одна реальность, причем эта реальность нам ближе всего — это наша субъективная мыслительная реальность, наши мысли. Мы строили онтологический или «вещный» ряд. Мы сказали, что предельным случаем «вещного» ряда является категория материи, но мы-то хотели бы продолжить и объединить все виды сущего, все существующее. Поэтому мы должны включить реальность, связанную с нашими мыслями. Доброхотов по этому поводу пишет следующее: «одной из задач, которая стояла перед древними мыслителями состояла в том, что у нас есть две линии — линия предметов (вещей) и линия мыслей. В общем случае, эти две линии или два онтологических ряда не совпадают и не отождествляются. Задача мышления состоит в том, чтобы попытаться найти точку пересечения этих двух разных онтологических линий». Пифагорейцы сказали, что предметы и мысли пересекаются, например, в понятии числа. Они нашли соответствие мысленному понятию числа в реальном мире — числовые структуры. Парменид помыслил Бытие в своей точности, в сво-

ей чистоте. Бытие, как предельный случай существующего, должно быть таковым, чтобы включать и предметный ряд и мысленный ряд. Понятно, что в этой точке Бытие будет совпадать с мышлением. Мы все, что можно было объединили и обобщили в категорию Бытия. Это скорее формальная конструкция, призванная показать онтологическую состоятельность тезиса Парменида.

Какова содержательная интерпретация тезиса Парменида о совпадении Бытия и мышления? Для этого я воспользуюсь аппаратом современной философии, в частности мне потребуется понятие **интенциональность**. Есть небольшая статья Жан-Поля Сартра (1905–1980) «Интенциональность — основное понятие феноменологии». О феноменологии мы кое-что говорили. Одним из важных концептов феноменологии является интенциональность. Интенциональность трактуется как сущностная характеристика нашего сознания (или мышления). Утверждается, что наше сознание интенционально. После того как феноменологи об этом сказали, с ними нельзя не согласиться. Наше сознание всегда является сознанием о чем-то — это и есть проявление интенциональности. Интенциональность сознания означает несамодостаточность. У любого сознательного акта есть некоторый предмет, на который этот сознательный акт направлен. Интенциональность это направленность. Я вам читаю лекцию о чем-то. Может быть лекция ни о чем? Понятно, что не может такого быть. Потому что ни о чем — Парменид сказал, что нет никакого Небытия! Если что-то говорится, то говорится о чем-то (о Бытии), т.е. в силу интенциональности сознания у сознания должен быть некоторый предмет. Предметом чистого мышления является Бытие. Конечно, в обычном модусе мышления мы можем рассуждать, например, об этом куске мела или о дереве, или о вещах вообще. Давайте попробуем пойти до границ нашего мышления, до пределов. Таким предельным случаем не только онтологии, но и мыслительного ряда будет Бытие, потому что наша мысль должна быть о чем-то. Бытие является таким предельным предметом мышления. В этой точке предмет мышления и само мышление совпадают. Какими свойствами должно обладать Бытие, как предельный предмет мышления? Вот мы начинаем мыслить о предмете — о Бытии. Мы же должны о чем-то мыслить! Правильный ответ — никакими свойствами, кроме свойства быть Бытием. Это чистое Бытие, больше ничего нет. Любое другое мышление было бы более конкретное, оно бы находилось левее. Бытие это то, что может мыслиться и все! Существовать или быть — значит представить что-то в мышлении. Чтобы мы могли о чем-то рассуждать, мы должны постулировать бытийственность этого предмета. Бытие и означает представимость этого предмета в мышлении. Если мы не могли бы его схватить мыслью, то, по Пармениду, он бы и не существовал. Конечно, когда мы сталкиваемся с предметами вокруг нас, здесь помимо мысли есть еще и то, что нам дается чувствами. В случае Бытия от чувств ничего не остается, это чистый предмет мышления или чистый предмет мысли. Можете ли вы подумать ни о чем? Я бы вам не рекомендовал такого рода эксперименты проводить. С большой вероятностью, как завещал Парменид, вы рискуете превратиться в двухголовых существ. Если мы думаем ни о чем, то у этого мышления должен быть предмет, этот предмет — Небытие. Человеку в нормальном состоянии подумать об этом нельзя, можно лишь думать о чем-то!

Чтобы стало понятным, почему Небытия не существует. Этот ход был предложен Готлобом Фреге (1848–1925). Он приводил такое неправильное рассуждение: из того что на орбите Земли нет ничего кроме Луны (нет других спутников). Переход, что на орбите Земли есть Луна и ничего — является неоправданным. Мы не должны после утверждения «нет ничего кроме Луны» говорить, что есть ничего само по себе. Есть только лишь Луна, это мы можем увидеть. Существует то, что воспринимаемо. Особенность парменидовского Бытия состоит в том, что это восприятие происходит не с помощью наших чувств, а с помощью мысли. Парменид говорит о том, что предметы могли бы находиться в двух модусах. Первый — модус существования. Что означает, что предметы существуют? Это означает, что эти предметы каким-то образом нам открыты, нам открываются. Второй — модус невосприимчивости предметов или закрытости. Такого рода предметы, по Пармениду, не существуют. Главный аргумент — мы же не знаем ничего о них! Раз мы ничего не знаем, значит, их не существует. В качестве физической аналогии, Парменид вводит категорию Бытия как то, что позволяет предметам нам открываться. Предметы сами говорят о себе. Если предположить, что предметы находятся в закрытом модусе, то мы бы ничего о них и сказать не могли. Постулировать существование мы можем тогда, когда эти предметы как-то о себе нам возвещают. То, что я существую вы не сомневаетесь, а то, что вы существуете я смогу убедиться после контрольной работы.

Перейдем к написанию контрольной работы. опровержение элейского тезиса можно найти в диалоге Платона «Парменид». К следующему разу нужно прочитать первую часть диалога «Парменид» — там будет излагаться основной элейский тезис и попытка его решения Платоном. Эта первая часть получила название «Взаимодействие мира вещей и мира идей». Мы на следующей неделе проведем итоговую контрольную работу. Платон впервые вводит различение все-целое-единое, потом это различение присутствует в культуре. Платон в своем диалоге пытается оправдать существование мира многого. Платон говорит, что этот тезис нужно трактовать с разных сторон: в одном отношении они подобны, в другом неподобны. Если отношения рассматривать на разных уровнях, то этот тезис не приводит к противоречию. В диалоге «Парменид» Платон приводит не опровержение, а уточнение тезиса. Многое имеет части, единое — это то, что нельзя разделить, т.е. не имеет частей. Целое тоже имеет части, но это нечто среднее между всем и единым. Все — это совсем никак не связанное множество. Целое это единство, но единство многого.

Лекция 9 (30.10.2007)

Давайте я скажу пару слов о ваших работах. Я очень рад, что многие сумели разобраться с различием единое–целое–все. Во многом расшифровка этого различия принадлежит А.Ф. Лосеву (1983–1988). Все — это некоторая механическая сумма, а Целое — это некоторая органическая сумма. Очень важное различие — различие между организмом и механизмом. Что такое организм? Возьмите себя в качестве примера. Понятно, что в нашем случае, в случае организма, например, какая-то из наших частей — рука или нога, они же не являются абсолютно обособленными частями. В организме единое пронизывает собой все части. В каждой из частей присутствует единство, поэтому организм является единством. Для механизма, например, часов, такой цельности не наблюдается. Часы мы можем разобрать на составные части и потом их снова собрать. Организм таким образом разобрать нельзя. В античности базовой является интуиция организма. Эта интуиция принадлежит Платону, т.е. Платон отстаивает это целое. Космос трактуется как организм. Обратимся к нашему организму. Что связывает части организма? Какая инстанция ответственна за пронизывание частей? Конечно же это то, что в античности называли душой. Поэтому в платоновской картине мира присутствует еще и мировая душа. Мировая душа пронизывает весь Космос. В Новое время (время, когда появляется наука, 17 век) интуиция античности теряется. Для людей в Новое время Космос — механизм. Даже к живым существам пытаются применить механический подход.

Одним из важнейших понятий современной математики является понятие множества. Вы знаете, что автором этого понятия выступает Георг Кантор (1845–1918). У него трагичная судьба, когда он предлагал свой теоретико-множественный подход, большинство ведущих математиков того времени его подход не принимали. Например, Крбнекер говорил, что Бог создал целые числа, а все остальное от лукавого; все, что делает Кантор — к математике не имеет отношения. Кантора отлучали от математики всеми возможными способами, ему даже пришлось читать курс философии. Кантор является платоником. Какое определение множества дает Кантор? Множество — это многое, мыслимое как целое. Мы рассматриваем элементы множества как нечто целое.

У Платона (428–348 до н.э.) есть понятия эйдетических и арифметических (обычных) чисел. Чем они отличаются? В тексте Платона «Федон» дается ответ на этот вопрос. Диалог Платона «Федон» содержит в скрытом виде учение об эйдетических числах. Например, мы говорим, что у нас есть двойка. Мы работаем с двойкой, как с каким-то цельным объектом. Например, мы говорим, что двойка является четным числом. При таком рассуждении двойка выступает как целое, т.е. она выступает как некоторое эйдетическое число. Математическая двойка причастна к эйдосу двоичности. В силу причастности к этому эйдосу, у двойки есть определенные свойства, например, свойства четности. Можно же, конечно, говорить, что двойка представляет собой сумму двух единиц (тройка — трех и т.д.). В этом случае это будет трактовка чисел, как арифметических. Эта платоновская интуиция была востребована Кантором, но в современной математике стал господствующим подход к множеству не самого Кантора, а подход Бертрана Рассела (1872–1970): множество — многое the-объектов. При такой трактовке Рассел рассматривал множество как некоторую механическую

сумму. При таком подходе возможно было сформулировать парадокс Рассела и прочие парадоксы. Если бы мы развивали канторовскую интуицию, то, вообще говоря, многие из теоретико-множественных парадоксов нельзя было бы сформулировать.

Второй вопрос на контрольной: существует ли мир многого? Платон пытается реабилитировать мир многого. Есть первая реабилитация, связанная с диалогом «Софист». Платон замечает, что есть два термина — Единое и Бытие. Единое не совпадает с Бытием, а мы хотели бы говорить о существующем Едином. Если есть несовпадение Единого и Бытия, значит, Единое и Бытие представляют собой систему многого. Платон показывает, что Парменид говорил не о самом по себе Едином, а о некоторой разновидности многого. Это тонкое рассуждение и я не предполагал его встретить в ваших работах. Я предполагал услышать от вас рассуждение, которое Платон использует в диалоге «Парменид». В этом диалоге Платон приводит основной элейский тезис и далее по тексту его опровергает. Опровержение этому тезису в диалоге дает Сократ. Он говорит, что на самом деле нужно рассуждать так: с одной стороны и с другой стороны, т.е. с одной стороны вещи подобны, а с другой стороны неподобны. Логического противоречия не возникает, поскольку это противоречие мы разносим по разным уровням (разным аспектам рассмотрения). Я могу варьировать это изобретение Платона: с одной стороны подобны, с другой неподобны, или в одном отношении подобны, в другом неподобны, в одном аспекте подобны, в другом — нет. Такого рода опровержения является следствием того, что в философии получило название **диалектика**. Платон изобретает грамматическую конструкцию (с одной стороны, с другой стороны), которая лежит в основе любой диалектики. Суть диалектики заключается в том, что мы должны рассматривать вещи с разных сторон. Понятно, что возможно рассмотрение еще и с третьей стороны (или четвертой). Главное сказать, что есть одна и есть другая сторона. Ответы которые вы давали, например, по материи вещи подобны, а по форме — неподобны, укладываются в эту платоновскую формулу. Я бы хотел обратить внимание на общий платоновский подход, на то, что Платон дает общую схему решения такого рода противоречий. Например, Боэций в своих теологических трактатах приводит другой вариант элейского противоречия. Он замечает парадоксальную логическую конструкцию: например, мы говорим, что данный мел есть белый, мы также говорим, что мел есть твердый. Если мы будем трактовать связку «есть» как равенство (или тождество), т.е. мел = белому, мел = твердому, то мы можем сделать вывод по транзитивности: белый = твердому. Это же не так! Получили противоречие. Оно не такое фатальное, как в парменидовском варианте, но оно ставит проблему — как быть, как мыслить мел (и любую другую вещь) если мы будем трактовать «есть» как равенство? Проблема решается следующим образом: «есть» нужно трактовать не как тождественность, а в более слабом смысле. Я вернусь к этой теме чуть позже, когда мы будем говорить о Платоне.

На чем основан в общем случае платоновский подход? Я говорил об интуиции Демокрита и Анаксагора, которые впервые стали обсуждать проблему сложности вещей. Вещи сложные потому что они состоят из отдельных частей. Если вещи сложные, то мы должны были бы ответить на вопрос, из каких частей они состоят, например, Демокрит говорит, что все состоит из атомов. В этом состоит величие Демокрита. Для нас этот во-

прос является настолько обыденным, что мы даже не задумываемся о том, правомерно ли его задавать в каждом случае. Мы его задаем везде и всюду. Все, что мы видим, все сложное, поэтому все может быть помыслено как сумма частей. До Демокрита (и Анаксагора) этот вопрос в голову не приходил. Фалес говорил, что все состоит из воды и бессмысленно ставить вопрос, из чего состоит вода. Чтобы понять отличие милетской мысли нужно принять во внимание то, что они Мир описывали не в терминах твердых дискретных тел, а скорее описывали Мир в континуальной среде, для них Мир был как резервуар жидкости. Понятно, что такая континуальная (жидкостная) среда не так четко делится. Платон продолжает эту линию сложного, но говорит о том, что вещь является сложной в другом смысле. Вещь является сложной, поскольку каждая вещь представляет собой набор или сумму каких-то свойств. Это одно из главных достижений Платона. Для нас это кажется само собой разумеющимся, для античности это была серьезная новация. Нужно было во-первых сказать, что у вещи есть свойства. Вообще, а от куда мы знаем, что у вещей есть свойства? Если задать этот вопрос физики, то сможем ли мы проверить этот факт? Можем ли мы придумать какой-то эксперимент, который либо подтвердит это утверждение, либо опровергнет? Нужно понимать, что любой эксперимент в физике фиксирует свойства, он уже основан на этой платоновской мысли, что у вещей есть свойства. Помните с чего мы начинали курс, философия пытается пойти до первооснов и на этом глубинном уровне она постулирует общие положения, которые любая другая познавательная деятельность принимает. Вся наука основана на таком платонизме. Я сейчас немного отхожу от основной линии. Если у вещей есть свойства, но вещь не сводится только к свойствам. Что еще должно быть у вещей? Есть еще что-то у вещей, кроме свойств? Сам Платон на этот вопрос отвечал либо очень аккуратно, либо отвечал отрицательно. Почему? Можно привести в качестве варианта ответа Платона его диалог «Тимей». Мы этот диалог не будем изучать, на в нем Платон описывает свою физику. У него очень интересный вариант физики. В основании всего существующего лежат некоторые треугольники, т.е. все вещи состоят не из атомов, а из треугольников разных типов. Если мы сделаем скидку на недостатки (или бедность) греческого языка, то Платон говорит о том, что в основании всего существующего лежат математические конструкции. В основании физики не на уровне элементарных частиц, а на еще более глубинном уровне лежат абстрактно-математические объекты, которые характеризуются числовыми характеристиками, а не физическими реалиями. Это находит отражение в современных физических концепциях. В «Тимее» Платон говорит, что должна быть некоторая материя, которая эти свойства принимает. Платоновская материя — очень странное образование. По сути, Платон склоняется к тому, что материя это какое-то нечто, это не является чем-то положительным. Нужно постулировать, чтобы эти свойства были объединены, должна быть, как говорит Платон, восприимчивость этих свойств, но никакого позитивного смысла материя не несет. Аристотель трактует платоновскую материю, как лишенность — это чисто умозрительное понятие.

Аристотелевский подход: помимо свойств, у вещей должна быть сущность или субстанция. Сущность для Аристотеля — это некоторая подпорка (подставка) под эти свойства, это то, что содержит эти свойства. Вещь нам дана через свои свойства, но мы говорим, для того чтобы было возмож-

но понимание вещи как набора свойств должна быть некоторая сущность. Сущность можно увидеть? Однокоренное слово — существо. Кто-нибудь видел существо? Мы с вами являемся существами? Вы скажите, что конечно видели! Подумайте над этим. Например, видите ли вы мою сущность? То, что вы меня слышите — это некоторый феноменальный факт, это свойство того, что существующее издает какие-то звуки. Вы что-то видите глазами — это тоже какие-то свойства, а видели ли вы саму по себе сущность? Это один из вопросов, на который вам нужно будет ответить: существует ли сущность? Какие у нас есть аргументы в пользу того, что она существует?

Бертран Рассел (возможно, с точки зрения математики — значительная величина, но с точки зрения философии — некоторые вещи путал) написал большой учебник по истории философии и в некоторых университетах по нему преподают философию. У Рассела есть интересное рассуждение. Рассел предлагает представить эксперимент: если от субстанции отделить все ее свойства, то от субстанции ничего не останется. Поэтому, говорит Рассел, понятие субстанции является избыточным, на оно не нужно! Я считаю, что это рассуждение не корректное, в нем происходит путаница. Для Рассела, субстанция это некоторый крюк, на который мы подвешиваем все свойства. Возможно, аристотелевское понятие субстанции не нужно, потому что оно никакой познавательной функции не несет. Для нас важно чтобы были свойства, мы вещи воспроизводим через свойства.

Возвращаемся к Платону. Величие Платона состоит в том, что он впервые понял простую мысль: вещи являются сложными не просто в механическом (пространственном) смысле, но вещи являются сложными и в другом отношении — они представляют собой сложный набор свойств. Если вещи представляют собой сложный набор свойств, то тогда справедлива платоновская диалектика. У вещей есть одна сторона — одно свойство и есть другое свойство. Ничего страшного в том что мы в одной вещи совместили разные свойства нет, поскольку вещь представляет собой сложную систему. Сказав это, Платон решил проблему поставленную Парменидом: мир много существует. За это решение приходится расплачиваться. Если вещь сложная, состоит из свойств, то нужно помыслить причину (основание). Что является причиной для свойств вещей? Платоновские идеи. Для того чтобы решить проблему существования мира многого Платону приходится вводить мир идей. Почему у вещей есть свойства? Почему это мел белый? Потому что есть идея белого. Почему мел твердый? Потому что есть идея твердого. Возможна ситуация, когда мел причастен и к идее белого и к идее твердого. Мы решаем проблему сложности или проблему несовпадения свойств, но у нас возникает новая проблема: помимо свойств, есть мир идей, значит, Платону нужно ответить на вопрос как соотносится мир идей и мир вещей. Возникает две проблемы. Первая — нам нужно помыслить непротиворечивым образом сам мир идей, попробовать его описать. Какая трудность возникает у Платона? Представьте себе не нас с вами, а наивных греков. Какая базовая интуиция сразу же возникает? Мы все будем трактовать наподобие вещей, т.е. интуиция пространственности. Идеи мы могли трактовать как что-то пространственное, как какие-то тела. Платон в «Пармениде» эту проблему решает. Как только мы приписываем идеям статус пространственных образований, то возникает проблема делимости идей (понятно, что любой пространственное образование можно поделить пополам). Когда мы поделили идею, то в каждой части будет идея цели-

ком или часть этой идеи? Возникает масса проблем. Нужно попробовать точнее определить онтологический статус мира идей. Возможной ошибкой является то, что мы будем мыслить мир идей по аналогии с миром вещей. Как только мы приняли эту неправильную аналогию, у нас возникает ряд трудностей. Вторая проблема, которая здесь возникает. Допустим, что мы помыслили мир идей — Платону это удалось сделать. Теперь нужно объяснить, как мир идей взаимодействует с миром вещей. Для чего мы вводили мир идей? Для того чтобы объяснить наличие у вещей свойств. Это такое метафизическое (философское) основание (причина) наличия свойств. Есть свойства, значит есть и прообразы этих свойств — идеи сами по себе. Если бы мир идей был оторван от мира вещей, то его и вводить не нужно было бы. Мы должны помыслить, как быть чтобы эти идеи из мира идей каким-то образом присутствуют в вещах, что вещи каким-то образом причастны к этим идеям. Первая часть диалога «Парменид» состоит в том чтобы попробовать решить эти две проблемы.

По поводу решения первой проблемы Платон говорит, чтобы понять идею мы можем лишь в сопоставлении с другой идеей. По сути, мир идей не является миром обособленных идей, а это некоторый связанный мир — все идеи находятся в отношении одна к другой, и мы можем понять одну идею только лишь поняв всю цепочку мира. Если мы вспомним Делезовский подход, то мы можем понять одну идею, задав какой-то план. Любая идея существует в некотором плане. Например, чтобы понять идею господина, нам нужна идея раба, говорит Платон. Идея господина без идеи раба не понятна. Второе интересное замечание, которое мы можем найти в диалоге «Парменид». Одно из возражений, которое Парменид, как более опытный мыслитель, адресует молодому Сократу. Сократ в данном случае выражает мысли Платона. Сократ опровергает основной элейский тезис и говорит, что ничего страшного нет, если мы примем положение, что существуют идеи и вещи причастны к идеям. Ничего странного нет в том, что вещи причастны к нескольким идеям. Если вы хотите показать противоречие, говорит Сократ, вы должны показать, что сама идея подобия и идея неподобия вступают в противоречие. Это совсем разные идеи, поэтому никакого противоречия здесь нет. Парменид ему возражает, признаешь ли ты, что у таких ничтожных вещей, например, сор, грязь, существуют идеи? (В диалоге «Федон» первоначально вводится понятие идеи, как нечто идеальное, возвышенное, хорошее — идея Блага, идея красоты. Как же быть с сором и грязью?) Парменид оставляет эту тему не развитой и говорит, что если ты уж взялся за обсуждение мира идей, то уж будь добр предложить его для всего. В «Пармениде» говорится о том, что мир идей должен иметь универсальный характер для всех вещей. Нельзя ограничиться только этическими категориями.

Я сделал такое большое отступление не переходя даже к основной теме сегодняшней лекции. Давайте попробуем зафиксировать платоновское допущение связанное с тем, что он открывает новый тип сложности вещей — качественная сложность. В самом начале диалога «Тимей» Платон задает следующую схематическую конструкцию. Платон решает проблему существования мира многого. Каждая вещь состоит из «такости» (какова вещь? Вещь является таковой. Платон под «такостью» понимает взгляды милетской школы, например, вещь состоит из воды, она мокрая, но не успели мы и глазом моргнуть, как влажная вещь переходит в какую-то сухую, твер-

дое переходит в мягкое, т.е. по Платону это есть какая-то структура вещи), но милетский подход не улавливает главного — у каждой вещи есть еще и некоторая «чтойность» (отвечает на вопрос: что это?). Платон говорит, что все, что было сделано до него, например, в милетской школе, это ответ не на основной вопрос, это ответ на вопрос какова эта вещь. Вещи существуют в том или ином модусе, в каких-то своих модификациях, но более важным является вопрос — что это такое? Вы правильно заметили, что платоновская «чтойность» является прообразом аристотелевской сущности, но это отнюдь не материя это другая концептуальная (категориальная) сетка — есть «такость» и «чтойность». Что это такое? Вы же не скажите, что это белое. Мы скажем, что это мел, а мел уже является белым, твердим и т.д. Платон подчеркивает, что момент «такости» — это момент постоянной изменчивости — влажное становится сухим. Не факт, что это одно и то же. Если вы вспомните диалог «Федон» первый аргумент — момент «такости» — это взаимный переход противоположностей. Когда противоположность переходит, прежней (первой) противоположности не остается. Все переходит одно в другое и ничего не остается. когда мы говорим, что есть вещь мы предполагаем, что есть какое-то устойчивое основание. Это устойчивое основание мы и будем соотносить со структурой «чтойности». «Чтойность» это то, что остается неизменным в любых ситуациях.

Платон организовал свою школу — Академию. Эта школа просуществовала около 1000 лет. 1000 лет были только диалоги Платона и их нужно было излагать новым поколениям. Его диалоги получили многочисленные тонкие интерпретации и проработки, поэтому предложит что-либо другое очень тяжело. Я вам излагаю результат этой школьной проработки Платона. Никакой другой школы в античной мысли не существовало. С Аристотелем получилось все очень печально. Сам Аристотель основал школу, у него были ученики, хороший покровитель — Александр Македонский, но как только не стало Македонского школа развалилась. Более того, тексты Аристотеля были утеряны. Они были как-то разделены. Потом после 2–3 веков Андроник Радосский все собрал и издал его тексты. Потом произошла вторая трагедия. Изданные тексты тоже не фигурировали в европейской культуре почти 10 столетий. Эти тексты ушли на арабский Восток, а в Европе к аристотелевским текстам обращаются где-то в 11 веке. Они прошли через Арабов, через Испанию. Правда, потом эти тексты послужили основой для всей средневековой мысли. Тут мы наблюдаем культурный разрыв. Платоновскую же школу закрыли в 525 году по приказу императора Юстиниана под предлогом того, что это языческая школа. Недавно вышло издание «Комментарии Прокла к диалогу Платона «Парменид» — это один из комментариев.

Важно различение того, что это мел, а вопрос о «такости» — это какой он: белый, твердый. Например, чем изюм от винограда отличается? «Такостью» — свойствами. Один влажный, а другой засушенный, а по своей «чтойности» это тот же самый виноград. Платон в диалоге «Тимей» приводит еще один пример. У вас есть золото, вы его бросаете в плавку и выплавляете разные вещи. «Чтойностью» является основание — золото, а мы наблюдаем уже выплавленные из золота вещи, поэтому нам бросаются в глаза «такостные» моменты, но мы должны знать, что за всем этим есть глубинная «чтойность».

Вопрос: Но ведь вещь может сильно измениться!

Ответ: Одним из законов современной физики является закон о сохранении материи или энергии. Этот закон говорит о том, чтобы с вещью не делали что-то, например, энергия или материя остается и никуда не исчезает. То, что остается при всех возможных модификациях и трансформациях и есть «чтойность».

Если мы принимаем более развитую и более точную в концептуальном смысле этого слова схему «вещь состоит из материи и формы», то античное решение проблемы индивидуальности оно общее и для Платона и для Аристотеля. Форма (или идея) — это что-то общее. Белое распределяется по всем белым вещам. Как же быть с неповторимостью каждой вещи? Неповторимость связана с материей, она выступает источником индивидуальности вещи. Это решение античности. Что замечает Дунс Скотт? Дунс Скотт получил прозвище тонкий доктор, он обращал внимание на некоторые тонкости. Он задал простой вопрос, ведь материя это тоже нечто общее для всех вещей, значит, приписывать индивидуальность материи тоже нельзя. Если нельзя приписать индивидуальность форме и нельзя приписать индивидуальность материи, а вещи индивидуальны, значит, должна быть причина этой индивидуальности. Поэтому необходимо ввести «этость». Приведу еще одно решение индивидуальности средневекового мыслителя Фомы Аквинского. Индивидуальность вещи образуется в момент ее сотворения. Бог берет общую материю, общие формы, они общие и не могут являться источником индивидуальности, но он уникальным и неповторимым образом соединяет. В момент сотворения вещи образуется индивидуальность.

По поводу позиции Рассела. Помните, я рисовал онтологическую шкалу и сказал, что Парменид обнаружил правый предел шкалы — что она заканчивается парменидовским Бытием или Сущим. Я сказал о том, что аристотелевский подход заключается в том, что мы начинаем наше рассуждение, например, с этого куска мела. Это есть первая аристотелевская сущность. Я говорил, что, вообще говоря, еще не факт, что эти первые аристотелевские сущности являются крайней левой точкой этой шкалы. Оставляя этот кусочек слева я имел в виду позицию Рассела, который отрицал аристотелевские сущности. Что же есть это самое конкретное? Что более конкретное чем этот мел, поскольку, по Расселу, мела как какой-то сущности нет — это скорее выдумка? Расселовская позиция заключается в том, что есть ЭТО₁, есть ЭТО₂ и т.д. — они связаны с нашими указательными жестами. Мы можем, например, зафиксировать различие между ЭТО₁ и ЭТО₂, как говорит Рассел, четверками чисел x_1, x_2, x_3, y , т.е. пространственно-временными координатами, т.е. это такие пространственно-временные области без всякой сущности. Современная расселовская онтология получила название **анти-субстанциональная онтология** или **крайний номинализм**. Утверждается, что все наши общие понятия являются лишь именами (номинами), а те, кто признает за общими понятиями хоть какой-то реальный смысл нужно назвать эти позиции реалистическими. Есть такая средневековая проблема (чуть позже мы к ней вернемся) — **проблема номинализма и реализма** или **проблема универсалий**. Один из вариантов решения проблемы универсалий мы найдем у Платона. Идеи как-то существуют, но как они существуют? нам нужно определить статус существования этих идей: как существуют универсалии?

Давайте закончим обсуждение Парменида. Что такое парменидовское Бытие или Единое? Я ограничусь одним образом, который принадлежит

Мишелю Фуко. Фуко подчеркивает различие между Бытием и Сущим, хотя как вы помните, я говорил о том, что Парменид эти два термина не различает, но для того чтобы зафиксировать что же такое Бытие в отличие от Сущего Фуко предлагает следующее. Представьте себе, что у нас есть картина, на ней что-то изображено, например, сцена охоты. То, что изображено на картине будет относиться к Сущему — это то, что существует. Мы же должны задаться вопросом, что необходимо чтобы это сущее существовало? Что необходимо чтобы эта картина могла быть? Мы должны прийти до какого-то основания. Например, мы начнем стирать краски. Должен быть холст. Этот холст, на который нанесены краски — это связано с категорией материи или с категорией милетского фюзиса, т.е. должно быть материальное основание, основа для изображения сущего. В чем будет состоять парменидовский ход? Этот холст, говорит Фуко, должен быть белым. Если бы мы стали стирать краски и обнаружили, что сам холст черный, то тогда надо было бы сказать, что никакой картины мы бы не увидели. Если бы холст был черный, то никакого сущего мы бы не видели, поскольку на черном фоне нельзя ничего изобразить. Парменидовское Бытие связано с тем, что холст является белым, это что-то такое светлое. Это и есть главный смысл парменидовского Бытия. Бытие это то, что позволяет открываться вещам, условие открытости, освещенности вещей. Важно понимать, что Парменид вводит категорию Бытия уже не как какое-то физическое основание, а впервые вводит категорию Бытия как некоторое метафизическое основание. Бытие выступает условием существования вещей, условием их познаваемости. Второй смысл. В античной мысли, Бытие и Единое часто отождествляются, поскольку они выполняют одинаковую функцию. Что такое Единое? Этот ход можно найти у неоплатоников. Они говорят, что все существующее каким-то образом причастно к Единому. Этот мел причастен к Единому? Конечно. Как мы фиксируем причастность этого мела к Единому? Мы, например, говорим, что этот мел является отдельным. Если бы он не был причастен к единому, то тогда он должен был бы распасться (или распозлзаться). Оказывается, что это Единое пронизывает весь наш Мир, оно все объединяет. Мы об этом специально не говорим, но мы это подразумеваем. Бытие и Единое выступают как такое первооснование, без которого мы не можем помыслить вещи, как нечто неотдельное и непознанное, которое находится в темноте.

Теперь несколько слов о том, что делает Платон с парменидовским Единым. Возьмем диалог «Софист» и категорию Единого Парменида. Сам Парменид приписывает Единому следующие свойства: на уровне познаваемости — это нечто тождественное (самотождественное), на уровне физических свойств — это нечто покоящееся. Платон ставит вопрос, что если мы попробуем приписать парменидовскому Единому (или Бытию) другие свойства? Задача, которая стоит перед Платоном: можем ли мы при этом создать более или менее нормальную непротиворечивую конструкцию? Что будет если это Единое (или Бытие) будет подвержено изменению и на физическом уровне будет находиться в движении? Платон показывает, что при этом никаких противоречий не возникает. Мы можем помыслить парменидовское Единое (или Бытие) как подвижное. Если оно будет двигаться, то оно будет всякий раз изменяться. Платон предлагает другой вариант. Платон показывает, что возможно два типа онтологии: парменидовская трактовка Единого (или Бытия) и гераклитовская. Второй момент. В чем состоит платоновская

трактовка Бытия? Платон замечает, что скорее Парменид трактует Бытие, как субъект предложения. В нашем предложении «Сущее существует» или «Бытие бытийствует» у нас есть не только субъект предложения (подлежащее), но у нас есть еще и предикат (сказуемое). Принципиальное изменение в трактовке Бытия Платона состоит в том, что мы должны соотносить Бытие не с субъектом предложения, а с предикатом. Платон задает предикативную трактовку Бытия. Например, если мы говорим, что «мел есть белый», то, согласно Платону, бытийственность мела будет связана с этим предикативным комплексом «есть белый». По Платону, вещь трактуется как совокупность свойств. Бытийность мела задается его свойствами. Аристотель, соотносит Бытие с комплексом «мел есть». Аристотель принимает платоновскую предикативную трактовку в целом, но по-разному расставляет акценты — для него важно, что мел есть (есть некоторая сущность), а уже во-вторых, эта сущность обладает какими-то свойствами. В этом смысле Платон и Аристотель задают два разных варианта предикативной трактовки Бытия.

Лекция 10 (06.11.2007)

На следующей неделе вам всем предстоит контрольная работа. Контрольная работа будет проводиться на семинарских занятиях. Контрольная работа связана с чтением текста Дунса Скота (1265–1308). Вопросы по этому тексту будут сформулированы на контрольной работе. Для подготовки рекомендуется прочитать текст Боэция «против Евтихия и Нестория». Этот текст входит в число теологических трактатов Боэция, посвящен опровержению христианских ересей в понимании природы Христа. В этом тексте Боэций дает классическое определение личности. Личность, по Боэцию, это субстанция разумной природы. Дунс Скот с этим определением Боэция не соглашается и в своем тексте «О личности» он приводит другой вариант, как можно было бы подойти к проблеме личности.

Очень коротко о той работе, которую вы уже написали. Вопрос 3, связанный с концепцией гомеомерий Анаксагора. Я скажу свой ответ. Мне важно чтобы вы ориентировались в тексте Анаксагора. Мы могли бы взять трех мыслителей Демокрита, Анаксагора и Платона, и посмотреть, какой тип физики (в наших терминах, скорее химии, т.е. скорее учение о строении вещества). Демокрит говорит, что все состоит из атомов. Платон (первый аргумент из диалога «Федон») утверждает, что наш Мир представляет собой взаимопереход противоположностей: теплое переходит в холодное и т.п. Взгляды Платона напоминают взгляды Гераклита и Пифагора, что мир состоит из противоположностей. В этом смысле Анаксагор занимает среднюю позицию. Он хотел бы трактовать мир как набор противоположностей, но и что-то взять у Демокрита. Что такое противоположность у частицы? Противоположности у частицы это и есть то, что предлагает Анаксагор, т.е. это попытка овеществления противоположностей или качеств. Можно было бы помыслить белое как состоящее из множества белых (качественных) частиц? У Анаксагора качества приобретают пространственные очертания. Почему присутствуют противоположности? Мы в физическом мире не встречаем абсолютной белизны. В любом белом есть что-то небелое, есть какие-то примеси. Анаксагор говорит, что в меле преобладает белое, но есть и противоположности другого типа. На мой взгляд, центральным для Анаксагора является понятие противоположности, в отличие от Платона, для которого противоположности не сосуществуют, они переходят. У Анаксагора противоположности сосуществуют и они приобретают статус частиц — гомеомерий.

Проблема универсалий. Мне важно донести до вас следующую мысль: по Платону, мир идей не существует самостоятельно. В большинстве учебников Платону приписывается именно эта нелепость, что у Платона есть мир вещей и мир идей. Эти два мира совершенно разделены. Мир идей нельзя мыслить как нечто автономное и самостоятельное. Второе, идеи нужны для того, чтобы мы могли познавать. Совсем отказаться от идей невозможно. Если мы совсем от них откажемся, то нам некуда будет направить свою мысль (см. диалог «Парменид»). Без признания идей мы не можем. Третье, идея не равна вещи! Мы не должны делать **ошибки натурализации** или **ошибки овеществления** (она делается сплошь и рядом, даже Бертраном Расселом). Она состоит в том, что мы вместо того чтобы работать с самим концептом, как смысловой сущностью, мы пытаемся найти какие-то чувственные аналоги: мыслить идеи как некоторое подобие вещей.

Нельзя приписывать идеям то, что мы приписываем вещам. Мы должны разобраться, что такое идея. Этому посвящена первая часть диалога «Парменид». Например, рассуждение Рассела о субстанции. Если отделить от субстанции все ее атрибуты, то от субстанции ничего не останется. Можно было бы спросить у Рассела, как он понимает термин «отделить»? Если мы будем резать ножом, то мы не получим требуемого отделения — субстанции от ее атрибутов. Рассел предлагает сделать нечто невыполнимое. В принципе отделить субстанцию от атрибутов нельзя. Любой атрибут будет содержать в качестве смыслового момента нечто субстанциональное. Кто-то из вас предложил интересную мысль. У нас есть набор качеств, атрибутов, среди которых можно выделить более основательные (основополагающие). Эти основополагающие качества и будут выполнять роль субстанции. Субстанция и атрибут — это смысловая пара. Субстанция указывает на что-то более устойчивое, к чему привязывается все остальное — менее устойчивое. Это скорее смысловое различие, а не абсолютное. В другом случае мы возможно будем говорить о другой субстанции — о том, что выполняет роль этого основания. Что такое субстанция для атрибута? Например, мы говорим, что этот мел является белым, твердым, горьким. Где здесь субстанция? Субстанцией здесь является то, что мы мыслим все эти атрибуты, как некоторое единство. Субстанция — это Сущее и Единое. Если мы мыслим какую-то вещь, как единство атрибутов, то это и есть субстанция. Субстанция это не что-то находящееся как атрибут (то, что предлагает Рассел). Единство, как сказал Плотин, пронизывает собой все. Есть такое понятие как коллектив, а есть толпа. В них разная степень единения. Все в Мире причастно к единству в той или иной степени. Субстанция это и есть указание на единство. Как это единство можно отделить от атрибута? Это единство пронизывает и само белое, и само твердое, и само горькое. Таким образом, мы не должны совершать такого рода ошибок: объяснять нечто умозрительное используя видимую или вещественную аналогию.

Вопрос о решении апории «Мера», т.е. как объяснить, что этот отрезок имеет длину один метр. У нас есть два мыслителя, которые отвечают на этот вопрос противоположным образом. Демокрит говорит, что отрезок состоит из конечных частиц, каждая из частиц имеет какие-то размеры, при конечной сумме этих маленьких частей у нас получается метр. Платоновское решение — ничего страшного в том, что отрезок состоит из бесконечного числа частиц — нет, потому что это все относится к области правдоподобного мифа. Это математики так рассуждают во сне. Для такого рассуждения нам нужно придумать хороший математический аппарат. Платон говорит, что в этом случае все может быть решено с помощью определенной математической техники — нужно лишь до нее додуматься. Концептуально среднее решение принадлежит Аристотелю. Давайте попробуем подумать, что является срединным концептом между конечным и бесконечным? Что-то полу-конечное, полу-бесконечное. Аристотель такое срединное образование находит. Это образование Аристотель называет как непрерывное или континуальное. Аристотель говорит, что если у нас есть две точки, то мы всегда можем найти третью между ними и т.д. — это есть континуальность. Это получило название интенсивной бесконечности. Вы знаете, что есть экстенсивная бесконечность — бесконечность, которая образуется путем прибавления, а есть интенсивные бесконечности, которые образуются путем деления. Бесконечность не вширь, а вглубь. Непрерывность

(континуальность) потом привело к понятию потенциальной бесконечности. Отрезок потенциально бесконечен. У нас нет предела деления. Аристотель скорее применяет концепцию Анаксагора о том, что все делимо. Что у нас получается? Возьмем первую операцию деления — разделили отрезок пополам. На этом этапе у нас есть две части с определенными размерами. Мы можем продолжить деление, но на каждом этапе деления мы будем работать с конечными величинами. Демокрит сказал, что дальше делить нельзя. Аристотель сказал, что можно, но каждый раз мы имеем дело с чем-то конечным.

Как в этих трех программах решается проблема движения? Как Демокрит решает проблему движения? Что нужно, чтобы тела двигались? В первых, пустота, но это не совсем та пустота, которую Демокрит изначально вводит, это скорее пустота, напоминающая платоновское пространство. Почему тела движутся? Демокрит говорит, что атомы изначально находятся в движении. Для Демокрита стоит другая проблема — как объяснить проблему покоя? Почему стол не движется? Демокрит, что разнонаправленные атомы сцепливаются и их разнонаправленное движение приводит к относительноному покою. Если в эту систему включится третий атом, то новая система будет двигаться, как третий атом. Проблему покоя Демокрит решает. Как решает проблему движения Аристотель? Оригинальное решение. Как пишет Гайдено, для Аристотеля возникает проблема начала и конца движения. Для него все движется непрерывно. Все находится в каком-то движении. Движение не возникает и не исчезает. Для Аристотеля, идеальным движением является движение небесных светил — они движутся постоянно. Они движутся по кругу — там нет ни начала, ни конца.

Давайте сравним две физические системы Анаксагор + Аристотель и Галилей + Ньютон. На каких принципах основана современная физика? Принцип инерции и силы. Если на тело не действуют силы, то оно движется по инерции. Как оно будет двигаться по инерции? Прямолинейно. Чтобы сделать движение неравномерным или искривить движение необходимы силы. Аристотель в каком-то смысле тоже вводит принцип инерции — естественным движением тел является круговое движение небесных тел. Круговое движение мы наблюдаем постоянно, оно не останавливается (восход Солнца), а любое прямолинейное движение останавливается (бросили тело, оно рано или поздно останавливается). Это потому, что силы так действуют! А силы-то существуют в Мире? Откуда вы знаете? О силах сказал Ньютон, а до него жили и не знали ни о каких силах. Сам Ньютон до конца жизни сомневался в существовании сил. Почему? Яблоко падает — это видно, а силу кто-нибудь видел? Вас током било, а ток сам вы видели? Мы видим не сами силы, а проявление. Силы вводятся для объяснения и ни кто не знает, есть они на самом деле или их нет. Ученики Ньютона (Вольтер) проще относились. Они сказали, что не нужно сомневаться — есть силы и все. С легкой руки учеников и мы с вами тоже в это поверили. У Аристотеля вместо сил есть двигатель. Для того чтобы что-то двигалось, должен быть двигатель. Почему мел движется? Есть двигатель в виде моей руки. А почему моя рука движется? Как сказал бы Плотин, моя душа желает, чтобы моя рука двигалась. Для кругового движения никакого двигателя не нужно. Для отказа от кругового движения нужен двигатель. Итак, перед нами две физики. Какая из них лучше? Привычнее для нас — физика Ньютона, но это не означает, что на другой нужно поставить крест.

Как Аристотель решает проблему отрезка? Для Аристотеля отрезок не состоит из точек. Математический подход — отрезок состоит из точек и мы должны определить конечное их число или бесконечное. Аристотелевский отрезок состоит из движущихся точек. Все в движении. Если были бы две точки, то не понятно, как они связаны. Отрезок представлял бы собой бесконечное множество несвязанных точек. Для Аристотеля точек нет, есть подвижная точка. За счет этого получается непрерывность.

Как решает Платон проблему движения? Первое решение — очень простое — все, что относится к миру видимого это иллюзия, на самом-то деле в мире идей никакого движения нет. В диалоге «Парменид» есть интересная концепция движения и она кое-что проясняет. Платон утверждает, что движение случается вдруг. Вдруг означает следующее, что покой переходит в движение вдруг. В мире идей все известно. Если для Аристотеля есть непрерывный процесс последовательных маленьких изменений, то для Платона — все в Мире происходит дискретным (скачкообразным) образом. Вдруг — это нечто вне времени и вне пространства, т.е. мгновенно. В чем этот вдруг состоит? В том, что происходит смена идей: идея покоя меняется на идею движения. Платон объясняет феномен движения на качественном уровне: в Мире случаются такого рода вещи, когда одна противоположность переходит в другую. Платон не занимается объяснением движения аристотелевского типа. Для него это скорее миф, сказка, иллюзия. Платон дает объяснение, но до частных моментов не доходит. Его объяснения носят глобальный, качественный характер.

Я хотел бы вас познакомить с некоторой логикой размышления о Бытии. Все начинается с Парменида, потом продолжается Платоном. Затем, достаточно крупный шаг в понимании Бытия делает Аристотель и еще одна веха в понимании Бытия делается Плотиним (т.е. неоплатоник). Неоплатоники постарались синтезировать Аристотеля и Платона, но есть свои особенности в понимании. Далее Боэций с его различием Бытие и то, что есть, Фома Аквинский, Дунс Скот, Франсиско Суарес, Иммануил Кант. Кант утверждает, что Бытие не является реальным предикатом. После этого мы перейдем к современным трактовкам Бытия. Нас будут интересовать взгляды о Бытии Мартина Хайдеггера, Людвига Витгенштейна, Уиллард Куайна. Еще можно сделать вставку. У нас будет присутствовать Ансельм Кентерберийский — он предложил онтологическое доказательство существования Бога, которое выводит на тему Бытия. Это онтологическое доказательство воспроизводит, модифицируя, Рене Декарт. Во многом тезис Канта связан с онтологическим доказательством существования Бога.

Мы находимся в самом начале, как говорит Платон, тяжбы о Бытии. Первый подход к трактовке Бытия Платон намечает в диалоге «Софист». Он замечает, что когда Парменид утверждает, что Единое существует, то он использует два термина — термин Единого и термин Бытия. Если так, то Парменид постулирует что будет говорить только лишь о Едином, включая в свой анализ и другую терминологию. Единое и Бытие не совпадают. Поэтому только лишь одного парменидовского Единого признать нельзя, говорит Платон. Второй момент — очень важный для всей философии — момент, связанный с языком. В большей степени 20 век, современная философия характеризуется лингвистическим поворотом суть которого в том, что вся философская деятельность напрямую завязана на язык. Более того, один из крупных лингвистов в своей работе говорит о том, что философия

связана с тем, что в языках европейского типа присутствует глагол-связка «есть». Вся проблематика Бытия завязана на такого рода лингвистической особенности. Были бы языки другого типа не было бы философии. **Парменид впервые заметил, что язык и мысль не совпадают.** В своем философствовании мы должны очень аккуратно относиться к языковым конструкциям. С синтаксической точки зрения не возникает ошибок, когда мы говорим, что несущее существует, но с точки зрения семантики это выражение не имеет смысла. Философия находится на пересечении языка и мысли. У нас есть нечто мыслимое, но не выразимое в слове, но это составляет не область философии, а область мистики, религии. Нужно отказаться от языковых конструкций, которые являются языковыми, но которые бессмысленные. Это несовпадение языка и мысли современный мыслитель Гильберт Райл выразил в своем термине «**категориальная ошибка**». Философия, по Райлу или Витгенштейну, должна научить не делать категориальных ошибок.

Давайте я приведу еще пример категориальной ошибки, его придумал Гегель. Приведу интерпретацию современного американского мыслителя Хомского. Он сказал такую фразу: зеленые идеи яростно спят. Можно посчитать сколько категориальных ошибок здесь было сделано. Во-первых, идеи не могут быть зелеными. Философия не работает с метафорами, это попытка строгого мышления. Дунс Скот говорит, что ангел не может быть белым, потому что это понятие не совместимо с природой ангела. Идея не может спать, потому что это само по себе бодрствование, активность, а если даже она и может спать, то не может спать яростно. Еще пример, но не категориальной ошибки — круглый квадрат. Это в принципе возможно! Это не имеет математической или физической интерпретации, но по смыслу это не является категориальной ошибкой.

Мы говорили о том, что Платон впервые начинает применять в области философии грамматический или языковой подход. В «Софисте» он проводит элементарный анализ, любая наша речь (языковая конструкция) имеет сложное строение. У нас есть двоякий род выражения Бытия с помощью голоса. Один называется именем, а другой — глаголом. Наш язык неоднороден. В языке есть имена и есть глаголы. Если мы будем использовать только имена или только глаголы, то у нас не получится связной речи. Пример короткой речи: Сократ сидит. Сократ — имя, сидит — глагол. Платоновские имя и глагол потом будет выражено Аристотелем более точно — в любом предложении есть субъект и предикат. Структура предложения по Аристотелю имеет следующий вид «S есть P». Субъект или подлежащее, а предикат — сказуемое (то, что сказывается о субъекте). Когда мы выражаем свои мысли, мы должны пользоваться не какими-то несвязными словами, а должны пользоваться предложениями. Когда мы говорим: «Единое существует», — мы должны спросить, где парменидовское Единое? Связано с именем (субъектом) или с предикатом. Или сущее существует. Какой смысл вкладывал Парменид в свое сущее? Смысл имени или смысл глагола? Или он не различал эти понятия и смешивал их? Платон это начинает различать. Подход Платона состоит в том, что парменидовская интуиция связана не с Бытием, а с Единым, а Бытие Парменидом не ухватывается. Платон задает предикатную трактовку Бытия, т.е. Бытие выполняет роль предиката (сказуемого), например, Бытие связано с тем, что в нашей речи, в качестве необходимого компонента, присутствует «есть». Чуть более

детально критику парменидовского Единого Платон дает в своем диалоге «Парменид». В этом диалоге (во второй части) исследуется 8 гипотез (эта глава у Гайдено написана очень хорошо). Платон рассматривает две первые гипотезы. Первая гипотеза звучит примерно так: что будет, если Единое имеет абсолютный характер, т.е. оно только лишь может единиться. Второй вариант: что будет, если единое существует. В первом случае не предполагается, что единому мы приписываем какой-то предикат, а во втором случае мы Единому (поскольку оно существует) мы можем приписывать предикаты. Платон показывает, что случай парменидовской трактовки Единого оказывается противоречит его основной интуиции, а именно, о таком Едином мы ничего не можем сказать. сам Парменид думал, что его Единое совпадает с мыслью (Бытие и мысль суть одно). Платон путем точного анализа показывает, что никаких свойств (характеристик) у этого Единого нет. Это Единое даже не может быть тождественным. Для того чтобы быть тождественным мы должны иметь отношение $A = A$, т.е. у нас это Единое должно раздвоиться: быть слева или справа от этого знака равенства, но Единое таково, что оно только лишь Единое. Никакого отношения здесь не подразумевается. Точное продумывание парменидовского Единого приводит к тому, что оно непознаваемо (немыслимо). Это Единое, которое сам Платон отрицает, неоплатоники считали самым первым Единым, которое выше нашего мышления. Первое Единое неоплатоников соответствует первой гипотезе Парменида. Вторая гипотеза — гипотеза существующего Единого, это тоже Единое, можете его назвать «вторым Единым». В этом случае дело с Единым предстает совершенно другим образом и Платон это анализирует. С этой гипотезой связаны концепция вдруг и концепция числа у Платона.

Лекция 11 (13.11.2007)

В тексте Дунса Скота «О личности» обратите внимание на противопоставление (различение) сущности (эссенция) и существования (экзистенция). Определение человека через существование это то, что нам рекомендует Дунс Скот. Если говорить о существовании, то можно было бы рекомендовать работу Мартина Хайдеггера «Бытие и время». Хайдеггер является одним из пионеров такого направления, которое получило название **экзистенциализм**. В самом начале «Бытия и времени» Хайдеггер ставит вопрос: человек чем-то отличается от вещей? Наверное отличается. Хайдеггер говорит о том, что долгое время человек мыслился так же как вещи. Что у нас предназначено для анализа вещей? Например, категории Аристотеля. Хайдеггер предлагает, чтобы хоть как-то говорить о человеке нужны не категории, а экзистенциалы. Хайдеггер приводит интересный пример. Он спрашивает: как Аристотель определяет человеческий ум? Он определяет его, как форму форм. Хайдеггер обращает внимание, если ум является формой форм, то можно ли считать, что у ума есть своя собственная форма? У каждой вещи, по Аристотелю, есть какая-то форма. Если ум является формой форм, т.е. он способен принимать любую форму, то, наверное, он сам по себе является бесформенным. Раз он является бесформенным, то его определить мы уже не сможем, т.е. каждый раз наш ум или мы разные. Когда я смотрю на этот мел, мой ум принимает форму мела. когда я читаю лекцию, мой ум принимает форму лекции. Где же он сам? Его нет нигде — он каждый раз разный. Интуицию того, что человек принципиально отличается от вещей и мы не можем определить человека через его сущность, впервые выражает Дунс Скот в тексте «О личности».

Мы возвращаемся ко второй части диалога Платона «Парменид», в котором сформулировано 8 гипотез, относящихся к проблематике единого-многого. Гайденок пишет следующее, что этот фрагмент Парменида очень важен для всей теоретической науки. Платоном был впервые предложен метод анализа (метод исследования). Теперь он часть применяется, например, в математике. Этот метод получил название **гипотко-дедуктивный метод**. суть этого метода заключается в выдвижении всех возможных гипотез о предмете, включая абсурдные. Далее проверяем каждую из гипотез на ее состоятельность. Этот подход очень интересен и был положен в основу математического текста античности — «Начала Евклида». Там тоже формулируются гипотезы и проверяются какие следствия из этих гипотез делаются. Там доказываются теоремы. методику доказательства теорем предложил Платон. Прежде всего мне бы хотелось обратить на следующие три гипотезы. **Первая гипотеза** — Единое [само по себе]. У меня не хватает слов выразит тонкость этого подхода. Наш язык построен так, что мы хотим сказать о том что будет, если Единое существует. В первой гипотезе существование Единого не предполагается, а рассматривается Единое, которое единится. **Вторая гипотеза** рассматривает Единое, которое существует, т.е. Единое, которое причастно к Бытию. **Третья гипотеза** предлагает рассмотреть Многое (или Иное) в предположении второй гипотезы. **Четвертая гипотеза** предлагает рассмотреть Многое в предположении первой гипотезы. Обращаю внимание на первую гипотезу, на вторую гипотезу и очень интересной представляется пятая гипотеза. У нас будет четыре гипотезы (случая) рассмотрения Единого. **Пятая гипотеза** — рассмотре-

ние Единого, которое не существует. Есть определенная корреляция пятой гипотезы и второй гипотезы. **Шестая гипотеза** — Единое, которое отсутствует в абсолютном смысле, т.е. Единое, которое не единится. Также у нас рассматривается Многое в предположении пятой гипотезы, т.е. **седьмая гипотеза** — Многое в предположении, что единое не существует. **Восьмая гипотеза** рассматривает Многое в предположении шестой гипотезы. Такая структура рассуждения Платона.

Какой общий итог платоновского рассмотрения? В данном случае я вам буду излагать свою интерпретацию этого текста, хотя большая работа была проделана неоплатониками. Основной вывод, который делает Платон: Единое и Бытие, т.е. то, что было сформулировано Парменидом, содержит внутреннее противоречие. А именно, по своему смыслу Единое это то, что стягивает себя вовнутрь, некоторая единящая сила, а Бытие по своему смыслу — это то, что позволяет всему существующему нам открыться. Об этом я уже говорил. Еще раз. Что значит, что мел существует? Это означает, что мел нам каким-то образом дан. Например, мы его видим. Эта данность мела и есть причастность мела Бытию. Вполне возможно, что мог бы быть некоторый мел. Как только я сказал мел, как только я употребил единственное число, то я уже приписал этому мелу причастность к Единому, но этот мел нами никак бы не опознавался, он нам никаким образом не давался. Он бы о своем существовании нам бы не докладывал. Могли бы мы говорить, что такой мел существует? Конечно, нет. Существование предполагает определенную открытость. Тот же Хайдеггер говорит о том, что одна из концепций античной мысли — это **концепция олетейя**. Эта концепция может быть сформулирована следующим образом: истина, как открытость. Для того чтобы мы могли сказать, что что-то является истинным, нам сначала это должно быть дано, открыто. Если бы что-то существовало в закрытом модусе, то мы бы об этом и догадаться не могли. Почему я существую? Вы меня слышите. Почему вы существуете? Вы пишете работы. А если бы вы не написали ни одной работы, то вы бы для меня не существовали бы. Там где вы существуете вы себя как-то проявляете. Существование предполагает открытость, вывернутость наружу. Единое же выступает концептуально, как противоположное начало. Потому что если бы это было чистое Единое, оно было бы настолько единым, настолько замкнутым, что оно не могло бы сообщить о своем существовании. Главная мысль Платона: изначальное заявление Парменида содержит внутреннее противоречие. Мы должны эти два смысла разделить. Либо мы принимаем приоритет Единого, либо мы принимаем приоритет Бытия. Решение Платона заключается в том, что необходимо принять приоритет Бытия. Решение Парменида в том, что он принимает приоритет Единого.

Что будет в случае Единого самого по себе (в случае парменидовского решения)? Платон показывает, что у так понимаемого Единого нет ни одного свойства. Если нет ни одного свойства, то мы об этом Едином ничего не можем сказать. Какое оно? Оно ни какое. Во втором случае, когда Платон принимает свой подход — существует лишь Целое. Вообще-то говоря, мы имеем дело с чем-то Целым, т.е. это целое состоит из частей, но каждая из этих частей причастна к Единому. Все наблюдаемые нами вещи представляют собой такое вот Целое. Продолжая эту линию, можно сказать, что 5, 6, 7, 8 гипотезы являются попыткой разобраться, когда будет так называемое Все (Многое), когда Единого не существует в том или ином виде.

Вторая гипотеза представляет собой изложение платоновской онтологии. На первый взгляд там формулируется очень парадоксальный вывод. Если в первом случае нет ни одного свойства у Единого, то во втором случае у Единого есть все возможные свойства. Казалось бы, что такое существующее Единое выступает как противоречивое Целое. Есть все возможные свойства! Это противоречие мнимое и легко разрешается. Я вам покажу разрешение этого противоречия на одном примере. Например, мы говорим что у нас есть некоторое подмножество столов. Мы спрашиваем, возможно ли столы этого множества характеризовать предикатом красный? Конечно. Но мы можем сказать, что среди этого множества столов есть множество и некрашенных столов. Понятно, что никакого противоречия не возникает, потому что мы понимаем, что какая-то часть столов является красными, а какая-то являются некрашенными. Предикаты красный и некрашенный не относятся к одному и тому же предмету. Примерно об этом говорит Платон. Он говорит, что в Мире, который является Миром вещей должны быть даны все свойства, но эти свойства между конкретными предметами распределены непротиворечивым образом. У нас есть красные и некрашенные столы, деревянные и недеревянные. Чтобы разнообразие нашего мира было возможным, мы должны постулировать наличие всех свойств. Это и есть предикативная трактовка Бытия, о которой я говорил раньше. Наш Мир таков, что у каждого предмета есть предикаты. Бытие выступает как условие предикативности вещей. Когда мы говорим, что мел есть белый. Где здесь присутствует Бытие? Платоновское Бытие присутствует в этом глаголе-связке «есть»! Для этого глагола-связки не так важно является ли мел белый, или небелый. Главное, что мы с помощью Бытия можем приписывать предикаты вещам. Если мы приписываем вещам предикаты, то за счет этого вещи нам и открываются. Нам вещи даны через их свойства, поэтому существование для Платона — это предикативность вещей. Бытие выступает как условие этой предикативности.

Давайте я коротко скажу о пятой и шестой гипотезах. Оказывается, что когда мы приписываем единому предикат отрицательный — не существование, то в каком-то смысле мы об этом Едином говорим, в теологии такого рода дискусс получил название **апофатического**. Например, с помощью апофатического дискусса в христианстве характеризуется Бог. Мы не знаем каков Бог. Знать каков Бог, значит знать его свойства, его характеристики, но мы можем сказать, что Бог не является таким-то. За счет такого рода отрицательного апофатического дискусса мы кое-что о Боге говорим. Хотелось бы позитивного знания о Боге получить. Апофатический дискусс является негативным. Совсем плохой случай, когда Единое не единится. Здесь мы получаем логически противоречивую конструкцию. По главному смыслу Единого оно должно единиться.

Если мы говорим о 1, 2 и 5 гипотезах, то мы в каком-то смысле вводим **три типа Единого**: есть Единое абсолютное, оно совершенно недоступно никакой нашей речи, мы о нем ничего сказать не можем — Единое из первой гипотезы; есть Единое несуществующее, оно присутствует в нашей речи в апофатическом дискуссе — пятая гипотеза; есть Единое существующее. Можно сказать, что эти три вида Единого располагаются совсем в высокой метафизической области и какое из этих Единых принять — вопрос дальнейшего исследования. Сам Платон принимает Единое из второй гипотезы. Решение Парменида не очень понятно, но вполне вероятно, что

Парменид колеблется между принятием Единого из первой гипотезы или Единого не существующего в том же самом смысле, как существуют обычные вещи (пятая гипотеза). Первую гипотезу в точном смысле этого слова реабилитируют неоплатоники. Они говорят, что можно говорить о некотором первоедином, которое выше нашего ума, о котором мы ничего сказать не можем — это единое само по себе, хотя, я еще раз подчеркиваю, что Платон такое решение отрицает.

Вторая гипотеза интересна еще тем, что в рамках этой гипотезы Платон формулирует свою концепцию математики или свою концепцию числа. Эта концепция числа получила название **аритмологическая концепция числа**. Мир второй гипотезы — это мир целых вещей. Что же такое числа? Платон говорит, что у нас во-первых есть единица. Единица, которая соответствует самому Единому. Поскольку мы рассматриваем систему «Единое + Бытие», то эта система представляет собой следующее числовое образование — **двоицу**. Конечно же, это не двойка в арифметическом смысле слова, это двоица, как последующее условие множественности. Единица и двоица выступают как два начала любого числа. В любом числе есть и некоторое единство, есть и некоторая множественность. Понятно, что речь идет о натуральных числах или целых числах. Например, 5 состоит из пяти единиц — это некоторая множественность. Для Платона один и два — это еще не числа, это скорее условия образования любых последующих чисел. Первое арифметическое число начинается с тройки. Каким образом Платон образует тройку как она мыслится? Мы говорим, что у нас появилась двоица, как Единое и Бытие, но мы мыслим это Единое и Бытие в свете существующего Единого, значит, мы это Единое и Бытие рассматриваем как какое-то единство. Единство и является третьим в этой паре. Тройка получается когда мы на эту двоицу посмотрели с точки зрения единства. В этом смысле это тоже еще не число, а остальные числа, говорит Платон, легко уже образуются. Они образуются определенным сочетанием этих первых трех числовых моментов. Мы можем комбинировать один и два. Что означает тройка как некоторая интеллектуальная процедура? Тройка означает некоторый рефлексивный акт (мыслительный акт). В тройке мы переходим на следующий уровень рассмотрения. Первым целым является тройка! Платон постулирует, что при формировании остальных чисел занимают также рода рефлексивными процедурами. Если вы знаете кое-что о парадоксе Рассела, то эта проблематика самоприменимости, саморефлексивности идет от Платона. Платон задает путь построения чисел. При построении чисел мы должны постоянно заниматься такими рефлексивными процедурами. Платону нужно объяснить, откуда взялись числа. Вы можете относиться к Платону с усмешкой, тогда ответьте сами! Откуда взялась единица, двойка и т.д. Платон дает некоторый подход к возникновению числовых структур. Числа возникают благодаря каким-то интеллектуальным процедурам. Первая интеллектуальная процедура — процедура синтеза — мы должны уметь объединять или единить. Вторая интеллектуальная процедура действует в обратном направлении. Если синтез у вас синтезирует, то обратная процедура — это процедура анализа, она разъединяет. Сочетанием синтеза и анализа мы получаем все числовые конструкции.

По сути дела, платоновский Мир является объединение второй и третьей гипотез, т.е. само по себе Единое, по Платону, это Единое существующее, а само по себе Многое — это Многое, рассматриваемое в рамках существую-

щего Единого. По сути дело это то, что мы называем Целым или то, что мы называем организмом, т.е. это такое множественное образование каждую часть которого пронизывает это единство. Наше же представление о Мире (современное представление о Мире) скорее соответствует четвертой платоновской гипотезе. В рамках четвертой гипотезы мы рассматриваем Многое само по себе без его сильной причастности к Единому. Мир представляет собой некоторую сумму вещей. Вообще-то говоря, они как-то между собой связаны, но они имеют самостоятельное, отдельное существование. Типичным примером четвертой гипотезы, который является парадигмальным для Нового времени, является часовой механизм. Мы можем разобрать часы на части и снова собрать. Часы снова будут ходить. Образуется какое-то Целое, но это Целое — механическое!

Достаточно интересными представляются 5, 6, 7 гипотезы. Я о них сейчас много говорить не буду. Я попробую дать вам некоторые ключевые моменты. Первые четыре гипотезы соответствуют такому взгляду на Мир, который является конечным, т.к. в этом Мире так или иначе существует Единое. Если Единое существует или единится, то оно оконечивает, определяет Мир. Что значит определяет? Замыкает в какой-то круг. Если же Единого не существует, то этот круг у нас не замкнут, получается структура, которая соответствует бесконечности. В этом смысле интерес представляет седьмая гипотеза: что такое Многое, которое предполагается в условиях несуществующего Единого. Что будет со Многим, если Единого нет. По сути дела, это будет бесконечность, но хорошая бесконечность, т.е. то, что сейчас в математике называется континуальностью. Поскольку Единого не существует, то процесс деления продолжается бесконечно. Когда мы продолжаем процесс деления бесконечно, мы приходим к математическому понятию континуума. Третья и четвертая гипотеза, условно говоря, соответствуют математическому концепту множества. Возникает вопрос, о каком множестве говорит сам Платон и о каком множестве говорят современные математики? Я вам приводил два варианта. Кантор, как основатель теории множеств, он скорее говорил о множестве в смысле третьей гипотезы. Он давал определение: множество — это многое мыслимое как целое. Многое, которое не мыслится как целое — это расселовская трактовка множества. Нам важен не момент единства этого множества, а нам важно, что это множество состоит из таких-то элементов. Мы работаем с множеством, как с набором элементов.

Седьмая гипотеза, т.е. предположение Многого в отсутствии Единого соответствует апориям Зенона. Зенон предположил, что будет если отрезок или какие-то моменты времени делить бесконечно. Ни к чему хорошему мы не придем. мы придем к каким-то апориям. Как это объясняет Платон? Он говорит, представьте, что вы что-то видите издалека и это кажется вам каким-то единством, но когда вы подходите ближе, то, условно говоря, это единство у вас на глазах распадается на какие-то составные части. Важно здесь понять, что когда мы говорим, что единство распадается на составные части, мы предполагаем, что эти составные части в свою очередь являются единичными. Здесь другая ситуация, поскольку единого не существует, то в следующий момент эти составные части тоже распадутся и происходит постоянный процесс распада. происходит цепная реакция распада, причем эта реакция идет бесконечно, т.е. наш Мир в рамках седьмой гипотезы находится в состоянии распада. но это все-таки в каком-то смысле хорошая

бесконечность, по крайней мере современная математика научилась с этой бесконечностью работать.

Гораздо хуже бесконечность, которая предполагается в отсутствии вообще какого-либо Единого. В истории мысли эта бесконечность получила название дурной бесконечности. О дурной бесконечности я вам ничего не могу сказать кроме того, что эта бесконечность еще хуже, чем континуум. В континууме хоть какая-то видимость единства выполняется — издалека это кажется каким-то единством или квазиединством, а здесь даже такой видимости не возникает. Представить это наверно нельзя. Бытие и мышление суть одно. Здесь мы рассуждаем о чем-то, что мы не можем представить и работаем не с Бытием, а какими-то симуляторами.

Давайте я скажу несколько слов о Плотине или неоплатониках. Они дали интересную интерпретацию платоновского «Парменида». По сути, все неоплатоники напрочь отрицали последние четыре гипотезы в силу их немыслимости. Они рассуждали о первых четырех гипотезах. Единое из первой гипотезы получило у них название первого Единого. Вторая платоновская гипотеза получила название второе Единое или ум. Ум — мыслящее Единое — это двоичная структура. Бытие опять совпадает с мышлением. Когда мы начинаем единое мыслить, у нас есть само по себе Единое и есть то, что мы мыслим. Третья гипотеза может быть трактована как единое-многое. Здесь момент Единого является приоритетным. Единое-многое — это наша душа или космическая душа. Это единое образование в котором есть много идей вещей, но все таки это одна душа, она едина. Момент единства здесь преобладает. Четвертая гипотеза — это случай многого, т.е. многих вещей. Когда у нас Единое настолько ослабло, что у нас вещи если не полностью разбрелись в разные стороны, то по крайней мере уже достаточно отдельно существуют. Сейчас я вас отпускаю на перерыв, и что у нас получится? У нас структура единого-многого (вы сейчас все находитесь в одной аудитории, эта аудитория вас единит) перейдет в структуру многого.

Давайте перейдем к другой теме. Если вы помните, то я сказал, что от Платона или платоновского «Парменида» можно двигаться в двух направлениях. можно двигаться в направлении неоплатоников, т.е. Плотина. Этот путь я вам обрисовал. Можно двигаться в сторону Аристотеля. Линия к Аристотелю является главной для античной мысли. Платон предложил предикатную трактовку Бытия. У него Бытие соотносится с некоторым предикативным комплексом. Если мы возьмем, восходящую к Аристотелю, грамматическую структуру предложения, а именно каждое предложение, по Аристотелю, состоит из субъекта и предиката, например, «стол деревянный» (S есть P). Есть подлежащее и есть сказуемое, есть субъект и есть предикат. Платоновская трактовка Бытия состоит в том, что Бытием выступает весь этот комплекс [есть P]. Мы могли бы сказать, что Платон нам предложил трактовку Бытия как свойства. бытийствовать, по Платону, означает обладать тем или иным набором свойств. В этом смысле, платоновское понимание состоит в том, что существующее это то, что причастно к некоторым идеям. Существование этой вещи определяется причастностью вещи к каким-то идеям. Есть причастность вещи к идее₁, вещь будет белой, есть причастность к идее₂, вещь будет твердой. Вещь предопределяется набором своих свойств (или набором своих форм). Ядро вещи для Платона является пустым. Ничего изначального в этом ядре не присутствует. Аристотелевская же трактовка состоит в том, что он берет ту же самую преди-

катную трактовку Бытия Платона, но он ее переосмысливает. Аристотель работает с постановкой проблемы, которую дает Платон. Его решение проблемы Бытия таково, что важным в этом комплексе выступает не связка [есть P], а важным выступает [S есть]. S, для Аристотеля, это сущность. Для Аристотеля прежде всего, как он говорит в своей Метафизике, вопрос о Бытии это вопрос о сущности. Эта сущность как бы существует. А уже вторичным образом этой сущности приписываются некоторые предикаты, которые Аристотель трактует как вторичные, как вспомогательные. Для Аристотеля, сначала должен быть мел, а уже потом этот мел обладает какими-то свойствами. При этом решении, для Аристотеля, первоначальным комплексом является вот эта вот подставка под свойства, некоторая субстанция, на которую навешиваются акциденции (непостоянные свойства вещей). Платону и Аристотелю принадлежит новая трактовка вещей, которая принципиально отличается от предшествующей физической трактовки. Платон и Аристотель дали логическую трактовку вещей.

Давайте перечислим основные этапы понимания вещей. Понимание вещей в милетской школе — вещи должны из чего-то состоять, из некоторой первоматерии, первовещества, например, вещи состоят из воды. Следующий шаг в понимании вещей принадлежит Демокриту, который замечает, что вещи представляют собой нечто сложное. Если они представляют собой нечто сложное, то они должны состоять из простых частей. Это нормальная физическая трактовка вещей. На этом этапе мы должны ответить на вопрос, из каких простых частей состоят вещи? Например, вещи состоят из атомов. А атомы из чего состоят? Атомы уже, например, состоят из милетской первоматерии. Эти две концепции мы могли объединить: мы ставим вопрос и о материи вещей, и об их сложном составе. Третий шаг, который делает Платон состоит в том, что вещь состоит из многих свойств. Платоновское решение, что свойства вещей связаны с тем, что вещь причастна к той или иной идее. Это решение является рациональной интерпретацией платоновского мира идей. Что такое платоновские идеи? Это то, что на уровне вещей проявляется как свойства. Если у вещей есть свойства, то должны быть основания, первопричины для этих свойств. Платон вводит мир идей, как основание для сущности вещи. Аристотель берет на вооружение открытую Платоном логическую сложность вещей, что вещь состоит из свойств, но он эту концепцию развивает и усложняет.

Что собой представляет аристотелевская трактовка вещи? По сути, сейчас я вам изложу то, что мы уже проходили с вами на семинарских занятиях. Первое. Вещь, по Аристотелю, состоит из сущности и акциденции. Сущность это первая категория, акциденция это в каком то смысле — остальные 9 категорий. В свою очередь, сущность, по Аристотелю, тоже имеет достаточно сложный характер, а именно, есть **первая сущность** и есть **вторая сущность**. Например, мы должны описать какую-то вещь. Мы говорим, вот это (нечто существующее) является мелом. По сути, платоновские идеи Аристотель объявляет вторыми сущностями, они, конечно, первым и ближайшим образом характеризуют первую сущность. Теперь к этому комплексу из первой и второй сущностей добавляются остальные предикаты, которые характеризуют комплекс из первой и второй сущности более полным образом. Я обратил ваше внимание, что это учение о сущности и акциденции.

Второй важный момент для Аристотеля. Аристотель при своем анализе

логической трактовки вещи, как правило, выстраивает иерархию. А именно, есть первая и вторая сущность, есть иерархия вторых сущностей. На самом деле, для любой акциденции мы тоже можем построить некоторую иерархию. Например, возьмем в качестве одного из предикатов категорию места. Мы можем сказать, что этот мел находится у меня в руке — это его ближайшее место, но, вместе с тем, он находится и в этой аудитории. Это тоже относится к категории места, но это категория места следующего уровня. Вместе с тем, этот мел находится в городе Москве. Мы можем задавать некоторую иерархию для каждой акциденции. Это еще одно усложнение для Аристотеля. Важный момент, что в рамках этой иерархии Аристотель догадывается, что все более или менее относительно, т.е. если платоновские идеи были чем-то абсолютным, то в аристотелевских иерархиях все является относительным.

Третий момент, который нужно было бы объявить вторым моментом. Аристотелевская концепция состоит в том, что каждая вещь состоит из материи и формы. По сути то, что я описывал в первом моменте — это формальное описание вещей. Первая сущность, вторая сущность, акциденция — это все формальные признаки. Мы могли бы усложнить эту форму, сказать, что в сущности есть какая-то материя и к этой материи, которая оформлена первой сущностью или первой формой, мы дооформляем вещь с помощью вторых форм. Потом весь этот материально-формальный комплекс мы начинаем оформлять с помощью более конкретных и второстепенных признаков, которые объявляют акциденцией. Но, материя и форма для Аристотеля понятия относительные. Это важный момент. То, что на одном уровне иерархии выступает как материя, на следующем уровне иерархии может выполнять роль формы. В каком то смысле Аристотель превосходит так называемый функциональный подход, т.е. у нас нет милетской первоматерии — это все понятия относительные, с материей и формой связаны скорее смысловые характеристики вещи. Возьмем, например, в качестве существующей вещи медный шар. Что является материей для медного шара? Медь. Что является формой для медного шара? Я бы сказал, идея шарообразности. Я на семинаре говорил, что этот пример Аристотеля не очень удачный. На экзамене вы часто путаетесь. Например, возьмем не медный шар, а возьмем деревянный стол, что будет материей? Материя — дерево. Что является формой деревянного стола? Вы, как правило говорите, что формой деревянного стола является, например, что это прямоугольный стол — это неправильно. Формой деревянного стола является его «столовость». В шаре совмещены две формы — это и геометрическая форма, это и сущностная форма (а что это такое? это шар). Что интересно, медь которая в данном случае выступает как материя для медного шара, Аристотель замечает, в свою очередь тоже является чем-то оформленным. Ведь медь это что-то определенное, оформленное. Если это нечто оформленное, то медь в свою очередь состоит из материи и формы. Мы можем поставить вопрос, что является материей для меди? Я думаю, что вы с легкостью ответите на вопрос, что является формой для меди? Формой для меди является «медность», т.е. это что-то оформленное как медь, оформленное «медностью». Можно по-разному отвечать на вопрос о материи, несколько упрощая, можно сказать, что медь состоит из каких-то элементов, но эти элементы тоже оформлены! Значит, можем выделить форму для этих элементов. Если мы будем двигаться вниз, то мы дойдем до первоматерии. По Аристотелю,

первоматерия — это нечто никак неоформленное. И в точном смысле этого слова, мы о первоматерии ничего сказать не можем. Поскольку, когда мы о первоматерии что-то сказали, мы ее как-то оформили. Первоматерия — это то из чего все состоит, но это что-то максимально неоформленное. Если мы будем двигаться вверх, то есть еще и некоторая первоформа. Такой первоформой для Аристотеля выступает Бог. Очень важно, что на каждом уровне анализа характеристики не являются абсолютными, потому что на другом уровне анализа медность в свою очередь выступает как форма. Поэтому надо быть всегда аккуратными, говорит Аристотель, когда мы проводим анализ. Мы должны фиксировать уровень рассмотрения и понимать, что абсолютных характеристик нет.

Четвертый момент. Для того, чтобы определить вещь Аристотель вводит свое **учение о четырех причинах**. По сути, в третьем моменте, когда я сказал, что вещи состоят из материи и формы, мы уже сформулировали две основные причины вещей. Вещь состоит из материи — первая причина, и из формы — вторая причина. Аристотель замечает, что материи и формы не достаточно для того чтобы определить, задать индивидуальность каждой вещи. Он вводит еще третью причину движущую. Движущая причина отвечает на вопрос, откуда эта вещь произошла. Каждая вещь кем-то порождена, кем-то изготовлена. Четвертая причина — целевая. Каждая вещь, чтобы оставаться собой должна стремиться к какому-то своему идеалу. Итак, четвертый момент который мы находим в аристотелевской концепции логической вещи, это дополнение предыдущего еще четырьмя причинами.

Пятый момент. Аристотель вводит еще одно различие — между актуальным и потенциальным. Возможно это самая интересная и самая важная новация, поскольку до Аристотеля в основном анализ вещи происходил в модусе действительного (модусе актуального). Аристотель говорит, что в вещи присутствует что-то, но это что-то присутствует потенциально или виртуально и мы должны это учитывать. По сути, говорит Аристотель, первоматерия (и любая материя) — это Бытие в возможности (потенциальное), а форма — это не нечто существующее самостоятельно, как платоновские идеи, а это то, что оформляет эту потенциальную материю. Когда у нас потенциальная материя актуализировалась, у нас получается сама вещь. Форма — это то, что актуализирует (оформляет) эту потенциальность — это будет уже Бытие в действительности. Мы конечно, описываем вещь как данную здесь и сейчас, эта вещь с одной стороны состоит из материи и формы, с другой стороны он описывается категориальной сеткой Аристотеля, определяет сущность, акциденции. С третьей стороны, мы для каждой категории постулируем некоторую иерархию. Первая, вторая и т.д. сущности, различные типы места. С четвертой стороны мы говорим, что вещь помимо всего прочего задается не только материей и формой, но задается еще и движущей и целевой причиной. В пятых, мы говорим, что вообще говоря, мы описываем нечто сейчас существующее, но вполне возможно, что завтра эта вещь как-то изменится. Почему эта вещь изменилась? Потому что возможности этого изменения были заложены в самой этой вещи. Что выступает источником этой изменчивости? Источником изменчивости выступает материя. В материи существуют еще не реализованные или полуреализованные возможности, которые потом могут реализоваться. Почему Аристотель относит эти возможности к материи? Потому что форма

это уже нечто определенное, раз и навсегда данное, это актуальное, никакой неопределенности в форме нет. Но, вещь меняется, поэтому необходимо ввести учение об актуальности или потенциальности.

Если вы помните, то на семинаре я говорил, что вещь помимо актуальных предикатов (признаков) характеризуется еще так называемыми диспозиционными предикатами. Например, мел является белым, мы говорим, что этот мел является хрупким. Вы хрупкость мела видите актуальной? Она дана или нет? Понятно, что нет, мы предполагаем, что при определенных условиях этот мел может стать хрупким. Диспозиция это то, что является свойством, но потенциальным! Или, например, типичный пример для философии 20 века, когда мы пытаемся описать кусочек сахара, мы говорим, что его белизна — это нечто актуальное (актуальный предикат), но свойство сахара быть растворимым в воде является диспозиционным предикатом. Этот диспозиционный предикат проявляется, когда мы создали соответствующие условия (диспозиции). Одно из современных решений этой проблемы, например принадлежащее Карлу Попперу (1902–1994), состоит в том, что все предикаты являются диспозиционными, они все реализуются при каком-то стечении обстоятельств, но Аристотель до таких тонкостей еще не дошел, он считал, что какие-то предикаты находятся в актуальном состоянии (при нормальных условиях), а какие-то предикаты находятся в таком скрытом состоянии (диспозиционном состоянии) — это все заключено в материи и при определенных условиях (при определенных диспозиции) могут проявиться какие-то новые свойства вещей.

Следующий шаг в онтологической проблематике был сделан в Средние века. Развитие проблематики можно проследить рассматривая тройку мыслителей Платон–Аристотель–Боеций (Фома Аквинский). Платоновская трактовка Бытия состоит в том, что Бытие мыслится как предикативный комплекс (S [есть P]), Бытие мыслится как свойства данной вещи. Бытийственность вещи это данность вещи через ее свойства. Аристотелевское решение, для того чтобы говорить о существовании вещи, нужно фиксировать ее сущность (нечто главное для вещи). Следующий онтологический шаг был сделан философией средневековья. Он состоит в том, что в предложении проводится уже две разграничительные линии (S | есть | P), в нем есть аристотелевская сущность или субъект предложения (S), есть платоновские предикаты или свойства, характеристики вещи (P), но все таки само по себе существование или Бытие связано с этим глаголом-связкой. Главное открытие Боеция (Боеций намечает это открытие, реализует его Фома Аквинский) — различие между сущностью и существованием. Существование не тоже самое, что сущность. Сущность в принципе могла бы и не существовать. Конечно, у аристотеля это уже присутствует, для того чтобы сущность существовала необходимо ввести третью причину — движущую, которая вызывает или придает сущности существование, но средневековая мысль во многом протекает в рамках теологии и теперь в качестве третьей аристотелевской причины выступает Бог. Почему вещи существуют? Потому что Бог эти вещи порождает. Существование уже трактуется не как сущность, как некоторый порождающий акт. В чем состоит этот порождающий акт? Например, в том, что материя соединяется с формой. Либо, другими словами, порождающий акт состоит в том, что форма оформляет материю и актуализирует все потенциальные возможности этой материи, т.е. вещь порождается, возникает из Небытия. Виртуальная материя, из

которой могли бы существовать вещи, оформляется или актуализируется. Существование вещи отличается от сущности.

Наверное, мы перечислили все трактовки Бытия в рамках рассматриваемой грамматической схемы (S есть P). Первая возможная трактовка Бытия принадлежит Платону, вторая — Аристотелю, третья, более развитая, которая полностью расщепляет все, что можно — различение средневековой мысли. Для полноты картины я приведу четвертую трактовку Бытия. Она принадлежит современному мыслителю Витгенштейну. Для Витгенштейна существовать означает быть описанным всем предложением. Средневековые говорят, что мир состоит из вещей, но эти вещи должны существовать. Витгенштейн говорит, что Мир состоит не из вещей, а Мир состоит из фактов. Например, какие факты мы находим в Мире? Например, факт, что идет лекция по философии. При этом описании я не упоминаю ни о каких вещах, я говорю о фактах. От одного факта мы можем перейти к следующему. Давайте о том что делается в современной онтологии поговорим в следующий раз.

Лекция 12 (20.11.2007)